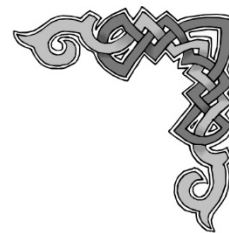

ООО «Наука и образование»

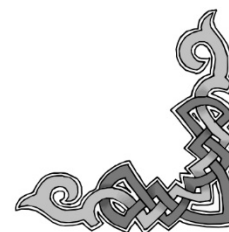
**ГУМАНИТАРНЫЕ,
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

Всероссийский научный журнал

www.online-science.ru

**№ 7
2021**

**ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ**

2021, № 7

(печатная версия Всероссийского научного журнала
«Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» –
www.online-science.ru)

Основан в 2010 г.

ISSN 2220-2404 (печать) ISSN 2221-1373 (on-line)

Решением Президиума ВАК Минобрнауки РФ
журнал «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» включен
в перечень рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук.

Свидетельство о регистрации СМИ: Эл № ФС 77-71757 от 30 ноября 2017 г.

Регистрационное свидетельство ФГУП НТЦ «Информрегистр» № 573 от 04.10.2011 г.

Лицензионный договор Научная Электронная Библиотека
(Российский индекс научного цитирования)
№ 223-07/2011R от 15.07.2011 г.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:

Попов Михаил Юрьевич, доктор социологических наук, профессор

ЗАМ. ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:

Бугаенко Юлия Юрьевна, кандидат философских наук, доцент кафедры уголовного права
юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:

Шелкова Елена Андреевна

ПЕРЕВОДЧИК:

Шелкова Елена Андреевна

КОРРЕКТОР:

Попов Михаил Юрьевич

УЧРЕДИТЕЛИ:

ООО «Наука и образование»

ФГБОУ ВПО
«Адыгейский государственный университет»

АДРЕС РЕДАКЦИИ И ИЗДАТЕЛЯ:

350049, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Красных партизан, 371, оф. 28
тел. (861) 226-08-65

Электронный адрес: milena.555@mail.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Председатель редакционного совета:

Хунагов Рашид Думаличевич – Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, доктор социологических наук, профессор, директор НИИ комплексных проблем Адыгейского государственного университета;

Заместитель председателя редакционного совета по работе со студентами, магистрантами, аспирантами:

Гугуева Дарья Александровна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры отраслевой и прикладной социологии Института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Члены редакционного совета:

Атоян Корюн Лукашевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Армянского государственного экономического университета. Республика Армения;

Вишневецкий Кирилл Валерьевич, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры уголовного права и криминологии Краснодарского университета МВД России;

Волков Юрий Григорьевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, научный руководитель института социологии и регионоведения Южного федерального университета;

Голенкова Зинаида Тихоновна, Заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения, учебно-образовательного центра Института социологии РАН;

Гришай Владимир Николаевич, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры общегуманитарных и естественнонаучных дисциплин, Эссентукский институт управления, бизнеса и права

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор. Южный федеральный университет;

Зеленский Владимир Дмитриевич, Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Кубани, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, руководитель программ магистерской подготовки юридического факультета Кубанского аграрного университета;

Игнатов Александр Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Крымского филиала Краснодарского университета МВД России;

Касьянов Валерий Васильевич, доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России Кубанского государственного университета;

EDITORIAL BOARD:

Chairman Editorial Board:

Hunagov Rashid Dumalichevich – Honoured Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Doctor of Social Sciences, Professor, Director of the Research Institute of Complex Problems of Adygea State University;

Deputy Chairman of the Editorial Board for Work with Students, Masters, Graduate Students:

Gugueva Daria Alexandrovna, Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer at the Department of Industry and Applied Sociology, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University;

Members of the editorial Board:

Koryun L. Atoyan, Doctor of Economics, Professor, Rector of the Armenian State Economic University. The Republic of Armenia;

Kirill V. Vishnevetskiy, Doctor of Law, Professor, Chief of Department of Criminal Law and Criminology Krasnodar Ministry of Internal Affairs University of Russia;

Yuri G. Volkov, Honored scientist of the Russian Federation, Ph.D., Professor, research supervisor of Sociology and Regional Studies Institute of Southern Federal University;

Zinaida T. Golenkova, Honored Public Figure of Science, Doctor of Philosophy, Professor, Deputy Director of the Institute of Sociology of the Academy of Sciences;

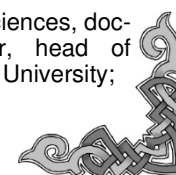
Vladimir N. Grishay, doctor of Sociology, Professor, Professor, of General humanitarian and natural Sciences, Essentuki Institute of management, business and law

Alexander Viktorovich Dyatlov, doctor of Sociology, Professor. Southern Federal University;

Zelensky V. Dmitriyevich, the Honored lawyer of Russian Federation, doctor of law, professor, the Honored lawyer of Kuban, the Honourable worker of higher education of the Russian Federation, the head of programs of master preparation of law department of the Kuban agricultural university ;

Aleksandr N. Ignatov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Crimean branch of the Krasnodar University the Ministry of Internal Affairs of Russia;

Valery V. Kasyanov, Doctor of Social Sciences, doctor of historical sciences, professor, head of the history of Russia at the Kuban State University;

Карепова Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Российской академии наук;

Кашкаров Алексей Александрович, доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии, Крымский филиал Краснодарского университета МВД России;

Клещина Елена Николаевна, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса Московского университета МВД России;

Кочербаева Айнура Анатольевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель ООП «Экономика и управление народным хозяйством» (менеджмент). Киргизско-Российский славянский университет. Бишкек, Кыргызстан;

Коновалов Станислав Иванович, Заслуженный сотрудник МВД России, доктор юридических наук, профессор, профессор Ростовского института защиты предпринимателя;

Куемжиева Светлана Александровна, кандидат юридических наук, профессор, доцент кафедры гражданского права юридического факультета Кубанского государственного аграрного университета имени И.Т. Трубилина;

Кузнецов Вячеслав Николаевич, член-корреспондент РАН, доктор социологических наук;

Маркова-Мурашева Светлана Александровна, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории, истории государства и права Кубанского государственного университета;

Маркович Данило Ж., профессор Белградского университета. Сербия;

Невский Сергей Александрович, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского института МВД России по научной работе, начальник научно-исследовательского центра № 1;

Нарбут Николай Петрович, доктор социологических наук, профессор, первый заместитель декана, заведующий кафедрой социологии Российского университета дружбы народов;

Образиев Константин Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин, Университет прокуратуры Российской Федерации

Пан Давей, доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии Шанхайской академии общественных наук. Китайская народная республика;

Пудовочкин Юрий Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права. Российский государственный университет правосудия

Svetlana G. Karepova, candidate of sociological sciences, leading researcher of Institute of socio-political researches of the Russian Academy of Sciences;

Aleksey A. Kashkarov, doctor of law, associate professor, Head of the department of criminal law and criminology Crimean branch of the Krasnodar university of the Ministry of Internal affairs of Russia;

Elena N. Kleshchina, doctor of law, professor of chair of criminal trial of the Ministry of Internal Affairs Moscow university of Russia;

Aynura A. Kocherbayeva, doctor of Economics, professor, head of OOP «Economy and Management of the National Economy» (management). Kyrgyz-Russian Slavic university. Bishkek, Kyrgyzstan;

Stanislav I. Konovlov, Honored police officer of Russia, the doctor of law, professor, professor of the Rostov institute of protection of the businessman;

Svetlana A. Kuemzhieva, Candidate of Law Sciences, professor, associate professor of civil law of legal faculty of the Kuban state agricultural university of I.T. Trubilin;

Vyacheslav N. Kuznetsov, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Social Sciences;

Svetlana A. Markova-Murasheva, doctor of law, professor, professor of chair of the theory, history of state and law of the Kuban state university;

Daniel J. Markovic, professor, University of Belgrade. Serbia;

Sergei A. Nevsky, doctor of law, professor, deputy chief of the All-Russian scientific and research institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation on scientific work, the chief of research center № 1;

Narbut N. Petrovich, doctor of sociological sciences, professor, first deputy dean, head of the department of sociology of the Russian university of friendship of the people;

Konstantin V. Obrazhiyev, doctor of law, professor, head of the department of criminal and legal disciplines University of prosecutor's office of the Russian Federation

Pan Dawei, Doctor of Social Sciences, Professor of Sociology, Director of the Institute of the Shanghai Academy of Social Sciences. Chinese People's Republic;

Yury E. Pudovochkin, doctor of law, professor, professor of department of criminal law. Russian state university of justice

Пусько Виталий Станиславович, Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры политологии МГТУ им. Н.Э. Баумана;

Романова Анна Ильинична, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой экономики и управления в городском хозяйстве Казанского государственного архитектурно-строительного университета;

Рыкова Ирина Николаевна, доктор экономических наук, профессор, руководитель Центра отраслевой экономики Научно-исследовательского финансового института Министерства финансов РФ;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры управления персоналом и социологии Ростовского государственного экономического университета;

Силин Анатолий Николаевич, Заслуженный деятель науки РФ, доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Западно-сибирского филиала Института социологии РАН;

Снимщикова Ирина Викторовна, Заслуженный деятель науки Кубани, академик РАН, профессор, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и финансового менеджмента Кубанского государственного технологического университета имени И.Т. Трубиллина;

Сумачев Алексей Витальевич, доктор юридических наук, профессор, Югорский государственный университет;

Тузиков Андрей Римович, доктор социологических наук, профессор, декан факультета промышленной политики и бизнес-администрирования Казанского национального исследовательского технологического университета;

Упоров Иван Владимирович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор. Краснодарский университет МВД России;

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, ведущий научный сотрудник, Институт государства и права Российской академии наук, главный редактор научного журнала «Евразийский юридический журнал»;

Харитонов Евгений Михайлович, академик РАН, доктор социологических наук, директор Всероссийского научно-исследовательского института рриса.

Vitaly S. Pusko, The honored worker of the Higher school of the Russian Federation, the Doctor of Philosophy, professor, professor of chair of political science of MG TU of N.E. Bauman;

Romanova Anna Ilyinichna, doctor of Economics, professor, the head of the department of economy and management in municipal economy of the Kazan state architectural and construction university;

Rykova Irina Nikolaevna, doctor of Economics, professor, the head of the Center of branch economy of Research financial institution of the Ministry of Finance of the Russian Federation;

Samygin Sergei Ivanovich, doctor of sociological sciences, professor of department of personnel management and sociology of the Rostov state economic university;

Anatoly N. Silin, Honored Worker of Science of the Russian Federation, doctor of sociological sciences, professor, the chief researcher of the West Siberian branch of Institute of sociology of RAN;

Irina V. Snimschikova, Honored Scientist of the Kuban, academician REAN, professor, doctor of economic sciences, professor of economics and financial management at the Kuban state technological university named of I.T. Trubilin;

Alexey V. Sumachev, doctor of jurisprudence, professor, Yugra state university;

Jolly-boats Andrey Rimovich, doctor of sociological sciences, professor, the dean faculty of industrial policy and business administration of the Kazan national research technological university;

Ivan V. Uporov, doctor of historical sciences, the candidate jurisprudence, professor. Krasnodar university Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation;

Insur Z. Farkhutdinov, doctor of jurisprudence, the leading researcher, Institute of the state and right of the Russian Academy of Sciences, Editor-in-Chief of the scientific journal «The Euroasian legal magazine»;

Evgeny M. Kharitonov, academician of RAS, doctor of sociological sciences, director of the All-Russian research institute rice.

Вячеслав Николаевич Кузнецов
15.05.1954 г. – 02.07. 2021 г.

2 июля 2021 года безвременно ушел из жизни член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, профессор Вячеслав Николаевич Кузнецов, многолетний член редакционного совета Всероссийского научного журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки». Все шестьдесят семь лет своей жизни Вячеслав Николаевич, независимо от занимаемых им должностей, посвятил беззаветному служению Отечеству, подтверждением чему свидетельствует его служба в течение 14 лет в системе МВД СССР и Российской Федерации, включая двухлетнюю служебную командировку в республике Афганистан. После окончания службы в органах внутренних дел В.Н. Кузнецов возглавлял страховую компанию «Щит». Пять лет своей жизни он посвятил становлению Газпрома в качестве советника его председателя, начальника департамента стратегического анализа и аудита. Значительную часть своей жизни Вячеслав Николаевич посвятил работе в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, руководству Институтом социально-политических исследований РАН, службе в органах государственной власти.

Активную гражданскую позицию в новых исторических условиях постсоветской России В.Н. Кузнецов продемонстрировал как один из организаторов борьбы с коррупцией в нашей стране в начале 1900-х гг. в качестве председателя коллегии советников по правовым вопросам организации борьбы с коррупцией Московского областного совета народных депутатов.

Немалый отрезок своей жизни Вячеслав Николаевич посвятил научной и научно-педагогической деятельности, пройдя путь от ассистента кафедры Московского инженерно-экономического института до член-корреспондента Российской академии наук, заместителя академика-секретаря Отделения общественных наук РАН. Этот период его творческой жизни был отмечен активной творческой деятельностью, в том числе, публикациями более ста научных и учебно-методических работ, в которых нашли отражение многочисленные научные достижения этого одного из ведущих социологов современной России, посвященные теории безопасности через развитие, концепции культуры безопасности, фундаментальной научной проблеме социологии идеологии.

В.Н. Кузнецов является автором идеи и создателем научной социологической школы по исследованию культуры безопасности, геокультуры, социологии компромисса, которая обладает заслуженным общероссийским и международным авторитетом. На протяжении ряда лет он являлся руководителем ряда межвузовских проектов, опубликованных в монографиях «Московско-Шанхайская модель миропорядка», «Смысл Великой Победы», «Мы – народ», ставшие предметом активных дискуссий и большого интереса со стороны ученых и широкой общественности.

Научные идеи и выводы, обоснованные в трудах В.Н. Кузнецова, получили развитие в разработке и осуществлении общероссийского мониторинга состояния безопасности человека и российского общества в XXI веке, что является важным звеном позитивных перемен в достижении благополучия и безопасности народов России. Практическим воплощением этого направления его научной деятельности стала

подготовка и проведение многочисленных общероссийских социологических исследований по анализу формирования социологии гуманитарной и духовной национальной безопасности России. Практическим воплощением этого направления его научной деятельности стала подготовка и проведение многочисленных общероссийских социологических исследований по анализу формирования социологии гуманитарной и духовной безопасности, подготовка проекта «Стратегии национальной безопасности России 2005 г.».

Многие обществоведы высоко оценили и активно используют в своих работах оригинальные общетеоретические и общеметодологические концепты, впервые разработанные В.Н. Кузнецовым: «институционально-сетевую методологию» и «высокие гуманитарные технологии». Дальнейшее теоретическое их развитие они получили в ходе разработки и реализации фундаментального научного проекта отделения общественных наук РАН «Гуманитарный стратегический маневр» под его руководством, опубликованные в коллективной монографии.

Государственными и общественными структурами, как в России, так и за рубежом, востребованы научные итоги его научно-исследовательских работ.

Воинская служба и трудовая деятельность Вячеслава Николаевича получили достойную оценку со стороны государства. Он был награжден Орденом Боевого Красного Знамени, медалью Ордена за заслуги перед Отечеством II степени, 10 ведомственными медалями. Его ратный подвиг воина-интернационалиста отмечен государственной наградой Республики Афганистан – орденом «Золотая звезда».

Высокие нравственные и человеческие качества, преданность религиозным традициям были по достоинству оценены руководством Русской православной церкви, наградившей В.Н. Кузнецова тремя орденами Православной церкви.

В памяти всех тех, кого судьба свела с Вячеславом Николаевичем, он навсегда останется человеком, преданным своей Родине, семье, делу, которому он посвятил свою яркую жизнь, верным другом и соратником. Коллектив редакционного совета журнала «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки» выражает свое глубокое соболезнование семье Кузнецова Вячеслава Николаевича в связи с безвременной потерей любимого мужа и отца.

**Главный редактор, профессор
М.Ю. Попов**

СОДЕРЖАНИЕ:

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Аверин А.Н., Понеделков А.В., Стельмах С.А., Омельченко И.В. Анализ результатов экспертного опроса по проблемам демографического развития России	15
Жаде З.А., Гайдарева И.Н. Доверие к власти как предмет исследования в российской социогуманитарной науке	19
Плотников В.В. Освещение экстремального спорта на уровне масс-медиа: социальное значение и формы	25
Серкина Я.И. Рискологическое поле проблемы цифровизации высшего образования в региональных вузах	29
Тихонина С.А., Шрайнер О.В., Клочкова Т.Н. Качество дошкольного образования в Псковской области: опыт социологического исследования мнения родителей	34
Тужба Э.Н. Западный опыт миграционной политики в российских реалиях	40
Чернышева Н.С. Развитие предпринимательского потенциала в молодежной среде: государственная поддержка и региональная специфика	45

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авакян А.М. Понятие «договор» в гражданском праве и законодательстве	53
Агеев Н.В. К вопросу о взаимодействии следователя с другими участниками расследования	56
Андреев В.Л., Ильницкий А.С. Формы организованной преступной деятельности в теневом пространстве сети Интернет	60
Астафьев И.Н., Литвинов А.В. Пресечение сотрудниками подразделения охраны и конвоирования передачи подозреваемым и обвиняемым запрещенных предметов в ходе судебных заседаний	66
Батеева Е.В., Шпалов А.В. Роль института социального партнерства в решении вопросов специальной оценки условий труда	70
Брыксина Ю.А. Место мотивов, целей и эмоций в субъективной стороне преступления	75
Виниченко Е.А. Институт уголовной ответственности за незаконное образование юридического лица: несовершенство нормативной определенности и направления системно-предметного преобразования	79
Горохов Д.Ю. К вопросу о совершенствовании роли Совета Федерации в законотворческом процессе	83
Григолия Г.Л. Институт неотложных следственных действий: современное состояние и перспективы развития	87
Данильян Э.С., Науменко О.А. О проведении предварительной проверки по преступлениям в сфере экономической деятельности	91

Дубницкая А.В. Проблема профилактики виктимного и преступного поведения несовершеннолетних, ставших жертвами сексуального насилия	95
Ермаков К.А. Особенности гражданско-правовой институционализации интересов собственников в РФ	101
Зеленский В.Д. Организационный аспект формирование предмета расследования	104
Карданова И.В. Вопросы правового регулирования конституционного права граждан на защиту пенсионных прав	107
Лещенко В.П. Мошенничество, совершенное с использованием средств электронного платежа в системе имущественных преступлений против собственности	111
Лисицын В.В. Примирительное посредничество в энергетическом праве России и ряде развитых зарубежных стран: миф или экономическая необходимость?	115
Марченко Г.В., Паншина С.В., Шеянов К.В. Актуальные проблемы информационного противоборства в контексте реализации молодежной политики на территории суверенного государства: теоретико-правовое исследование	120
Оленева А.Н., Сабашнюк Л.А. Животные как объекты гражданских прав по законодательству Российской Федерации	126
Соболев В.В. Формы и виды соучастия: теоретическая проблема или практическая необходимость	129
Трякин Д.В. Понятие и классификация посягательств на вещные права граждан	133
Урда М.Н. Вопросы юридической оценки торговли людьми с нарушением миграционного режима	136
Фоменко Д.Д. К вопросу об объекте и объективной стороне организации незаконной миграции	139
Чимаров С.Ю., Алексеев А.А., Тоньшев А.В. Нормативное правовое регулирование этических основ поведения служащих полиции в Республике Сальвадор	143
Шатанкова Е.Н., Тарыкин В.К., Сычкова Ю.Ю. Идейно-политическая эволюция международного терроризма в условиях перехода к глобализации	147
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ	
Кочербаева А.А., Байтилеуов С.С. Экономические механизмы повышения конкурентоспособности в хлопководстве	153
Храмова Н.А. Амбивалентность коррупции и ее влияние на развитие предпринимательской деятельности	157

CONTENTS:

SOCIOLOGICAL SCIENCES

Alexander N. Averin, Aleksandr V. Ponedelkov, Sergey A. Stelmakh, Igor V. Omelchenko Analysis of the results of an expert survey on Russia's demographic development	15
Zuriet A. Zhade, Inna N. Gaidareva Trust in the government as a subject of research in Russian socio-humanitarian science	19
Vladimir V. Plotnikov Coverage of extreme sports at the mass media level: social significance and forms	25
Yana I. Serkina Axiological field of the problem of digitalization of higher education in regional universities	29
Swetlana A. Tikhonina, Olga V. Shrayner, Tatjana N. Klochkova Quality of preschool education in the Pskov region: experience of sociological research of parental opinion	34
Emir N. Tuzhba Western experience of migration policy in Russian realities	40
Naide S. Chernysheva Developing entrepreneurial capacity in the youth environment: state support and regional specifics	45

JURISPRUDENCE

Alesya M. Avakian The concept of a contract in civil law and legislation	53
Nikolai V. Ageev On the question of the interaction of the investigator with other participants in the investigation	56
Vladimir L. Andreev, Alexander S. Ilnitsky Forms of organized criminal activities in shadow space Internet networks	60
Ivan N. Astafiev, Artyom V. Litvinov Suppression by employees of the security unit and escorting the transfer to the suspects and the accused prohibited items during court sessions	66
Elena V. Bateeva, Andrey V. Shpalov The role of the institute of social partnership in solving issues of special assessment of working conditions	70
Yulia A. Bryksina The place of motives, goals and emotions in the subjective side of the crime	75
Ekaterina A. Vinichenko Institute of criminal responsibility for illegal formation of a legal entity: imperfection of regulatory determination and directions of system-subject transformation	79
Dmitry Yu. Gorokhov The issue of improving the role of the Federation Council in the legislative process	83
Guram L. Grigoriya Institute of urgent investigative actions: current state and development prospects	87
Elina S. Danilyan, Oxana A. Naumenko About carrying out of preliminary check on crimes in economic activities sphere	91
Anna V. Dubnitskaya The problem of preventing victimal and criminal behavior of minors who are victims of sexual violence	95
Kirill A. Ermakov Features of civil law institutionalization of the interests of employees in the Russian Federation	101

Vladimir D. Zelensky Organizational aspect formation of the subject of investigation	104
Irina V. Kardanova Issues of legal regulation of the constitutional right of citizens to protect pension rights	107
Vladimir P. Leschenko Fraud committed using electronic payment means in the system of property crimes against property	111
Valery V. Lisitsyn Conciliatory mediation in the energy law of russia and a number of developed foreign countries: myth or economic necessity?	115
Gennady V. Marchenko, Svetlana V. Panshina, Konstantin V. Sheyanov Actual problems of information confrontation in the context of the implementation of youth policy in the territory sovereign state: theoretical and legal research	120
Anna N. Oleneva, Leonid A. Sabashniuk Animals as objects of civil rights under the legislation of the Russian Federation	126
Vyacheslav V. Sobolev Forms and types of complicity: theoretical problem or practical necessity	129
Dmitrii V. Triamkin The concept and classification of encroachments on the property rights of citizens	133
Margarita N. Urda Issues of legal assessment of human trafficking in violation of the migration regime	136
Darya D. Fomenko On the concept of the object and the objective side of the organization of illegal migration	139
Sergey Yu. Chimarov, Alexey A. Alekseyev, Alexander V. Tonyshev Legal regulation of ethical principles of conduct of police officers in the Republic of El Salvador	143
Elena N. Shatankova, Vladimir K. Tarykin, YulinaYu. Sychkova Ideological and political evolution of international terrorism in the context of the transition to globalization	147
ECONOMIC SCIENCES	
Ainura A. Kocherbayeva, Sabit S. Baytileuov Economic mechanisms for increasing competitiveness in cotton growing	153
Nadezhda A. Khramova The ambivalence of corruption and its impact on business development	157

**СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ**

Аверин Александр Николаевич

доктор философских наук,
профессор,
Институт права
и национальной безопасности
Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Понеделков Александр Васильевич

доктор политических наук,
профессор,
заведующий лабораторией,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Стельмах Сергей Анатольевич

кандидат технических наук,
доцент,
магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Омельченко Игорь Владимирович

магистрант факультета политологии,
Южно-Российский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
igorom111@yandex.ru

**АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ
ЭКСПЕРТНОГО ОПРОСА
ПО ПРОБЛЕМАМ
ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО
РАЗВИТИЯ РОССИИ**

Аннотация. В феврале – марте 2021 года по инициативе Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в 23 регионах проведен опрос «Демографическое развитие России: проблемы и пути решения». Опрошено 1,4 тыс. экспертов – представителей органов законодательной власти, судебной системы, правоохранительных органов; бизнес-сообщества; работников органов исполнительной власти; средств массовой информации, учреждений культуры и искусства; специалистов органов

Alexander N. Averin

Doctor of Philosophy,
Professor,
Institute of Law
and National Security
Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Aleksandr V. Ponedelkov

Doctor of Political Science,
Professor,
Head of Laboratory,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Sergey A. Stelmakh

Candidate of Technical Sciences,
Associate Professor,
Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy of Folk
Economy and Public Service
President of the Russian Federation
ponedelkov@uriu.ranepa.ru

Igor V. Omelchenko

Master of Political Science,
South Russian Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
igorom111@yandex.ru

**ANALYSIS OF THE RESULTS
OF AN EXPERT SURVEY
ON RUSSIA'S DEMOGRAPHIC
DEVELOPMENT**

Annotation. In February-March 2021, at the initiative of the South Russian Institute of Management, a branch of the Russian Academy of National Economy and Public Service under the President of the Russian Federation, a survey «Demographic Development of Russia: Problems and Solutions» was conducted in 23 regions. 1.4 thousand experts – representatives of the legislative authorities, the judiciary, law enforcement agencies – were interviewed; Business community Executive branch employees; media, cultural and arts institutions; Local government professionals; Members of political parties and public organizations; teachers, teachers,

местного самоуправления; членов политических партий и общественных организаций; ученых преподавателей, учителей, работников дошкольных образовательных учреждений. В статье использованы результаты экспертного опроса в пяти регионах Приволжского федерального округа. Это связано с тем, что в этих регионах проведен почти пятый экспертный опрос, приняли участие каждый четвертый эксперт. В Башкирии опрошено 50 экспертов, Пермском крае – 48, Татарстане – 50, Ульяновской области – 72, Чувашии – 50 [1, с. 104–115, 188–199, 259–282, 295–306].

Ключевые слова: демографическая политика, демографическая ситуация, демографическое развитие, опрос, эксперт.

При оценке демографической ситуации в стране большинство экспертов считают её скорее кризисной – 62 % чувашских респондентов, 56,25 % пермских, 47,22 % ульяновских, 40 % башкирских, 36 % татарских. 58 % экспертов в Башкирии отмечают, что в демографическом развитии заметно лишь ухудшение ситуации; 58 % в Чувашии – благоприятного демографического развития не происходит; наблюдается стагнация – 40,28 % в Ульяновской области и 39,58 % в Пермском крае – происходит развитие, но есть значительные проблемы, требующие срочного решения, 36 % в Татарстане – благоприятное развитие демографической ситуации, но есть значительные трудности. Ухудшение демографической ситуации (рождаемости, смертности, продолжительности жизни) за последние 5 лет отмечают 86 % башкирских экспертов, 37,5 % пермских, 44 % татарских, 48,61 % ульяновских. В Чувашии 42 % респондентов полагают, что она не изменилась, 36 % – улучшилась, Пермском крае 33,33 % – не изменилась. Неблагоприятная демографическая ситуация, по мнению большинства экспертов, связана, в первую очередь, со снижением рождаемости в связи с низким уровнем жизни большинства населения (68 % респондентов в Чувашии, 62,5 % в Пермском крае, 48 % в Татарстане, 47,22 % Ульяновской области); со снижением значимости ценностей семьи, особенно среди молодежи (64 % в Чувашии, 44 % в Башкирии), из-за существующих политических и экономических рисков; люди просто боятся заводить детей (42 % Татарстане). На ухудшение демографической ситуации (рождаемости, смертности, продолжительности жизни) за последние 5 лет указали 86 % башкирских экспертов, 48,61 % ульяновских, 44 % татарских, 37,5 % пермских. 42 % чувашских экспертов полагают, что она не изменилась.

Среди наиболее реальных и практически реализуемых направлений улучшения демографической ситуации являются, по мнению экспертов, повышение рождаемости коренного населения России (85,42 % пермских респондентов, 77,5 % ульяновских, 72 % чувашских, 62 % татарских); сокращение смертности в России (80 % башкирских, 78,89 % ульяновских, 68,75 % пермских, 66 % татарских, 62 % чувашских респондентов);

pre-school education workers. The article uses the results of an expert survey in five regions of the Volga Federal District. This is due to the fact that almost a fifth of the expert survey was conducted in these regions and one in four experts took part. In Bashkiria 50 experts were interviewed, the Perm region – 48, Tatarstan – 50, Ulyanovsk region – 72, Chuvashia – 50. 1, 104–115, 188–199, 259–282, 295–306.

Keywords: demographic policy, demographic situation, demographic development, poll, expert.

предоставление бесплатного жилья многодетным семьям (78 % чувашских); увеличение выплат по программам материнского капитала и расширение возможностей для его использования (76,11 % ульяновских, 72 % чувашских, 64 % татарских, 56 % башкирских, 52,08 % пермских экспертов); значительные денежные выплаты от государства на рождение первого ребенка (71,94 % ульяновских, 58 %, чувашских, 68 % татарских, 54,17 % пермских, 54 % башкирских респондентов); предоставление бесплатного жилья многодетным семьям (78 % чувашских, 71,94 % ульяновских, 54 % татарских респондентов), прекращение выезда российских граждан за рубеж (58 % татарских, 46 % чувашских респондентов), стимулирование любой миграции в принципе, чтобы только приезжали и жили в России (52 % чувашских респондентов).

Преобладающими проблемами, связанными с демографическим развитием, названы отсутствие веры в возможность обеспечить детям достойное воспитание и уровень жизни (66,67 % экспертов в Пермском крае, 61,11 % Ульяновской области, 58 % Чувашии, 56 % Башкирии); экономическая неустойчивость и политические риски в России (60,42 % Пермском крае, 64 %, Татарстане, 58,33 % Ульяновской области, 58 % Чувашии, 48 % Башкирии); изменение в менталитете и ценностях населения, развитие идеологии социального эгоизма и желание жить только для себя (62 % Чувашии, 45,83 % Ульяновской области); проблемы с трудоустройством (56% Башкирии, 54 % Татарстане), наличие проблем с покупкой и строительством жилья (54 % Чувашии, 50 % Пермском крае, 43,06 % Ульяновской области; мировые экономические проблемы и кризисы (54 % Чувашии).

По мнению экспертов, существует связь демографических проблем со сложной внутренней ситуацией, они связаны в очень сильной степени, определяются именно сложной внутренней ситуацией, на первом месте находятся внутриполитические проблемы и снижение уровня жизни населения – в Чувашии (68 %), Пермском крае (58,33 %), Башкирии (56 %), Татарстане (56 %), Ульяновской области (52,78 %). Многие эксперты полагают, что неблагоприятная демографическая ситуация

представляет собой угрозу для безопасности и будущего страны. Существует угроза резкого сокращения трудовых ресурсов, что приведет к значительному ухудшению уровня жизни, ослаблению экономики и падению обороноспособности (72 % башкирских экспертов, 70 % чувашских, 66,67 % пермских, 60 % татарских, 47,22 % ульяновских); неравномерности заселения страны и её экономико-социального развития, резкого перекоса и критического несоответствия между уровнем развития различных регионов (64 % татарских, 60 % башкирских экспертов); депопуляции русских как народа, вокруг которого сложилась государственность России и прекращения её существования как единого суверенного государства (56,25 % пермских экспертов); неспособность государства обеспечить выполнение социальных обязательств в условиях старения основной массы населения и сокращения трудовых ресурсов, (образование, медицина, социальное обеспечение, пенсии, пособия) (62 % чувашских экспертов); изменение этнического состава населения и размывание традиционной культуры России (44 % чувашских экспертов).

На вопрос об эффективности государственной демографической политике 42 % башкирских экспертов отметил, что она скорее неэффективна, результатов практически нет, 41,67 % пермских – скорее эффективна, результаты есть, но необходимы доработки и 41,67 % – скорее неэффективна, результатов практически нет, 32 % татарских – скорее эффективна, результаты есть, но необходимы доработки, 30 % – скорее неэффективна, результатов практически нет, 61,11 % ульяновских – скорее эффективна, результаты есть, но необходимы доработки, 46 % чувашских – скорее неэффективна, результатов практически нет. Только 16 % в Татарстане и 5,56 % в Ульяновской области признали её полностью эффективной, приносящей ощутимые результаты. Об эффективности государственной поддержки семей посредством выделения материнского капитала большинство экспертов отметили, что скорее эффективна, результаты есть, но необходимы доработки – 76 % чувашских, 74 % башкирских, 68,06 % ульяновских, 56,26 % пермских, 50 % татарских экспертов.

Согласно мнению экспертов, наиболее эффективными для решения задач демографического развития являются такие меры, как развитие национальных проектов и иных мер, повышающих материальное обеспечение семей (98 % в Башкирии, 70,83 % Пермском крае, 63,89 % Ульяновской области, 62 % Чувашии); воспитание семейных ценностей и соответствующая государственная информационная политика (75 % Ульяновской области, 74 % Чувашии, 72,92 % Пермском крае, 72 % Башкирии, 52 % Татарстане); поддержка общественных организаций, добровольческого движения в оказании общественно-полезных услуг многодетным семьям, детям из неблагополучных семей, гражданам в ситуациях социального риска (60,42 % Пермском крае, 54 % Башкирии, 52 % Татарстане, 48 % Чувашии); на законодательном уровне исключить возможность

пропаганды любых форм деятельности, направленных на снижение рождаемости и разрушение традиционных форм семьи (68 % Чувашии).

Среди основных препятствий для полностью успешной реализации мер государственной демографической политики башкирские эксперты назвали коррупцию в административно-управленческом аппарате (68 %), стресс и неуверенность граждан в завтрашнем дне, боязнь создавать большую семью в этих условиях (62 %); пермские эксперты – нехватку бюджетного финансирования (75 %), коррупцию в административно-управленческом аппарате (56,25 %), несовершенство самих программ и проектов демографической политики (50 %), низкий контроль над исполнением программ и проектов (50 %); татарские эксперты – несовершенство самих программ и проектов демографической политики (50 %), стресс и неуверенность граждан в завтрашнем дне, боязнь создавать большую семью в этих условиях (44 %), низкий контроль над исполнением программ и проектов (42 %); ульяновские эксперты – стресс и неуверенность граждан в завтрашнем дне, боязнь создавать большую семью в этих условиях (47,22 %), несовершенство самих программ и проектов демографической политики (43,06 %); чувашские эксперты – несовершенство самих программ и проектов демографической политики (90%), несовершенство законодательной базы, отсутствие необходимой законодательной основы для создания и реализации программ (84 %), низкий контроль над исполнением программ и проектов (78 %), нежелание самих граждан менять свой образ жизни, репродуктивные установки (64 %). На вопрос: Должно ли государство заниматься пропагандой семейных ценностей, повышения рождаемости, многодетности? эксперты, в основном, ответили, что это необходимо делать; такая информационная политика будет значительно способствовать улучшению демографической ситуации – в Чувашии (76 %), в Ульяновской области (65,28 %), в (60 %), Пермском крае (56,26 %). 40 % экспертов в Татарстане указали, что это необходимо делать, но положительный эффект будет минимальным, такие действия лишь в незначительной степени будут способствовать улучшению демографической ситуации.

В экспертном опросе содержались вопросы о влиянии пандемии коронавируса на реализацию демографических программ, влиянии коррупции на реализацию национального проекта «Демография», демографическую ситуацию, сферах влияния. О влиянии пандемии коронавируса на реализацию демографических программ свидетельствуют следующие результаты опроса. Влияние, преимущественно, связано с увольнениями (Башкирия 90 %, Пермский край 72,92 %, Татарстан 68 %, Чувашия 54 %, Ульяновская область 47,22 %), падением производства (Башкирия 82 %, Пермский край 77,08 %, Ульяновская область 65,28 %, Татарстан 42 %); с ростом имущественного неравенства (Башкирия 52 %, Ульяновская область 40,28 %). В Чувашии 94 % экспертов указали на влияние самоизоляции и 84 % –

затруднение коммуникаций. О влиянии коррупции на реализацию национального проекта «Демография», демографическую ситуацию, о сферах влияния эксперты считают, что, безусловно, влияет (54 % в Башкирии, 47,22 % Ульяновской области), скорее всего, влияет (64 % экспертов в Чувашии, 41,67 % Пермском крае, 34 % Татарстане) В Татарстане 42 % респондентов затруднились ответить. Эксперты отметили, что влияние выражается в мошенничестве при обеспечении жильем, выделении земельных участков (62 % башкирские, 58 % чувашские, 50 % пермские), хищении бюджетных средств (81,25 % пермские, 66 % чувашские, 56,94 % ульяновские, 52 % башкирские, 50 % татарские), реализации неэффективных проектов (82 % чувашские, 64,58 % пермские, 52 % башкирские, 45,83 % ульяновские). К сферам влияния в основном относятся социальная политика (70 % чувашские, 66 % башкирские, 62,5 % пермские, 48,61 % ульяновские), экономика и финансы (64 % чувашские, 56,25 % пермские, 54 % башкирские, 48,28 % ульяновские, 48 % татарские), здравоохранение (90 % башкирские, 72,22 % ульяновские, 52,08 % пермские, 44 % татарские, 42 % чувашские), образование и наука (58 % чувашские, 52 % башкирские).

Представляют несомненный интерес результаты опроса о личном отношении экспертов к демографической ситуации в стране и демографическому развитию региона их проживания. На вопрос: Вызывает ли тревогу демографическая ситуация

Литература:

1. Демографическое развитие России: проблемы и пути решения / В.В. Рудой [и т.д.] // Информационно-аналитические материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием 26 апреля 2021 г. Ростов-н/Д. : Изд-во ЮРИУ РАНХиГС. 2021. 320 с.

лично у вас? эксперты ответили, что, безусловно, вызывает, неблагоприятная демографическая ситуация – это угроза, которая актуальна для моих детей и внуков, в целом для ближайших поколений россиян (48 % башкирских респондентов, 47,22 % ульяновских, 36 % татарских, 31,25 % пермских), безусловно вызывает, неблагоприятная демографическая ситуация – это угроза, которая актуальна уже для моего поколения (68 % чувашских). 35,42 % респондентов в Пермском крае считают, что сильной угрозы не ощущают, это отдельные проблемы, которые не затрагивают ближайшие к нам поколения. Многие эксперты назвали ситуацию в регионе проживания скорее кризисной и за последние 5 лет она ухудшилась. Соответственно, в Башкирии таких респондентов было 32 % и 88 %, Пермском крае 45,83 % и 37,5 %, 35,42 % считают, что не изменилась, Ульяновской области – 40,28 %, 37,49 % экспертов считают скорее благополучной и 55,56 %. В Чувашии эксперты отметили, что ситуация, скорее, кризисная (70 %), не изменилась (38 %), ухудшилась (32 %), улучшилась (30 %), Татарстане – скорее благополучная (34 %) и скорее кризисная (30 %), не изменилась (48 %).

Подводя итоги, следует отметить, что анализ результатов экспертного опроса позволяет показать актуальность, необходимость и важность решения проблем демографического развития страны, выявить недостатки в реализации государственной демографической политики.

Literature:

1. Demographic Development of Russia: Problems and Solutions / V.V. Rudoy [et al.] // Information and Analytical Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation April 26, 2021. Rostov-on/D., 2021. 320 p.

Жаде Зуриет Анзауровна

доктор политических наук,
профессор,
заведующая кафедрой
теории и истории государства
и права и политологии,
Адыгейский государственный университет
zhadezura@yandex.ru

Гайдарева Инна Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры конституционного
и административного права,
Адыгейский государственный университет
alay_1968@mail.ru

**ДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ КАК ПРЕДМЕТ
ИССЛЕДОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ
СОЦИОГУМАНИТАРНОЙ НАУКЕ**

Аннотация. В статье рассматривается доверие к власти как предмет научно-исследовательских практик. Авторы обращают внимание на то, что в центре внимания исследователей находятся, прежде всего, такие вопросы, как регуляторная роль доверия и недоверия в общественной жизни, система индексов уровня доверия граждан, особенности политического доверия, которые в научном дискурсе носят дискуссионный характер. Подчеркивается, что в современной российской социогуманитарной науке проблема доверия анализируется в контексте междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: доверие к власти, институциональное доверие, политическое доверие, уровень доверия, социогуманитарная наука.

Значимую роль в формировании научной проблематики доверия к власти играют потребности современной российской политической практики. Актуальность и своевременность исследования доверия населения к власти подтверждает Указ Президента Российской Федерации от 04 февраля 2021 года № 68, в котором первым показателем эффективности обозначено доверие к власти [1]. Оценка результатов деятельности органов власти в регионах будет осуществляться на основе новых показателей эффективности. Более того, речь идёт, в первую очередь, об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц субъектов РФ. Наряду с обновлением показателей оценки, в данном Указе предусматривается значительная модификация

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31778.

Zuriet A. Zhade

Doctor of political Sciences,
Professor,
Head of Department
of Theory and History of State
and Law and Politology,
Adyghea State University
zhadezura@yandex.ru

Inna N. Gaidareva

Candidate of Social Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional and Administrative Law,
Adygeya State University
alay_1968@mail.ru

**TRUST IN THE GOVERNMENT
AS A SUBJECT OF RESEARCH IN RUSSIAN
SOCIO-HUMANITARIAN SCIENCE**

Annotation. The article considers trust in the authorities as a subject of research practices. The authors draw attention to the fact that the researchers focus primarily on such issues as the regulatory role of trust and distrust in public life, the system of indices of the level of trust of citizens, the features of political trust, which are debatable in scientific discourse. It is emphasized that in modern Russian socio-humanitarian science, the problem of trust is analyzed in the context of an interdisciplinary approach.

Keywords: trust in the government, institutional trust, political trust, level of trust, socio-humanitarian science.

оценки результатов работы, проделанной властными институтами¹.

Исходя из этого, усиливается задача научного анализа институционального доверия, под которым понимается доверие к различным социальным и политическим институтам, на междисциплинарном уровне с применением комплексной методологии. В этой связи рассмотрим основные подходы к анализу доверия к власти в российской социогуманитарной науке.

Проблема доверия к власти в последние годы занимает значительное место в теоретических и эмпирических, фундаментальных и прикладных исследованиях российских ученых. В политологии акцент делается на анализе доверия в контексте

перспективной региональной системы государственного управления [2]. Проблемам регуляторной роли доверия и недоверия в общественной жизни, которые рассматриваются как факторы формирования гражданского общества, посвящена коллективная монография сотрудников НИУ ВШЭ [3]. Интерес представляет концепция построения системы индексов уровня доверия граждан к деятельности представителей государственной службы, разработанная В.Н. Якимец и его коллегами [4].

Место и роль доверия в функционировании системы государственного управления в условиях цифровизации исследуются Г.В. Пушкаревой, по мнению которой, «доверие как теоретический конструкт открывает большие возможности в объяснении сложной взаимосвязи объективного и субъективного в государственном управлении, позволяет оценить запас прочности институтов государственного управления» [5, с. 151]. Проблема институционального доверия/недоверия к власти, оценка восприятия доверия, а также, его роль в развитии гражданского общества в России проанализированы исследовательским коллективом под руководством С.Г. Максимовой [6].

Следует отдельно выделить труды П.М. Козыревой и А.И. Смирнова, в которых рассматривается специфика политического доверия в России, «выступающего одним из ключевых факторов политического процесса, играющих огромную роль в обеспечении политической стабильности и поступательном развитии общества» [7]. По мнению авторов, политическое доверие – «уверенность граждан страны (или некоторой их части) в правильности политических позиций и действий тех или иных политических сил, институтов, государственных и политических деятелей, соответствии их политических позиций своим собственным убеждениям, в способности конкретных политических субъектов реализовать провозглашенные цели и программные установки, готовность оказывать им поддержку» [8, с. 81].

И.Н. Трофимовой исследуются проблемы доверия к публичным институтам в современном российском обществе [9]. Изучению образов власти на новом этапе развития российской политической системы посвящены работы Е.Б. Шестопал [10]. Исследование М.Н. Губогло посвящено взаимосвязи доверия и справедливости, посредством которых решается проблема группового самоутверждения на личностном, региональном и институциональном уровнях [11].

Проблемы измерения доверия населения по отношению к государственным институтам в современной России являются предметом изучения Г.А. Сатарова [12]. В этом же аспекте сущность доверия населения к власти анализируется Д.Ф. Териным [13]. В центре внимания ряда ученых находится проблема доверия к органам местного самоуправления [14]. В.В. Кривоусковым разработана социологическая концепция доверия как основного условия обеспечения интеграции общества [15].

Самостоятельным научным направлением в социогуманитарной науке является изучение доверия к власти в региональном пространстве [16]. Различные подходы к оценке эффективности деятельности органов власти на уровне субъектов Российской Федерации представлены в трудах ряда авторов [17]. Особое значение приобретают работы, посвященные анализу доверия в контексте взаимоотношений общества и органов власти, проблемы обеспечения безопасности государства и общества [18].

Степень доверия населения национальных республик Северного Кавказа к федеральным и региональным органам власти, а также, критерии оценки их эффективности исследованы Т.Н. Литвиновой, по мнению которой, «доверие общества к органам власти является необходимым предварительным условием эффективного демократического управления, а снижение доверия населения выступает серьезным вызовом качеству представительной демократии. Без общественного доверия не могут функционировать ни экономические, ни политические институты. И никакие серьезные преобразования в государстве не могут быть осуществлены без доверия и активного участия масс» [19, с. 35].

В настоящее время еще нет фундаментальных исследований механизмов укрепления доверия к власти в регионах России в постпандемный период, но, несмотря на это, российские ученые активно обсуждают (пост)коронавирусный мир. В монографии коллектива авторов исследуются векторы развития гражданского общества и социального государства, которые во многом характеризуются динамикой и характером отношения россиян к политическим и социальным институтам [20]. Изучению новых вызовов органам государственной власти в России периодов пандемии и постпандемии посвящено исследование Н.С. Слепцова и М.В. Горбачева [21].

Основные тенденции глобального развития, опыт функционирования системы власти на федеральном, региональном и местном уровнях, меры по обеспечению работы органов государственной власти всех уровней, а также, проблемы в функционировании системы публичной власти в новых условиях раскрыты рядом авторов [22].

Внимание А.А. Максурова обращено на проблемы и возможности организации скоординированной работы органов государственной власти по противодействию коронавирусу. Автор предлагает формы координационного регулирования, востребованные в условиях пандемии [23].

Интересные подходы к анализу исследуемой темы содержатся в работах ученых, которые рассматривают эффекты доверия к социальным институтам в период пандемии [24]. Т.А. Нестик, анализируя возможные механизмы влияния пандемии на российское общество, к числу долгосрочных эффектов относит снижение институционального доверия [25]. Подробный анализ социальных эффектов и последствий влияния самоизоляции общества проведен коллективом

ученых [26]. Интерес представляет сравнительное исследование, посвященное проблеме доверия в системе базовых ценностей России и Германии [27].

Коллективом ученых Адыгейского государственного университета в рамках исследования взаимодействия власти и общества в условиях пандемии выявлен потенциал доверия и сплоченности в интеграции региональных сообществ в условиях пандемии, рассчитан индекс (дез)интеграции и предложена модель взаимодействия региональной власти и общества в условиях глобального риска [29].

Анализ современной научной литературы, касающейся проблемы доверия граждан к органам

Литература:

1. Указ Президента Российской Федерации от 04 февраля 2021 года № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации». URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400181504/> (дата обращения 10.06.2021).

2. *Ильичева Л.Е.* «Доверие» как критерий оценки деятельности региональной власти / Л.Е. Ильичева, М.В. Ильичева; Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной, Л.В. Сморгунова, Л.Н. Тимофеевой // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы: материалы Ежегодной всероссийской конференции. М. : МПГУ, 2020. С. 231–232.

3. Доверие и недоверие в условиях развития гражданского общества / Отв. ред. А.Б. Купрейченко, И.В. Мерсиянова. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2013.

4. *Мерсиянова И.В.* Доверие граждан к деятельности государственных служащих / И.В. Мерсиянова, В.Н. Якимец, Е.И. Пахомова // Вопросы государственного и муниципального управления. 2012. № 4. С. 98–119.

5. *Пушкарева Г.В.* Доверие в публичном пространстве государственного управления / Г.В. Пушкарева // Государственное управление. Электронный вестник. 2019. № 76. С. 151–175.

6. Доверие как социальный капитал развития гражданского общества в современной России / С.Г. Максимова, Д.А. Омельченко, Н.П. Гончарова. Барнаул : Колмогоров И.А., 2016; Институциональное доверие и развитие гражданского общества в Алтайском крае / С.Г. Максимова, О.Е. Ноянзина, Д.А. Омельченко, О.В. Суртаева // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2017. № 6. С. 185–189.

7. *Козырева П.М.* Межличностное доверие в контексте формирования социального капитала / П.М. Козырева // Социс. 2009. № 1. С. 43–54; *Козырева П.М.* О границах политического

власти, показал, что исследователи, в основном, затрагивают такие вопросы, как регуляторная роль доверия и недоверия в общественной жизни, система индексов уровня доверия граждан, особенности политического доверия, которые в научном дискурсе носят дискуссионный характер.

Таким образом, в современной науке проблема доверия анализируется в контексте междисциплинарного подхода. Данный обзор не дает всестороннее представление о спектре исследований данной проблемы в современной науке. Однако обозначенные подходы позволяют выявить наиболее актуальные направления в изучении доверия к власти и наметить перспективы дальнейших исследований этого сложного феномена.

Literature:

1. Decree of the President of the Russian Federation № 68 of February 04, 2021 «On Assessing the Effectiveness of the Activities of Senior Officials (Heads of the Highest Executive Bodies of State Power) of the Subjects of the Russian Federation and the activities of executive Bodies of the subjects of the Russian Federation URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400181504/> (date of application 10.06.2021).

2. *Ilyicheva L.E.* «Trust» as a criterion for evaluating the activities of regional authorities / L.E. Ilyicheva, M.V. Ilyicheva; Ed. O.V. Gaman-Golutvina, L.V. Smorgunova, L.N. Timofeeva // Political representation and public power: transformational challenges and prospects: materials of the Annual All-Russian Conference. M. : MPSU, 2020. P. 231–232.

3. Trust and distrust in the conditions of civil society development / Ed. by A. B. Kupreichenko, I.V. Mersyanova. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2013.

4. *Mersyanova I.V.* Trust of citizens to the activities of public servants / I.V. Mersyanova, V.N. Yakimets, E.I. Pakhomova // Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravleniya. 2012. № 4. P. 98–119.

5. *Pushkareva G.V.* Trust in the public space of public administration / G.V. Pushkareva // Public administration. Electronic bulletin. 2019. № 76. P. 151–175.

6. Trust as a social capital of civil society development in modern Russia / S.G. Maksimova, D.A.Omelchenko, N.P. Goncharova. Barnaul : Kolmogorov I.A., 2016; *Maksimova S.G.* Institutional trust and development of civil society in the Altai Territory / S.G. Maksimova, O.E. Noyanzina, D.A. Omelchenko, O.V. Surtayeva // Bulletin of the Altai State Agrarian University. 2017. № 6. P. 185–189.

7. *Kozyreva P.M.* Interpersonal trust in the context of the formation of social capital / P.M. Kozyreva // Socis. 2009. № 1. P. 43–54; *Kozyreva P.M.* On the boundaries of political trust / P.M. Kozyreva, A.I. Smir-

- доверия / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Власть. 2014. Т. 22. № 5. С. 5–10; Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 79–99; Доверие в нестабильном российском обществе / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Полис. 2019. № 5. С. 134–147.
8. *Козырева П.М.* Политическое доверие в России: некоторые особенности и проблема оптимальности / П.М. Козырева, А.И. Смирнов // Вестник Института социологии. 2015. № 12. С. 79–99.
9. *Трофимова И.Н.* Структура и динамика институционального доверия в современном российском обществе / И.Н. Трофимова // Социс. 2017. № 5. С. 68–75; *Трофимова И.Н.* Доверие институтам: основные факторы и социально-политический контекст / И.Н. Трофимова; Под ред. М.К. Горшкова, В.В. Петухова // Российское общество и вызовы времени. Книга пятая. М. : Весь Мир, 2017. С. 168–187.
10. *Шестопал Е.Б.* Новые тенденции в восприятии власти российскими гражданами / Е.Б. Шестопал, В.В. Вагина, П.С. Пасс // Полития. 2019. № 4. С. 67–86.
11. *Губогло М.Н.* Антропология доверия. М. : Издательский Дом ЯСК, 2016.
12. *Сатаров Г.А.* Доверие как объект политической социологии / Г.А. Сатаров // Полис. 2016. № 1. Ч. I. С. 121–138; *Сатаров Г.А.* Доверие как объект политической социологии / Г.А. Сатаров // Полис. 2016. № 2. Ч. II. С. 109–130.
13. *Терин Д.Ф.* Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов / Д.Ф. Терин // Социологический журнал. 2018. Т. 24. № 2. С. 90–109; *Терин Д.Ф.* Политическое доверие, удовлетворенность и представления о причинах бедности: роль нормативных аспектов институтов в производстве доверия / Д.Ф. Терин // Полис. 2020. № 3. С. 144–157.
14. *Петухов Р.В.* Доверие российского общества к органам местного самоуправления как проблема / Р.В. Петухов // Полис. 2017. № 6. С. 61–75; *Петухов Р.В.* Если ли связь между разрушениями доверия общества к местным властям и изменениями конституционного регулирования местного самоуправления? / Р.В. Петухов // Местное право. 2020. № 3. С. 27–34.
15. *Кривопусков В.В.* Доверие как фактор консолидации российского общества. М.: Социально-гуманитарные знания, 2012; Он же. Доверие в консолидации российского общества: социологическая концептуализация и институциональная оптимизация: автореф. дис. ... д. социол. н. Ростов-н/Д.: ЮФУ, 2013.
16. *Большакова Ю.М.* Эффективность государственного управления и региональных институтов власти в оценках населения / Ю.М. Большакова // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 3. С. 150–
- nov // Power. 2014. Vol. 22. № 5. P. 5–10; *Kozyreva P.M.* Political trust in Russia: some features and the optimality problem / P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov // Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. № 12. P. 79–99; *Kozyreva P.M.* Trust in an unstable Russian society / P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov // Polis. 2019. № 5. P. 134–147.
8. *Kozyreva P.M.* Political trust in Russia: some features and the optimality problem / P.M. Kozyreva, A.I. Smirnov // Bulletin of the Institute of Sociology. 2015. № 12. P. 79–99.
9. *Trofimova I.N.* Structure and dynamics of institutional trust in modern Russian society / I.N. Trofimova // Socis. 2017. № 5. P. 68–75; *Trofimova I.N.* Trust in institutions: the main factors and the socio-political context / I.N. Trofimova; Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov // Russian Society and the Challenges of Time. The fifth book. M. : The Whole World, 2017. P. 168–187.
10. *Shestopal E.B.* New trends in the perception of power by Russian citizens / E.B. Shestopal, V.V. Vagina, P.S. Pass // Polity. 2019. № 4. P. 67–86.
11. *Guboglo M.N.* Anthropology of trust. M. : Publishing House YASK, 2016.
12. *Satarov G.A.* Trust as an object of political sociology. Part I / G.A. Satarov // Polis. 2016. № 1. P. 121–138; Part II / G.A. Satarov // Polis. 2016. № 2. P. 109–130.
13. *Terin D.F.* The construction of political trust in Russia: the effectiveness and justice of political institutions / D.F. Terin // Sociological Journal. 2018. Vol. 24. № 2. P. 90–109; *Terin D.F.* Political trust, satisfaction and ideas about the causes of poverty: the role of normative aspects of institutions in the production of trust / D.F. Terin // Polis. 2020. № 3. P. 144–157.
14. *Petukhov R.V.* Trust of the Russian society to local self-government bodies as a problem / R.V. Petukhov // Polis. 2017. № 6. P. 61–75; *Petukhov R.V.* Is there a link between the destruction of public trust in local authorities and changes in the constitutional regulation of local self-government? / R.V. Petukhov // Local law. 2020. № 3. P. 27–34.
15. *Krivopuskov B.B.* Trust as a factor of consolidation of Russian society. M. : Socio-humanitarian Knowledge, 2012; *Krivopuskov B.B.* Trust in the consolidation of Russian society: sociological conceptualization and institutional optimization : abstract of the dis. ... doctor of social sciences. Rostov-on/D. : SFU, 2013.
16. *Bolshakova Yu.M.* Efficiency of public administration and regional institutions of power in population assessments / Yu.M. Bolshakova // Bulletin of the Moscow University. Ser. 18. Sociology and Political Science. 2018. Vol. 24. № 3. P. 150–168; *Kulakovskiy R.K.* The

168; Кулаковский Р.К. Имидж политической власти как ресурс регионального управления в России : автореф. дис. ... канд. полит. наук. М. : РАГС, 2009; Никифоров Я.А. Доверие к власти в региональном контексте: социологическое измерение / Я.А. Никифоров // Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология. 2018. Т. 18. Вып. 2. С. 120–123; Рассадина Т.А. Доверие власти в условиях «общества риска» (на примере российских провинциальных городов) / Т.А. Рассадина, Н.А. Миронова // Власть. 2011. № 7. С. 105–108; Реутов Е.В. Политическое доверие в региональном пространстве / Е.В. Реутов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. № 7. С. 265–272; Ширяева В.А. Управленческие технологии формирования доверия населения к органам исполнительной власти: социологический анализ (на материалах Волгоградской области) : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Ростов-н/Д. : ЮФУ, 2019; Шорина И.Н. Институциональное доверие как условие стабильности современного российского общества: региональный аспект : автореф. дис. ... канд. соц. наук. Пенза : ПГУ, 2013.

17. Бочарова А.К. Механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. М. : Изд. дом ВШЭ, 2012; Коварда В.В. Анализ динамики нормативного регулирования оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / В.В. Коварда // Вестник Евразийской науки. 2019 № 4; Лубенникова С.А. Об оценке эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти Российской Федерации / С.А. Лубенникова // Lex russica. 2020. Т. 73. № 6. С. 68–76; Рубцов Г.Г. Анализ этапов оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации / Г.Г. Рубцов, А.Н. Литвиненко // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. Т. 11. № 5. С. 74–86.

18. Глушко И.В. Факторы трансформации доверия и недоверия как социальных практик в российском обществе / И.В. Глушко // Гуманитарий Юга России. 2016. № 4. С. 97–106; Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура / Л. Гудков // Вестник общественного мнения. 2012. № 2. С. 8–47; Гужавина Т.А. Социальное доверие в гражданском обществе / Т.А. Гужавина // Проблемы развития территории. 2012. № 6. С. 115–122; Кертман Г.Л. Доверие: общее и частное / Г.Л. Кертман, С.В. Патрушев // Гражданское и политическое в российских общественных практиках. М.: РОССПЭН, 2013. С. 31–40; Кошарная Г.Б. Институциональное и межличностное доверие в консолидации российского общества / Г.Б. Кошарная // Власть. 2015. № 9. С. 125–129; Москвин Л.Б. Власть и общество: проблема доверия / Л.Б. Москвин // Власть. 2011. № 9. С. 7–10; Сасаки М. Сравнительный анализ доверия в различных странах / М. Сасаки [и др.] // Социс. 2013. № 3. С. 60–73.

19. Литвинова Т.Н. Доверие власти как предпосылка согласия в обществе (на примере Северо-Кавказских республик Российской Федерации) / Т.Н. Литвинова // Политика и общество. 2018.

image of political power as a resource of regional management in Russia : autoref. dis. ... cand. polit. sciences. M.: RAGS, 2009; *Nikiforov Ya.A.* Trust to power in the regional context : a sociological dimension // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Sociology series. Political science.* 2018. Vol. 18. Iss. 2. P. 120–123; *Rassadina T.A.* Trust of the authorities in the conditions of the «risk society» (on the example of Russian provincial cities) / T.A. Rassadina, N.A. Mironova // *Power.* 2011. № 7. P. 105–108; *Reutov E.V.* Politicheskoe doverie v regionnogo prostranstve. Series: History. Political science. 2011. № 7. P. 265–272; *Shiryayeva V.A.* Managerial technologies of forming public confidence in executive authorities: a sociological analysis (based on the materials of the Volgograd region) : autoref. dis. ... candidate of social Sciences. Rostov-on/D. : SFU, 2019; *Shorina I.N.* Institutional Trust as a Condition for the Stability of Modern Russian Society : regional aspect: autoref. dis. ... cand. social sciences. Penza : PSU, 2013.

17. *Bocharova A.K.* The mechanism for evaluating the effectiveness of the activities of executive authorities of the subjects of the Russian Federation. M. : HSE Publishing House, 2012; *Kovarda V.V.* Analysis of the dynamics of regulatory regulation of evaluating the effectiveness of the activities of executive authorities of the subjects of the Russian Federation / V.V. Kovarda // *Bulletin of Eurasian Science.* 2019. № 4; *Lubennikova S.A.* On evaluating the effectiveness of the activities of executive bodies of state power of the Russian Federation / S.A. Lubennikova // *Lex russica.* 2020. Vol. 73. № 6. P. 68–76; *Rubtsov G.G.* Analysis of the stages of evaluating the effectiveness of the activities of executive authorities of the subjects of the Russian Federation / G.G. Rubtsov, A.N. Litvinenko // *Scientific and Technical vedomosti SPbSPU. Economic sciences.* 2018. Vol. 11. № 5. P. 74–86.

18. *Glushko I.V.* Factors of transformation of trust and distrust as social practices in the Russian society / I.V. Glushko // *Humanitarium of the South of Russia.* 2016. № 4. P. 97–106; *Gudkov L.* Trust in Russia: meaning, functions, structure / I.V. Glushko // *Bulletin of Public Opinion.* 2012. № 2. P. 8–47; *Guzhavina T.A.* Social trust in civil society / T.A. Guzhavina // *Problems of territory development.* 2012. № 6. P. 115–122; *Kertman G.L.* Trust: general and private / G.L. Kertman, S.V. Patrushev // *Civil and political in Russian public practices.* Moscow: ROSSPEN, 2013. P. 31–40; *Kosharnaya G.B.* Institutional and interpersonal trust in the consolidation of Russian society / G.B. Kosharnaya // *Power.* 2015. № 9. P. 125–129; *Moskvin L.B.* Power and society: the problem of trust / L.B. Moskvin // *Power.* 2011. № 9. P. 7–10; *Sasaki M.* Comparative analysis of trust in various countries / M. Sasaki [et al.] // *Polis.* 2013. № 3. P. 60–73.

19. *Litvinova T.N.* Trust in power as a prerequisite for consent in society (on the example of the North Caucasus Republics of the Russian Federation) / T.N. Litvinova // *Politika i obshchestvo.* 2018. № 3.

- № 3. С. 35–51; *Литвинова Т.Н.* Эффективность региональной власти: от теории к измерению (на примере республик Северо-Кавказского федерального округа) / Т.Н. Литвинова // *Полис*. 2020. Том 29. № 2. С. 137–152.
20. Российское общество и государство в условиях пандемии: социально-политическое положение и демографическое развитие Российской Федерации в 2020 году / Осипов Г.В. [и др.]; Под ред. Г.В. Осипова, С.В. Рязанцева, В.К. Левашова, Т.К. Ростовской; Отв. ред. В.К. Левашов. М. : ИТД «ПЕРСПЕКТИВА», 2020.
21. *Слепцов Н.С.* Органы государственной власти и общественные организации в условиях новых социально-экономических вызовов пандемии и постпандемии / Н.С. Слепцов, М.В. Горбачев // *Вопросы политологии*. 2020. Т. 10. № 6. С. 1714–1723.
22. *Глигич-Золотарева М.В.* Эффективность федеративного государства в условиях пандемии коронавируса / М.В. Глигич-Золотарева, Н.И. Лукьянова // *Федерализм*. 2020. Т. 25. № 3. С. 145–168.
23. *Максуров А.А.* Проблемы координации деятельности органов власти в области борьбы с пандемией коронавируса / А.А. Максуров // *Правопорядок: история, теория, практика*. 2020. № 2. С. 28–33; *Максуров А.А.* Недостатки механизма координации в деятельности органов власти по противодействию пандемии коронавируса / А.А. Максуров // *Гражданин и право*. 2020. № 6. С. 15–18.
24. *Макушева М.О.* Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии / М.О. Макушева, Т.А. Нестик // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 6. С. 427–447.
25. *Нестик Т.А.* Влияние пандемии COVID-19 на общество: социально-психологический анализ / Т.А. Нестик // *Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология*. 2020. Т. 5. № 2. С. 47–83.
26. *Гафиатулина Н.Х.* Российское общество в условиях самоизоляции. Социальные эффекты и последствия пандемии COVID-19 / Н.Х. Гафиатулина [и др.]. М. : РУСАЙНС, 2020.
27. *Ильичева Л.Е.* Доверие в системе базовых ценностей России и Германии: последствия пандемии / Л.Е. Ильичева, А.В. Лапин, П. Кремер // *Проблемы национальной стратегии*. 2021. Т. 64. № 1. С. 97–118.
28. *Жаде З.А.* Региональная власть и общество в условиях неопределенности и риска: индекс (дез)интеграции как основа модели взаимодействия / З.А. Жаде [и др.] // *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия «Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология»*. 2020. Вып. 4. С. 104–121.
- P. 35–51; *Litvinova T.N.* Efficiency of regional Power: from theory to measurement (on the example of the Republics of the North Caucasus Federal District) / T.N. Litvinova // *Polis*. 2020. Vol. 29. № 2. P. 137–152.
20. Russian society and the state in the context of a pandemic: the socio-political situation and demographic development of the Russian Federation in 2020 / G.V. Osipov [et al.]; Ed. by G.V. Osipov, S.V. Ryazantsev, V.K. Levashov, T.K. Rostovskaya; Ed. by V.K. Levashov. M. : ITD «PERSPEKTIVA», 2020.
21. *Sleptsov N.S.* State authorities and public organizations in the context of new socio-economic challenges of the pandemic and post-pandemic / N.S. Sleptsov, M.V. Gorbachev // *Questions of political science*. 2020. Vol. 10. № 6. P. 1714–1723.
22. *Gligich-Zolotareva M.V.* Efficiency of the federal state in the conditions of the coronavirus pandemic / M.V. Gligich-Zolotareva, N.I. Lukyanova // *Federalizm*. 2020. Vol. 25. № 3. P. 145–168.
23. *Maksurov A.A.* Problems of coordination of the activities of government bodies in the field of combating the coronavirus pandemic / A.A. Maksurov // *Law and Order: history, theory, practice*. 2020. № 2. P. 28–33; *Maksurov A.A.* Shortcomings of the coordination mechanism in the activities of the authorities to counteract the coronavirus pandemic / A.A. Maksurov // *Citizen and Law*. 2020. № 6. P. 15–18.
24. *Makusheva M.O.* Socio-psychological prerequisites and effects of trust in social institutions in the context of a pandemic / M.O. Makusheva, T.A. Nestik // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2020. № 6. P. 427–447.
25. *Nestik T.A.* The impact of the COVID-19 pandemic on society: a socio-psychological analysis / T.A. Nestik // *Institute of Psychology RAS. Social and economic psychology*. 2020. Vol. 5. № 2. P. 47–83.
26. *Gafiatulina N.H.* Russian society in the conditions of self-isolation. Social effects and consequences of the COVID-19 pandemic / N.H. Gafiatulina [et al.]. M. : RUSAINS, 2020.
27. *Ilyicheva L.E.* Trust in the system of basic values of Russia and Germany: consequences of the pandemic / L.E. Ilyicheva, A.V. Lapin, P. Kremer. 2021. Vol. 64. № 1. P. 97–118.
28. *Zhade Z.A.* Regional power and society in conditions of uncertainty and risk: index (dez)integrations as the basis of the interaction model / Z.A. Zhade [et al.] // *Bulletin of the Adygeya State University. Series «Regional Studies: Philosophy, History, Sociology, Law, Political Science, Cultural Studies»*. 2020. Iss. 4. P. 104–121.

Плотников Владимир Валериевич

доктор социологических наук,
профессор кафедры
философии и социологии,
Краснодарский университет МВД РФ
inkognito13@inbox.ru

Vladimir V. Plotnikov

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department
Philosophy and Sociology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of the Russian federation
inkognito13@inbox.ru

**ОСВЕЩЕНИЕ ЭКСТРЕМАЛЬНОГО
СПОРТА НА УРОВНЕ МАСС-МЕДИА:
СОЦИАЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ И ФОРМЫ**

**COVERAGE OF EXTREME
SPORTS AT THE MASS MEDIA LEVEL:
SOCIAL SIGNIFICANCE AND FORMS**

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы развития экстремального спорта и вовлечения в него все большего количества людей. В ней анализируются механизмы привлечения к экстремальной спортивной деятельности членов общества, представленные на уровне основных масс-медиа. Рассматривается социальное значение экстрима и обосновывается точка зрения, в соответствии с которой, стихийное включение в экстремальную деятельность и привлечение в экстремальную сферу посредством развитых институтов существенно различаются по социальным последствиям. Доказывается, что стихийное вовлечение в экстремальную деятельность связано с намного более высоким уровнем риска, нежели институционально определенное. Обосновывается, что воздействие масс-медиа также может иметь двоякий характер, будучи ориентированным на привлечение внимание к экстремальному спорту, либо на углубление понимания его специфики.

Annotation. The article is devoted to the study of the problem of the development of extreme sports and the involvement of an increasing number of people in it. The mechanisms of attracting members of society to extreme sports activities, presented at the level of the main mass media, are analyzed. The social significance of extreme sports is considered and the point of view is substantiated, according to which spontaneous inclusion in extreme activities and attraction to the extreme sphere through developed institutions differ significantly in social consequences. It is proved that spontaneous involvement in extreme activities is associated with a much higher level of risk than an institutionalized one. It is proved that the impact of mass media can also have a twofold character, being focused on attracting attention to extreme sports, or on deepening the understanding of its specifics.

Ключевые слова: общество, спорт, экстремальный спорт, медиа.

Keywords: society, sport, extreme sports, media.

На протяжении длительного времени развитие общества сопровождается созданием условий для максимального удовлетворения потребностей человека, одной из которых является потребность в безопасности. Формируются институты, ориентированные на защиту прав членов общества и обеспечение их безопасности, создается законодательная база, определяющая нормы социальной активности и, в том числе, ограничивающие отдельные области деятельности человека, сопряженные с излишним уровнем риска. В определенной мере, можно судить о том, что общество заинтересовано в безопасности включенных в него людей, что созвучно с их собственными базовыми потребностями. Вместе с тем, наряду с потребностью в безопасности, для людей характерно наличие потребности более высокого порядка – стремление к самоактуализации, самореализации личности. И в отдельных случаях путь индивидуальной самореализации сопряжен с деятельностью, которая предпо-

лагает серьезные риски, в том числе – опасность потери здоровья и жизни. При этом на протяжении многих столетий формы деятельности, сопряженные с высоким риском для здоровья и жизни, обладают особой статусной определенностью, возвышающей их представителей, что находит отражение, как в социальной стратификации, так и в области культуры. Это определяет то, что в рамках культуры складывается тенденция, связанная с трансляцией ценностного восприятия деятельности, сопряженной с высокой степенью риска. Примером тому может служить приключенческая литература, многочисленные остросюжетные фильмы, персонажи которых оказываются в критических ситуациях и преодолевают их. Наконец, одним из важных аспектов развития ценностного восприятия риска становится развитие субкультуры экстрима, представители которой добровольно включаются в деятельность, связанную с преодолением критических нагрузок, осуществлением опасных трюков и т.д.

Пройдя ряд стадий становления, субкультура экстрима породила ряд направлений экстремальной деятельности, сопряженной с элементами спортивных состязаний, что получило отражение в таком социальном явлении, как экстремальный спорт. При этом речь идет не просто о разовых, спонтанных случаях осуществления опасных действий (как это имеет место, например, у детей, придумывающих разнообразные «испытания» смелости, ловкости и т.д.), но об институционализации деятельности, сопряженной с высокой степенью риска. Последнее означает то, что в современном обществе присутствуют развитые механизмы вовлечения в экстремальную деятельность, в которой, в свою очередь, присутствует ряд сложившихся, устойчивых направлений. Одним из аспектов развития экстремальных видов деятельности является распространение информации об экстремальном спорте (и, в том числе, его популяризация) на уровне разнообразных масс-медиа. Настоящая статья ориентирована на осмысление значения современных механизмов популяризации экстремальных видов спорта в рамках деятельности современных средств массовой информации, что включает в себя определение влияния современных СМИ на процессы развития субкультуры экстрима и, в частности, социальные последствия, связанные с освещением тематики экстрима в культурно-информационном пространстве.

Актуальность данного направления исследования обусловлена тем, что в настоящее время экстремальная сфера находится на стадии активного становления, что проявляется, с одной стороны, в формировании все большего числа направлений экстремальной деятельности, с другой – в активном вовлечении членов общества в различные формы экстремальной активности. Это означает, что влияние экстремальной сферы на состояние общества со временем возрастает, как, соответственно, и ее социальное значение. Уже это является весомым основанием для исследования экстремальности и основных аспектов ее развития в социальной среде. Еще одним важным моментом является то, что, сама по себе, область экстремального спорта представляет собой сравнительно молодое явление, которое в настоящее время все еще пребывает на стадии становления. Это определяет то, что экстрим как социальное явление трансформируется, приобретая новые качества и утрачивая некоторые из известных ранее. Отдельно следует отметить, что такой аспект развития экстремальной сферы, как влияние средств массовой информации на развитие экстремального спорта, относится к числу слабо изученных на уровне современного гуманитарного знания. При этом механизмы развития экстремальной сферы вариативны и, в том числе, различаются по критерию своего влияния на область общественных отношений. Соответственно, распространение информации об экстремальной сфере на уровне масс-медиа может способствовать как увеличению уровня социальных рисков, связанных с развитием экстремальной сферы, так и напротив, их снижению. Это является тем основанием, которое определяет

теоретическую и практическую значимость исследования.

Поскольку проблематика экстрима в его социальном и культурном измерении требует сопоставления ряда аспектов общественных отношений, особенностей культурных процессов, а также, специфики экстрима как формы деятельности, в рамках подготовки статьи была осуществлена опора на ряд работ, относящихся к обозначенным тематическим сферам.

В частности, в той или иной форме, исследование опирается на научные труды таких авторов, как Р. Мертон [5], М. Маклюэн [3], В.А. Иванов, И.В. Манжелей [2], С.В. Андреева [1], В.М. Паршкова [6], Я.К. Малик [4], А.С. Шульгин [8]. В рамках данных работ освещаются отдельные аспекты поставленной проблемы, при этом следует отметить, что её целостное осмысление в научной среде слабо представлено, что характеризует научную новизну проводимого исследования.

Определение социального значения экстрима, само по себе, представляет собой серьезную исследовательскую задачу, поскольку влияние экстремальных видов спорта, несмотря на все те риски, которые он в себе несет, является неоднозначным. Между тем, определение социального значения отражения тематики экстрима на уровне масс-медиа, фактически, определяет двойственность поставленной задачи: необходимо произвести сопоставление, с одной стороны, общих аспектов понимания экстрима как социального феномена, с другой – влияния на процессы развития экстремальных видов спорта их отражения в рамках, протекающих в обществе информационных процессов, сопряженных с деятельностью масс-медиа.

Для начала обратимся к первому аспекту исследования, а именно, к вопросу о социальном значении экстремальных видов спорта. Одним из наиболее важных аспектов экстрима, в отличие от других форм досуговой и профессиональной спортивной деятельности, является повышенный уровень риска для носителей экстремальной активности, что предполагает, в том числе, периодическое получение ущерба здоровью спортсменом-экстремалом, вплоть до несоместимого с жизнью. Данный аспект экстремальной деятельности имеет очевидный деструктивный характер, что связано не только с нарушением социальных возможностей самих спортсменов (в том числе – утратой трудоспособности), а также, повышением нагрузки на систему здравоохранения, но и с вредом, причиняемым семьям спортсменов, в случае если последние получают травмы, становятся инвалидами или гибнут в процессе осуществления спортивной деятельности. Речь идет об ухудшении благосостояния семей, связанном с утратой трудоспособности одним из членов семьи, издержках более частой оплаты медицинских услуг (в сравнении с семьями, в которых ни один член семьи не вовлечен в экстремальную деятельность), риске возникновения неполных семей и т.д. Все это свидетельствует о том, что одним из

важных аспектов экстремальной деятельности является ее деструктивное влияние на общество, имеющее многообразный характер.

Вместе с тем, точка зрения, рассматривающая экстрим исключительно в качестве деструктивного социального явления, по ряду оснований, является однобокой. Прежде всего, следует учитывать, что включение в экстремальную сферу деятельности может быть осуществлено далеко не всеми членами общества, и, следовательно, можно выделить группу людей, для которых занятие экстремальными видами спорта является потенциальным способом самореализации. Очевидно, что потенциальные участники экстремальной деятельности обладают рядом специфических качеств, определяющих их приверженность сферам деятельности, сопряженным с риском для здоровья и жизни. И в данном случае, оценивая социальное значение экстрима, следует учитывать его влияние на общественную жизнь в контексте возможных альтернатив экстрима, которые могли бы выбрать данные члены общества. И здесь следует отметить, что осуществление экстремальной деятельности может выступать в роли «мягкой» альтернативы другим способам приложения сил членов общества – например, включения в сферу противоправной активности, вовлечения в экстремистские организации, и т.д. Для людей, стремящихся к преодолению трудностей и не боящихся риска, включение в данные сферы деятельности может выступать в качестве одного из способов «поиска себя», иными словами – самореализации. И в данном случае экстрим можно рассматривать как один из вариантов минимизации ущерба обществу, связанного с наличием у некоторых его представителей высокого уровня нерастроченной социальной энергии, требующей выплеска. Помимо этого, следует отметить, что экстремальная деятельность как форма спортивной активности несет в себе не только риски, но и серьезные положительные стороны. В частности, экстремальная активность может способствовать повышению уровня физической формы членов общества, их отказу от вредных привычек (алкоголизм, курение, прием наркотических веществ и т.д.), что также является важным позитивным результатом развития экстремальной сферы.

Рассматривая вопрос о социальном значении экстрима, нельзя обойти вниманием такой аспект распространения экстремальных видов спорта, как институционализация экстремальных видов спорта. Речь идет о том, что в настоящее время возникают многочисленные секции, на уровне которых реализуется обучение экстремальным видам деятельности, формируются специфические экстремальные сообщества и т.д. Наряду с этим, возникают и расширяются специфические сообщества носителей экстремальной активности, в рамках которых реализуются механизмы привлечения новых участников. В связи с этим, исследователи ставят вопрос о том, что одним из ключевых факторов влияния экстремального спорта на общество является степень его институционализации. В данном случае выделяется два основных варианта приобщения к экстремальному спорту – стихийное и институционально организованное. В

первом случае новые носители экстремальной активности не обладают должным набором навыков и представлений об осваиваемой сфере, не обладают необходимой экипировкой и осуществляют свою деятельность вне контроля со стороны опытного спортсмена, способного вовремя заметить и исправить совершаемые ими ошибки. Как результат – степень травматичности при стихийном занятии экстремальной деятельностью достигает критических отметок ввиду некорректной подготовки начинающих экстремалов. В свою очередь, приобщение к экстремальным видам спорта в рамках действующих организаций, ориентированных на корректное обеспечение экстремальной деятельности, как в плане инструктажа, так и в плане экипировки, способствует минимизации рисков для членов общества, которые приобщаются к экстремальному спорту.

Рассмотрим в данном отношении вопрос о том, какое влияние оказывают современные масс-медиа на развитие экстремальной сферы? и, соответственно, как осуществляемое ими информационное воздействие влияет на состояние общества? Прежде всего, следует констатировать, что в рамках современных масс-медиа существует сразу несколько каналов передачи информации об экстремальных видах спорта:

- специализированные журналы, посвященные экстремальному спорту, а также, тематические колонки в журналах, целевая аудитория которых является потенциальными носителями экстремальной деятельности;
- тематические телеканалы, направленные на освещение экстремальной деятельности, а также, телепередачи, на уровне которых она демонстрируется и освещается;
- кинопродукция, на уровне которой демонстрируются образы спортсменов-экстремалов, а также, демонстрируются опасные виды спорта или отдельные их элементы;
- Интернет-ресурсы, на уровне которых реализуется освещение различных аспектов экстремальной деятельности (блоги, каналы на видеохостингах, тематические сайты, сообщества в социальных сетях и т.д.).

Один из доминирующих аспектов распространения информации об экстремальной деятельности – ее популяризация, создание привлекательного образа экстремала, формирование позитивного восприятия экстремальных видов спорта. В данном случае, информационный контент ориентирован, в первую очередь, на зрелищность и направлен на формирование у зрительской аудитории интереса и эмоционального отклика. Именно таковы большинство кинофильмов, посвященных тематике экстрима, а также, существенная доля телепередач, демонстрирующих те или иные формы экстремальной деятельности. По сути, информационная продукция данного типа, ориентированная на привлечение внимания к экстремальной сфере, способствует повышению шансов вовлечения членов общества в экстремальную деятельность, однако, не способствует качественному росту понимания членами

общества сущности и специфики конкретных разновидностей экстремального спорта, а также, ограничений и мер безопасности, которым необходимо придерживаться.

Таким образом, привлечение внимание к экстремальной сфере вне акцентуации его на рисках и мерах их минимизации способствует развитию экстрима как такового, и, в дальнейшем, характер его влияния на социальную сферу будет зависеть от того, насколько серьезный путь по институционализации экстремального спорта был пройден. Чем более эффективно институционализированы основные формы экстрима, тем ниже социальные риски, связанные с его активным освещением в социокультурной сфере. В свою очередь, активное освещение тематики экстрима в условиях его недостаточной институционализации способствует серьезному повышению уровня социальных рисков, связанных со стихийным развитием экстремальной сферы.

При этом следует отметить, что, помимо информационного контента, несущего в себе скорее привлекающие, мотивирующие материалы, присутствует также ряд медиа ресурсов, на уровне

которых как раз и осуществляется освещение ключевых аспектов экстремальной деятельности, включая опасности и меры противодействия им. Такого рода материалы, на глубоком уровне знакомящие будущих представителей экстремального спорта с его ключевыми нюансами, способствуют снижению социальных рисков, связанных с развитием экстрима, и представляют собой один из значимых аспектов его институционализации.

Подводя итог, отметим, что в условиях развития субкультуры экстрима информационное его освещение способствует ускорению распространения данной субкультуры в социальной среде. При этом далеко не все формы информационного освещения экстремальной сферы способствуют интенсификации рисков, связанных с ней. Выполненные на профессиональном уровне медийные продукты, ориентированные на углубленное знакомство с основными формами экстремальной деятельности, имеют высокую ценность, поскольку позволяют избежать ряда рисков, с которыми сталкиваются непрофессионалы в условиях самостоятельного, стихийного включения в сферу экстремальной спортивной деятельности.

Литература:

1. Андреева С.В. Экстремальный досуг и свобода личности в обществе риска и потребления / С.В. Андреева // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 16. С. 192–198.
2. Иванов В.А. Анализ развития экстремальных видов спорта в XX–XXI вв. / В.А. Иванов, И.В. Манжелей // Наука и спорт: современные тенденции. 2019. № 4. С. 32–42.
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. М., 2003.
4. Малик Я.К. Развитие личности в экстремальных видах спорта / Я.К. Малик // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2014. № 36. С. 20–25.
5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. – М.: АСТ, 2006. 873 с.
6. Паршакова В.М. Развитие экстремальных видов спорта / В.М. Паршакова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2018. № 4. С. 58–60.
7. Тужба Э.Н. Адаптация личности в условиях новой социальной среды: теория исследования / Э.Н. Тужба // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 11. С. 117–121.
8. Шульгин А.С. Экстремальные субкультуры: теоретико-методологические аспекты исследования / А.С. Шульгин // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. № 6. С. 19–28.

Literature:

1. Andreeva S.V. Extreme leisure and personal freedom in a society of risk and consumption / S.V. Andreeva // Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2011. № 16. P. 192–198.
2. Ivanov V.A. Analysis of the development of extreme sports in the XX–XXI centuries / V.A. Ivanov, I.V. Manzheley // Science and sport: modern trends. 2019. № 4. P. 32–42.
3. McLuhan M. Understanding media: external extensions of the person. M., 2003.
4. Malik J.K. Personality development in extreme sports / J.K. Malik // Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application. 2014. № 36. P. 20–25.
5. Merton R. Social theory and social structure. M.: ACT, 2006. 873 p.
6. Parshakova V.M. Development of extreme sports / V.M. Parshakova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2018. № 4. P. 58–60.
7. Tuzhba E.N. Personal adaptation in a new social environment: research theory / E.N. Tuzhba // Humanities, socio-economic and social sciences. 2019. № 11. P. 117–121.
8. Shulgin A.S. Extreme subcultures: theoretical and methodological aspects of research / A.S. Shulgin // Russian Journal of Education and Psychology. 2017. № 6. P. 19–28.

Серкина Яна Игоревна
кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры
менеджмента и маркетинга,
Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет
serkina_ya@bsu.edu.ru

РИСКОЛОГИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ВУЗАХ

Аннотация. Одним из направлений трансформации современного общества является цифровизация социальных институтов и процессов, представляющая собой повсеместное внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни. В настоящей статье обоснована актуальность изучения цифровизации образовательных процессов в региональных высших учебных заведениях с позиции рискологического подхода к данному явлению. Рассмотрены, проанализированы и структурированы подходы российских и зарубежных ученых к определению феномена риска в образовательном пространстве. Представленные автором подходы, сгруппированы по отношению к возникновению рискованных ситуаций изучающих их авторов.

Ключевые слова: образование, вуз, цифровизация, риск, региональный вуз, общество риска, неопределенность, трансформация, общество.

Одним из направлений трансформации современного общества является цифровизация социальных институтов и процессов, представляющая собой повсеместное внедрение цифровых технологий в различные сферы жизни – промышленная сфера, экономические процессы, образовательная среда, сфера обслуживания и т.п. Возникновение феномена цифровизации объясняется процессом повсеместного внедрения информационных и коммуникационных технологий в большинстве развитых стран мира.

Процесс цифровизации (дигитализации) затрагивает все социальные институты, в том числе и систему высшего образования. Современное образование трансформируется под задачи нового постиндустриального ландшафта, безусловно, меняя свою инфраструктуру, в том числе, контент, формы его представления и виды коммуникаций. Происходят изменения в самой образовательной парадигме, что проявляется в переходе от концепции классического образования к непрерывному обучению в течение всей своей жизни.

Yana I. Serkina
Candidate of Sociological Sciences,
Associate
Professor, Associate Professor
of the Department of Management
and Marketing Belgorod State
National Research University
serkina_ya@bsu.edu.ru

AXIOLOGICAL FIELD OF THE PROBLEM OF DIGITALIZATION OF HIGHER EDUCATION IN REGIONAL UNIVERSITIES

Annotation. One of the directions of transformation of modern society is the digitalization of social institutions and processes, which is the widespread introduction of digital technologies in various spheres of life. This article substantiates the relevance of studying the digitalization of educational processes in regional higher educational institutions from the perspective of a risk-based approach to this phenomenon. The approaches of Russian and foreign scientists to the definition of the phenomenon of risk in the educational space are considered, analyzed and structured. The presented approaches are grouped in relation to the occurrence of risk situations of the authors studying them.

Keywords: education, university, digitalization, risk, regional university, risk society, uncertainty, transformation, society.

Переход к комбинированному обучению с применением электронных образовательных сред и внедрением элементов дистанционного обучения становится современным трендом в обществе. В новых условиях смещается вектор от педагогического воздействия преподавателя на обучающегося в сторону познавательной деятельности субъекта образовательного процесса.

По мнению С.В. Судариковой, цифровизация образовательного процесса подразумевает «динамичное внедрение цифровых технологий и средств, сочетающееся с сохранением традиционных форм его организации и технологий обучения, в ряде случаев – с использованием спонтанно возникших и стихийно развивающихся парадигм цифрового образования, а нередко – некритично заимствованных подходов, часто негативно воспринимающихся российским педагогическим сознанием» [2]. Внешний контур цифровизации образовательного процесса представлен созданием онлайн-пространства для реализации функций обучения, построением образователь-

ных сетей, разработкой и внедрением индивидуальных планов обучения, разработкой новых подходов к реализации образовательного процесса и управлению им, маркетингом образовательных технологий в условиях цифровизации образовательной среды. Всё это, так или иначе, обесценивает дидактическую функцию образования и упускает из вида методические проблемы акторов образовательного процесса в эпоху цифровизации.

Проблематика внедрения цифровизации образовательного процесса в региональных вузах заключается в неоднозначности определения соответствия актуальных образовательных форматов, методов и практик запросам и особенностям нового поколения. В процессе цифровизации образовательного процесса в региональных вузах возникают рискованные ситуации, проявляющиеся в неблагоприятных последствиях, которые являются результатом действий субъектов образовательного пространства. Соответственно, процессы модернизации и дигитализации предстают высоко рискованными, как в сознании акторов внутривузовского образовательного процесса, так и в рамках всей системы высшего образования.

Сами по себе, риски не являются однозначно негативным явлением, имманентным любому виду социальной деятельности. Однако они способны приводить к негативным следствиям, особенно опасным для акторов образовательного пространства региональных вузов. Это объясняется их особенностями, заключающимися в том, что региональные вузы в большинстве своем характеризуются ограниченным ресурсным потенциалом, отсутствием необходимого опыта риск-менеджмента, ограниченностью возможностей разработки и реализации долгосрочных стратегий управления рисками.

В этой связи, актуальной является проблема анализа рисков, предвидения их наступления и стратегического прогнозирования, тем более, что в настоящее время недостаточно разработаны технологии использования позитивных и минимизации негативных следствий рисков цифровизации общества, в целом, и образовательного процесса в региональных вузах, в частности.

Несмотря на то, что проблема рисков в системе высшего образования довольно обстоятельно исследована в зарубежной и отечественной социологической литературе (А.П. Альгин, У. Бек, Э. Гидденс, К. Дрейк, М. Дуглас, В.И. Зубков, Ю.А. Зубок, Д. Луптон, Н. Луман, А.В. Мозговая, В.И. Чупров, В.И. Шарин, О.Н. Яницкий и многие другие), новые тенденции, связанные с технологизацией и диджитализацией этой сферы, требуют внесения в исследовательский процесс существенных коррективов. Они, прежде всего, должны быть связаны с уточнением концептуальных оснований рискологического анализа. Данное утверждение не означает отказа при исследовании рисков цифровизации образовательной среды вуза от уже подтвержденных в теории и на практике положений. В частности, сохраняют

свое значение следующие выводы отечественных и зарубежных исследователей.

Во-первых, представление о «нормальности» феномена риска для развития общества в целом и его отдельных сфер. В научной литературе довольно прочно закрепилось представление, что риск является естественным, неизбежным явлением, характеризующим процессы и отношения в обществе. Общество на современном этапе развития, как отмечал Э. Гидденс, подвержено рискованным ситуациям во всех сферах жизнедеятельности настолько, что даже бездействие может обернуться риском. Весь мир, главным образом, формируется из рисков, производимых человеком, и такой расклад неизбежен [3].

Ряд как российский, так и зарубежных исследователей определяют риск, как объективную категорию, позволяющую применять схемы регулирования человеческих отношений, отношений в трудовых коллективах, межорганизационные отношения и другими субъектами общественной жизни, которые могут возникнуть вследствие трансформации возможной опасности в реальную действительность». В этом отношении, риск рассматривается как «возможная опасность случайного наступления отрицательных последствий».

Так, У. Бек считает, что «риск – это не исключительный случай, не «последствие» и не «побочный продукт» общественной жизни. Риски постоянно производятся обществом, причем, это производство легитимное, осуществляемое во всех сферах жизнедеятельности общества – экономической, политической, социальной. Риски – неизбежные продукты той машины, которая называется принятием решений». Ученый полагает, что «риск может быть определен как систематическое взаимодействие общества с угрозами и опасностями, индуцируемыми и производимыми модернизацией как таковой. Риски в отличие от опасностей прошлых эпох – следствия угрожающей мощи модернизации и порождаемых ею неуверенности и страха» [4].

В авторских исследованиях Ю.А. Зубок сопоставляет риск с допустимыми значениями нормы восприятия в рамках пределов «обоснованной возможности выбора при оценке вероятности достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели, с учетом действующих морально-этических норм [5]». Автор изучает феномен возникновения рискованных ситуаций как в относительно стабильных условиях развития общества, так и в условиях кризисных ситуаций в процессе цифровизации, подчеркивая, что различия в возникающих рискованных ситуациях заключаются в степени их проявления в обществе и в последствиях для субъектов.

Во-вторых, тезис о риске как производной социальной неопределенности можно увидеть как в зарубежной, так и в российской научной литературе. Чаще всего, феномен риска анализируется как деятельность, связанная с преодолением неопределенности в ситуации неизбежного выбора, в процессе которой имеется возможность количественно и качественно оценить вероятность

достижения предполагаемого результата, неудачи и отклонения от цели [6].

Взаимное проявление понятий риска и неопределенности впервые в своих исследованиях выявил А.Х. Уиллет. Возникновение этой связи он объяснил тем, что «риск – это объективный коррелят субъективной неопределенности». Так, максимальная величина риска наблюдается в то время, когда вероятность наступления рискового события равна вероятности его отсутствия.

Представление риска в контексте неопределенности характерно и для А.Б. Косолапова, согласно которому, «в широком значении риск обозначает неопределенность исхода какого-либо события при обязательном появлении неблагоприятных последствий или результата, отличающегося от ожидаемого, а в узком значении риск – это измеряемая или рассчитываемая вероятность неблагоприятного исхода» [7]. С.Н. Кабушкин отмечает, что «сущность риска состоит в возможности отклонения полученного результата от запланированного» [8]. Ю.А. Зубков уточняет, что риск обычно возникает в «состоянии перехода от ситуации неопределенности к ситуации определенности (или наоборот)».

В-третьих, выявление структуры риска. Согласно исследованиям А.В. Мозговой, структура риска представлена тремя основными элементами. Первый элемент – это отрицательные последствия принятого ранее решения, второй – степень неопределенности указанных последствий и третий элемент – факторы среды, в которой возможно возникновение неопределенности [9]. В рамках данного подхода, риск трактуется как вероятность ущерба, который возникает в случае опасности. А уязвимость субъекта или объекта выступают некими активаторами развития неблагоприятных последствий.

На структурный характер риска указывают А.И. Петимко и В.Л. Зверев, которые описывают «риск, как категорию, включающую в себя ситуацию риска, оценку риска, степень ее осознанности субъектами риска, факторы риска, ситуацию выбора, границы риска и зону риска [10]».

В своих работах И.Е. Задорожнюк и В.А. Зозулюк определяют риск как компетенцию субъекта, подразумевающую способность человека сначала просчитать вероятность возникновения рисков ситуации, а, в последующем, минимизировать ее для достижения поставленной цели.

В-четвертых, заключение о современном обществе как об обществе риска, в основе которого лежит положение о том, что риск становится социокультурной основой развития социума. Обоснованием этой идеи занимались У. Бек, Э. Гидденс, М. Дуглас. Разработанные ими теории «общества риска» доказывают, что риск проникает во все социальные институты, в жизнедеятельность каждого человека, тем самым, приобретая всеобщий характер без ориентации на территориальное проявление.

Так, У. Бек считает, что характерное для современного социума наращивание темпов производства необходимых для жизни человека благ приведет к всеобщему распространению рисков. «В индустриальном обществе, – по его мнению, – «логика» производства богатства доминирует над «логикой» производства риска».

В своих исследованиях Э. Гидденс определял структуру современного мира, где центральное место отведено рискам, созданным самим человеком. К отличительным признакам этих рисков автором отнесены:

– дальное действие, обусловленное всеобщей глобализацией;

– наличие институционализированной рискованной среды;

– перенасыщенность обыденными знаниями о всех видах рисков в обществе, в то время, как наблюдается недостаток экспертного знания элиминирования рискованных ситуаций в социальных системах.

М. Дуглас, предлагая социокультурную интерпретацию риска, утверждает – негативные следствия глобализации общества начинают по объему превосходить позитивные следствия указанных процессов.

В контексте концепции общества риска, чаще всего, акцентируется внимание на его неблагоприятных следствиях, которые, по мнению О.Н. Яницкого, проникают во все сферы развития общества, неся в себе жизнеразрушающие установки, нарастая в геометрической прогрессии. Однако он отмечает, что «риск становится нивелирующей нормой повседневного существования в рискованной среде, аномией общества [11]».

В-пятых, положение об амбивалентности риска. У. Бек, например, пишет о «двойном облике рисков в развитом рыночном обществе: риски здесь не только риски, но и рыночные шансы». В.И. Зубков отмечает, что «риск представляет собой целенаправленное поведение социального субъекта, осуществляемое в условиях неопределенности его исходов, и отражает реально существующие в общественной жизни явления и процессы, а величина риска представляет собой форму качественно-количественного выражения реально существующей неопределенности» [12]. По его мнению, в условиях видоизмененной внешней среды принятие решений представляет собой процесс, влекущий множество проблем. И именно эти, возникающие проблемы, выступают в качестве двигателей прогресса, а при определенных стечениях обстоятельств, в окружающей реальности являются лейтмотивом возникновения риска. В данном случае, акцент в возникновении рисков ставится на возможные неудачи в социальных событиях.

В.И. Зубков, наоборот, допускал наличие у рисков амбивалентного характера, при котором могут возникать не только потери вследствие наступления рискованной ситуации, но и формироваться

определенные преимущества, которые зачастую участники рискованной ситуации определяют как само собой разумеющиеся. Ученый считает, что содержание рискованных событий определено диспозициями и личным ожиданием их субъектов [12].

Амбивалентность риска отражает его следующее определение: «Риск – это действие (деяние, поступок), выполняемое в условиях выбора (в ситуации выбора в надежде на счастливый исход), когда в случае неудачи существует возможность (степень опасности) оказаться в худшем положении, чем до выбора (чем в случае несовершения

этого действия)». В этом определении наряду с опасностью, возможностью неудачи присутствует такая черта риска, как «альтернативность» [12].

Таким образом, опираясь на разработки специалистов в области социологии риска, риски цифровизации образовательной среды вуза целесообразно рассматривать в качестве естественных сложно структурированных элементов процесса ее функционирования, причины которых коренятся как в специфике эволюции внешней среды, так и в особенностях самоорганизации системы высшего образования, которые имеют как позитивные, так и негативные следствия.

Литература:

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 21-18-00150. URL : <https://rscf.ru/project/21-18-00150>
2. Сударикова С.В. Концепция смешанного обучения как педагогическая технология цифровой дидактики / С.В. Сударикова // EUROPEAN SCIENTIFIC CONFERENCE сборник статей XVIII Международной научно-практической конференции. Пенза : Наука и Просвещение, 2020. С. 200.
3. Гидденс Э. Судьба, риск и безопасность. 1994. № 5. С. 91.
4. Бек У. Общество риска: на пути к другому модерну / У. Бек; Пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. М. : Прогресс-Традиция, 2000. 230 с.
5. Зубок Ю.А. Социология молодежи : учеб. пособие. М. : МИИТ, 2009, С. 34.
6. Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М. : Мысль, 1989. 187 с.
7. Косолапов А.Б. Проблемы и перспективы развития внутреннего туризма / А.Б. Косолапов // Гуманитарные научные исследования. 2012. № 12. С. 11.
8. Кабушкин С.Н. Анализ и моделирование рискованной ситуации изменения качества кредитного портфеля банка / С.Н. Кабушкин // Бухгалтерский учет и анализ. 2000. № 4. С. 42–46.
9. Мозговая А.В. Измерение риска в социологии: методология, методы, результаты / А.В. Мозговая // Риск: исследования и социальная практика. М., 2011. С. 45.
10. Петимко А.И. Основные направления и концепции исследований риска и современное состояние проблемы в психологии / А.И. Петимко, В.Л. Зверев // Научно-аналитический журнал Вестник Санкт-Петербургского университета государственной противопожарной службы МЧС России. 2010. № 4. С. 73.
11. Яницкий О.Н. Россия как общество всеобщего риска / О.Н. Яницкий // Куда идет Россия?...

Literature:

1. The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation № 21-18-00150. URL : <https://rscf.ru/project/21-18-00150/>
2. Sudarikova S.V. The concept of mixed learning as a pedagogical technology of digital didactics / S.V. Sudarikova // EUROPEAN SCIENTIFIC CONFERENCE collection of articles of the XVIII International Scientific and practical Conference. Penza : Science and Education, 2020. P. 200.
3. Giddens E. Fate, risk and security. 1994. № 5. P. 91.
4. Beck U. Risk Society: on the way to another modern / U. Beck; Translated from German by V. Sedelnik, N. Fedorova. M. : Progress-Tradition, 2000. 230 p.
5. Zubok Yu.A. Sociology of youth : textbook. M. : MIIT, 2009. P. 34.
6. Algin A. P. Risk and its role in public life. M. : Mysl, 1989. 187 p.
7. Kosolapov A.B. Problems and prospects of development of domestic tourism / A.B. Kosolapov // Humanitarian scientific research. 2012. № 12. P. 11.
8. Kabushkin S.N. Analysis and modeling of the risk situation of changes in the quality of the bank's loan portfolio / S.N. Kabushkin // Accounting and analysis. 2000. № 4. P. 42–46.
9. Mozgovaya A.V. Measuring risk in sociology: methodology, methods, results / A.V. Mozgovaya // Risk: research and social practice. M., 2011. P. 45.
10. Petimko A.I. The main directions and concepts of risk research and the current state of the problem in psychology / A.I. Petimko, V.L. Zverev // Scientific and analytical journal Vestnik of the St. Petersburg University of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia. 2010. № 4. P. 73.
11. Yanitsky O.N. Russia as a society of universal risk / O.N. Yanitsky // Where is Russia going?...

Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год. М., 1999. С. 134.

12. Зубков В.И. Социологическая теория риска : монография. М. : Изд-во РУДН, 2003. С. 154–156.

The crisis of institutional systems: a century, a decade, a year. M., 1999. P. 134.

12. Zubkov V.I. The sociological theory of risk : monograph. M. : RUDN Publishing House, 2003. P. 154–156.

Тихонина Светлана Алексеевна

доктор социологических наук,
профессор кафедры философии,
социологии и психологии управления,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
gimu10-13@yandex.ru

Шрайнер Ольга Викторовна

аспирантка 3 курса кафедры философии,
социологии и психологии управления,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
gimu10-13@yandex.ru

Клочкова Татьяна Николаевна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры философии,
социологии и психологии управления,
Нижегородский институт управления –
филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
gimu10-13@yandex.ru

КАЧЕСТВО

**ДОШКОЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
В ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ:
ОПЫТ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ МНЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ**

Аннотация. Представлен краткий обзор результатов социологического исследования мнений основных участников образовательных отношений по актуальным вопросам качества дошкольного образования в Псковской области и оценки удовлетворённости образовательной деятельностью в дошкольных образовательных организациях. На основании анализа данных представлены предварительные выводы, отражающие основные тенденции в данном сегменте образовательной деятельности региона: вовлечение родительской общественности в управление качеством ДО через систематические социологические исследования позволяет сделать процесс управления комплексным и учитывать тенденции в изменении мнений в социуме.

Ключевые слова: дошкольное образование, оценка качества, МКДО, социологические исследования, мнение родителей.

Swetlana A. Tikhonina

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Philosophy,
Sociology and Psychology of Management,
Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and public service
President of the Russian Federation
gimu10-13@yandex.ru

Olga V. Shrayner

Postgraduate Student of the 3rd year
of the Department of Philosophy,
Sociology and Management Psychology,
Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of National Economy and Public Service
President of the Russian Federation
gimu10-13@yandex.ru

Tatjana N. Klochkova

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Philosophy,
Sociology and Management Psychology,
Nizhny Novgorod Institute of Management –
branch of the Russian Academy
of Folk Economy and Public Service
President of the Russian Federation
gimu10-13@yandex.ru

**QUALITY OF PRESCHOOL
EDUCATION IN THE PSKOV REGION:
EXPERIENCE OF SOCIOLOGICAL
RESEARCH OF PARENTAL OPINION**

Annotation. The article provides an overview of the results of a sociological study of the opinion of the main participants in educational relations on topical issues of the quality of preschool education in the Pskov region and an assessment of satisfaction with educational activities in preschool educational organizations. Based on the analysis of the data, preliminary conclusions are presented, reflecting the main trends in this segment of educational activity of the region. Involving parents in the management of the quality of pre-school education through systematic sociological research enables the management process to be comprehensive and to take into account trends in changing opinions in society.

Keywords: early childhood education, quality assessment and evaluation; MKDO (Early Childhood Education Quality Monitoring), sociological research, parental opinion.

Дошкольное образование выступает одним из важнейших социальных институтов, который призван способствовать формированию основы последующей успешной социализации ребенка. На первый план выходит сегодня тема качества дошкольного образования, которая становится ключевым аспектом не только в управлении образованием на государственном уровне, но и в управлении на местах. В условиях дефицита мест в дошкольных организациях проблема качества дошкольного образования изначально во многом подменялась понятием доступности. Однако постепенно понятие «доступность» отходит на второй план за счет реализации Федеральной программы модернизации региональных систем дошкольного образования в 2013–2015 гг., а также – национального проекта «Демография» 2019–2024 гг. Данные меры уже позволили обеспечить практически в 90 % регионов России 70 % – 100 % детей от 3 до 7 лет местами в детских садах [3]. По данным Минпросвещения России, доступность дошкольного образования для детей в возрасте от 2 месяцев до 3 лет, по состоянию на 01 июля 2021 года, составила более 98 %, поэтому сегодня именно качество образования является основным приоритетом государственной научно-образовательной политики и предпосылкой национальной безопасности государства.

Качество образования как социологическая категория рассматривается нами как конвенционный феномен, который играет ключевую роль в трансформации социального института образования. Качество дошкольного образования представляет собой, с одной стороны, результат согласованного подхода всех участников образовательного процесса к его содержанию, организации и результатам, а, с другой стороны, соответствия данных представлений нормативным требованиям, принятым в системе образования, и социокультурными потребностями общества, а также, особенностям функционирования образовательной системы в конкретном регионе.

Качество дошкольного образования в регионе представляет собой многомерное и синтетическое социальное явление, изучать которое следует с использованием комплекса методов и методик различных наук, в ряду которых одно из ведущих мест должна занимать социология. Ее роль определяется тем, что социологическое исследование (в качестве неотъемлемой части комплексной системы оценивания качества дошкольного образования в отдельном учреждении или регионе, в целом), представляет собой систему методологических, методических и организационно-технических процедур, объединенных единой целью получения достоверной информации, необходимой для принятия и реализации управленческих решений в области развития региональной системы управления качеством дошкольного образования. В настоящее время существуют различные модели оценки качества образования разного уровня, разработаны требования, апробируется система развивающего мониторинга в сфере дошкольного образования Российской Федерации (Концепция МКДО) [4] для ее дальнейшего внедрения на уровне регионов.

Однако при всей неоспоримой важности комплексного мониторинга качества ДО, в его методике трудно вносить ситуативные изменения, что, на наш взгляд, необходимо для выявления региональной, муниципальной специфики функционирования системы дошкольного образования, а также, для обеспечения эффективной обратной связи со всеми участниками образовательного процесса (родителями и педагогами) Следовательно, в дополнение к существующим методикам, важными источниками информации о качестве дошкольного образования в конкретном ДОО, муниципалитете или регионе могут стать разовые и повторяющиеся социологические и социально-психологические исследования, которые ориентированы на сбор не только количественной, но и качественной информации. Целью их организации может быть:

- получение актуальных данных о состоянии системы ДО в конкретной территории, организации;
- оценка социокультурных особенностей семей и их запросов на образовательные услуги;
- оценка профессиональной и социально-психологической среды ДО, мотивов профессионального поведения педагогов и т.д.

В рамках нашего исследования (социологическое исследование «Качество дошкольного образования в дошкольных образовательных организациях Псковской области» было проведено с 25.12.2019 по 30.01.2020 под руководством О.В. Шрайнер) было изучено мнение основных участников образовательных отношений по актуальным вопросам качества дошкольного образования в Псковской области и проведена оценка удовлетворённости образовательной деятельностью в дошкольных образовательных организациях. В качестве основного метода социологического исследования нами был выбран письменный опрос (анкетирование). В качестве генеральной совокупности для нашего исследования выступают родители (законные представители) детей дошкольного возраста Псковской области и педагоги, в том числе, эксперты в сфере дошкольного образования.

На первом этапе исследования был проведен социологический опрос родителей (законных представителей) детей, посещающих ДОО Псковской области, в котором приняло участие 4546 человек.

Второй этап социологического опроса о качестве дошкольного образования в Псковской области был проведен среди 890 педагогов и 23 работников управления (отделов) образования, сотрудников институтов повышения квалификации, курирующих дошкольное образование в Псковской области (эксперты).

Автоматизированная обработка данных была осуществлена при помощи компьютерной программы IBM SPSS Statistics. Кроме этого, по отдельным вопросам было проведено интервью для уточнения позиции респондентов и более детального анализа полученных ответов.

Прежде всего, в ходе исследования предполагалось выявить представления респондентов о качественном дошкольном образовании, определить его характеристики и условия реализации в образовательном процессе, поэтому отправной точкой для дальнейшего анализа послужили ответы респондентов на вопрос «Качество образования для Вас - это...» (*выбор не более 2 вариантов ответа*), где в качестве альтернатив для выбора были предложены следующие высказывания:

- 1 – воспитание и обучение, которое гарантирует сохранение здоровья и подготовку к средней школе;
- 2 – получение знаний, являющихся основой личностного развития;
- 3 – хорошие организационные условия образовательного процесса;
- 4 – успешная деятельность педагогов и воспитанников;
- 5 – получение фундаментальных знаний;

- 6 – внедрение в учебный процесс новых образовательных технологий;
- 7 – положительная оценка работы со стороны руководителей и родителей.
- 8 – высокая оценка функционирования учреждения со стороны родителей и органов управления образования
- 9 – затрудняюсь ответить.

На основе анализа ответов респондентов-родителей на ключевой вопрос нашего исследования можно сделать следующие выводы:

– Большинство родителей вполне предсказуемо определяют качество дошкольного образования как его соответствие определенным целям и планируемым результатам. По мнению большинства респондентов, качество образования это – прежде всего, «воспитание и обучение, которое гарантирует сохранение здоровья и подготовку к средней школе; получение знаний, являющихся основой для личностного развития» (рис. 1).

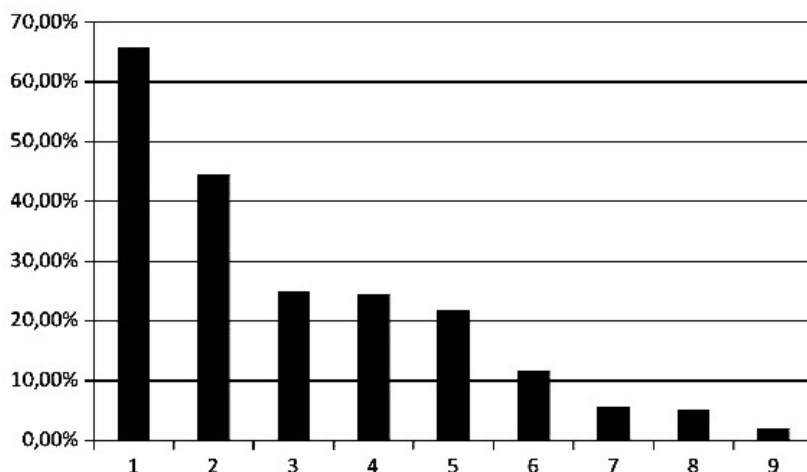

Рисунок 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Качество образования для Вас – это?», %

Самый популярный первый вариант ответа (*воспитание и обучение, которое гарантирует сохранение здоровья и подготовку к средней школе*), который выбрали 65,7 % респондентов, поддержало примерно одинаковое количество родителей детей, посещающих городской и сельский детский сад (69,3 % и 65,2 % соответственно). Уровень образования самих родителей также при ответе на данный вопрос не стал решающим фактором, 68,6 % родителей с высшим образованием и 67,5 % с общим средним образованием указали на данный вариант. Если учесть, что около 45 % респондентов связывают качество образования ребенка с получением знаний, являющихся основой для его личностного развития, то можно сделать вывод о том, что в *общественных оценках родителей четко сформулирован запрос на качественное дошкольное образование как агента успешной социализации ребенка и первичного звена его непрерывного образования*. Примечателен тот факт, что с данной позицией согласны все субъекты образовательного

процесса. Так, большая часть опрошенных педагогов и руководителей системы дошкольного образования области также соотносят с определением качества образования характеристику «воспитание и обучение ребенка, которое гарантирует сохранение здоровья и подготовку к средней школе и является основой его личностного развития» (так считают более 54 % респондентов-педагогов и около 48 % респондентов-руководителей).

Второе место в определении качества образования по оценкам респондентов принадлежит позициям, которые характеризуют организационные условия образовательного процесса в дошкольной организации и степень успешности деятельностью педагогов и воспитанников (около 25 % ответов респондентов-родителей, 15 % – респондентов-педагогов и более 16 % – респондентов-руководителей). Именно на эти характеристики обращают внимание родители при оценке качества деятельности конкретной дошкольной образовательной организации. По результатам

исследования более 68 % респондентов-родителей считают качественным образование, получаемое в ДОО Псковской области (рис. 2). Однако почти 13 % респондентов не совсем

удовлетворены деятельностью ДОО и еще большее число респондентов (более 17 %) затруднились оценить качество образования в образовательной организации, которую посещают их дети.

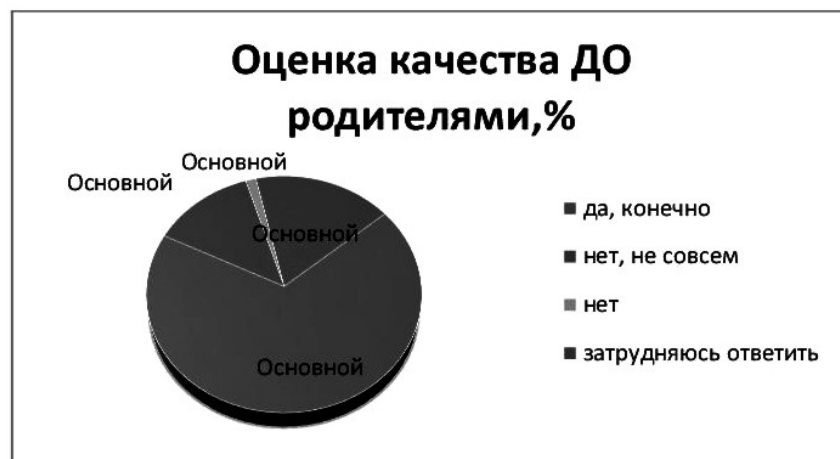

Рисунок 2 – Оценка родителями качества образования в ДОО, %

Вероятно, это связано, прежде всего, с тем, что ожидания родителей в плане обучения ребенка читать, писать и считать, идут в разрез с теми доктринами, которые прописаны во ФГОС ДО. При этом практически 63 % родителей считают, что в детском саду должны готовить детей к школе, учить их читать, писать, считать. В то же время, 29 % родителей считают, что ДОО Псковской области должны частично готовить детей к школе, так как при получении большого объема знаний в саду, в первом классе детям будет неинтересно и скучно. Еще 8 % считают, что ДОО вообще не обязаны подготавливать воспитанников к школе, так как эти знания дети и так получают на дополнительных развивающих занятиях, и основной упор должен быть сделан на воспитательный компонент. Лишь 8,1 % респондентов ответили, что основная миссия детского сада – успешная социализация ребенка к следующему этапу образовательного процесса. Основные требования ФГОС ДО связаны, как раз, с психическим и физическим здоровьем ребенка. Современному педагогу необходимо перестроить приоритеты своей профессиональной деятельности на формирование у воспитанников способности быстро адаптироваться к новым ситуациям, проявлять гибкость, налаживать социальное партнерство и эффективные коммуникации. В свою очередь, формирование обозначенных качеств личности дошкольника, возможно только при условии его позитивной социализации.

Показателен тот факт, что если, в целом, 94 % респондентов-родителей рекомендовали бы свои детские сады другим родителям, то в различных группах респондентов, оценивавших образовательный процесс в детском саду, наблюдается достаточно критичное отношение к возможности таких рекомендаций. Так, более половины родителей, оценивших образовательный процесс в своем детском саду на «хорошо» (35,7 %), не рекомендовали бы данную образовательную организацию своим знакомым и друзьям. Среди тех,

кто оценил образовательный процесс на «отлично» (59,2 %) лишь более 60 % готовы рекомендовать детский сад другим родителям.

На наш взгляд, такая позиция обусловлена тем, что, во многом, родители, наряду с оценкой воспитательного и образовательного процесса, в целом, основываются на личном опыте (положительном/отрицательном) взаимодействия с педагогами, с руководством ДОО, а также, на общем впечатлении от условий, в которых реализуется совместная деятельность педагогов и детей. На основе анализа ответов респондентов на блок вопросов, касающихся условий, созданных в ДОО и на ее территории для развития ребенка, нами выделены следующие проблемы, вызывающие наибольшее беспокойство родителей, среди них:

- организация дополнительных образовательных услуг (массаж, закаливание и т.д.) получила более 35 % отрицательных оценок;
- благоустройством детских площадок на территории ДО полностью не удовлетворены более 26 % респондентов;
- обеспеченность ДО узкими специалистами (учитель – логопед, учитель – дефектолог, педагог-психолог) вызывает беспокойство у четвертой части респондентов (25,7 %);
- организация дополнительных образовательных услуг вызывает вопросы у 14,7 % респондентов;
- организация охраны дошкольной образовательной организации беспокоит 14,3 % респондентов;
- организация медицинского обслуживания и учет индивидуальных особенностей развития ребенка не удовлетворяет более 10 % респондентов.

При этом стоит отметить, что критичность оценок респондентов в отношении условий реализации образовательного процесса в ДОО практически не сказывается на их желании рекомендовать детский сад другим родителям (92 % респондентов, оценивших отрицательно некоторые условия деятельности ДОО, готовы посоветовать свой детский сад другим). Более того, анализ ответов респондентов на открытый вопрос о том, что требует обновления и улучшения в ДОО Псковской области? а также итоги интервью говорят о вполне конструктивной позиции родителей. Респонденты-родители активно и заинтересовано внесли большое количество конкретных предложений по совершенствованию условий реализации образовательного процесса, повышению его качества.

В рамках одной статьи не представляется возможным в полном объеме представить результаты исследования и провести анализ мнений всех групп респондентов по проблемам качества дошкольного образования в Псковской области, но, на наш взгляд, можно сделать несколько предварительных выводов, отражающих основные тенденции в данном сегменте образовательной деятельности региона. Результаты анкетирования родителей (законных представителей), педагогических работников дошкольных образовательных организаций и сотрудников управлений (отделов) образования, курирующих сферу дошкольного образования, показывают:

- высокую степень информационной открытости сайтов дошкольных образовательных организаций, своевременное обновление и датирование всех материалов,
- присутствие необходимых условий для охраны и укрепления здоровья и безопасности детей в дошкольной образовательной организации,
- санитарно-гигиенические условия сотрудники управлений (отделов) образования, педагогические работники и родители считают отличными,
- большая часть родителей, педагогов и сотрудников управлений образования отмечают, что в их дошкольной образовательной организации вполне качественное образование, оценивают на «Отлично» и «Хорошо» условия, созданные в дошкольной образовательной организации и на её территории для развития ребёнка,
- педагогические работники, сотрудники управлений (отделов) образования, курирующих сферу дошкольного образования, и родители считают, что требуется обновление дидактических пособий, современного игрового оборудования, технологического оборудования (аудио- и видеоборудование), детской мебели,
- по мнению всех респондентов, требуется обновление или улучшение детских площадок на территории организации, в том числе спортивных площадок, беседок.

В целом, можно отметить, что мнения всех субъектов образовательного процесса совпали по

основным группам вопросов. В то же время, можно отметить некоторые риск-факторы, действующие в системе дошкольного образования области, среди них:

- кадровый вопрос (нехватка узких специалистов в дошкольном образовании, низкая заработная плата);
- увеличение количества воспитанников в группах, что затрудняет реализацию индивидуального подхода к образованию и воспитанию детей;
- невостребованность платных дополнительных образовательных услуг;
- отсутствие площадей для реализации вариативных форм дошкольного образования или денежных средств на приобретение необходимого оборудования;
- несоблюдение принципа преемственности при переходе дошкольного к начальному общему образованию (учет принципа непрерывности образования). Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования подчеркивает необходимость обеспечения равных стартовых возможностей для обучения детей в начальной школе, а именно целевых ориентиров, обеспечивающих целостность образовательного процесса на следующем этапе образования. Проблема преемственности должна рассматриваться шире и не отождествляться с вопросом готовности ребенка к школе.

В заключение краткого обзора лишь некоторых результатов нашего исследования отметим, что расширение проблематики социологических исследований в области изучения качества дошкольного образования в регионах России остается весьма актуальным. Напомним, что на федеральном уровне ведется работа по внедрению новой системы развивающего мониторинга качества дошкольного образования Российской Федерации (МКДО). Концепция МКДО предложила многоуровневый, комплексный и разносторонний мониторинг качества дошкольного образования на основе системы показателей качества, сгруппированных в девять областей:

- образовательные ориентиры;
- образовательная программа;
- квалификация педагогов;
- содержание образовательной деятельности;
- организация образовательного процесса;
- образовательные условия;
- создание условий для получения дошкольного образования детьми с ограниченными возможностями здоровья и инвалидами;
- взаимодействие с родителями; организация питания обучающихся и работников ДОО и охрана и укрепление здоровья детей и сотрудников ДОО;

– управление и развитие организации.

По нашему мнению, региональный и даже муниципальный компонент оценки качества образования может стать более информативным и

Литература:

1. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ.
2. Об утверждении Федерального государственного образовательного стандарта дошкольного образования: приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 17 октября 2013 г. № 1155 // Федеральный портал «Российское образование». URL : <http://www.edu.ru/documents/view/57648/> (дата обращения 21.07.2021)
3. *Бедарева Л.Ю.* Прогноз развития экономики в сфере дошкольного образования на примере четырех федеральных округов России / Л.Ю. Бедарева, Е.А. Семионова, Г.С. Токарева // Вопросы образования. М., 2020. № 2. С. 60–82.
4. *Федосова И.Е.* МКДО 2020 Концепция мониторинга качества дошкольного образования Российской Федерации. М. : Издательство «Национальное образование», 2020.

пригодным для использования в управленческом процессе, если каждый из предлагаемых показателей будет предметом систематических социологических исследований.

Literature:

1. About education in the Russian Federation: Federal Act of December 29, 2012. № 273-FZ.
2. About the approval of the Federal state educational standard of early childhood education: order of the Ministry of education and science of the Russian Federation of October 17, 2013 № 1155. Federal portal «Russian Education». URL : <http://www.edu.ru/documents/view/57648/> (date of application 21 Juli 2021).
3. *Bedareva L.* Predicting the Economic Development in Early Childhood Education: The Case of Four Districts of Russia / L. Bedareva, E. Semionova, G. Tokareva // Education issues. M., 2020. № 2. P. 60–82.
4. *Fedosova I.* МКДО 2020 Concept of early childhood education quality monitoring. M. : Publishing House «National Education», 2020.

Тужба Эмир Нодариевич

доктор социологических наук,
профессор,
профессор кафедры социологии,
правоведения и работы с персоналом,
Кубанский государственный
технологический университет
emirtu@yandex.ru

Западный опыт миграционной политики в российских реалиях

Аннотация. В статье представлены основные зарубежные страны поставщики и приемщики рабочих мигрантов и рассмотрена их миграционная политика. Показано, что принимающие страны ориентированы на получение высококвалифицированных специалистов; страны-отправители ориентированы на снижение безработицы и социальных издержек. Автором рассмотрен мусульманский фактор, который оказывает серьезное влияние на экстремистские настроения мигрантов в Европе. Доказывается, что различия в миграционной политике стран тесно связаны с их интересами в конкретных экономических условиях. Проект миграционной политики России должен акцентировать на проблемах стабилизации численности населения и удовлетворение запроса экономики в трудовых ресурсах конкретного профессионально-квалификационного качества.

Ключевые слова: миграционная политика, трудовые мигранты, временная/постоянная миграция, интеграция, неформальная экономика, социальная адаптация, ассимиляция.

Контролировать миграцию в условиях современной глобализации, практически не возможно. Согласно оценкам МОМ, если динамика роста международных мигрантов сохранится на том же уровне, как в последние десятилетия, то к 2050 году их численность может превысить 400 млн чел. Складывающаяся ситуация, при существующем представлении о миграции как о существенной компоненте социально-экономической сферы любого государства требует повышенного внимания к вопросам совершенствования миграционной политики и повышения ее эффективности.

Результативным инструментом реализации миграционной политики являются специальные государственные программы по следующим направлениям: трудовая занятость, интеграция в местное сообщество, безопасность, возможности развития, образование, здоровье и т.д. Приоритетными для большинства стран, является путь, предполагающий активную работу не только с

Emir N. Tuzhba

Doctor of Sociological Sciences,
Professor of the Department of Sociology,
Law and Work with Personnel,
Kuban State Technological University
emirtu@yandex.ru

WESTERN EXPERIENCE OF MIGRATION POLICY IN RUSSIAN REALITIES

Annotation. The article presents the main foreign countries suppliers and receivers of migrant workers and considers their migration policy. It is shown that the host countries are focused on obtaining highly qualified specialists; sending countries are focused on reducing unemployment and social costs. The Muslim factor is considered, which has a serious impact on the extremist sentiments of migrants in Europe. It is proved that the differences in the migration policies of countries are closely related to their interests in specific economic conditions. The draft migration policy of Russia should focus on the problems of stabilizing the population and meeting the economy's demand for labor resources of a specific professional and qualification quality.

Keywords: migration policy, labor migrants, temporary/permanent migration, integration, informal economy, social adaptation, assimilation.

самими мигрантами, но и членами их семей, как при постоянной, так и при временной миграции, что отвечает долгосрочным интересам принимающих стран.

Анализ зарубежного опыта инновационного развития за счет привлечения мигрантов очень полезен.

В контексте негативной демографической тенденции в Европе («старение» населения, сокращение численности и рабочих рук), продвигается инициатива «голубой карты Евросоюза», нечто подобное американской «Грин Кард», что свидетельствует о готовности европейских стран копировать наработки и конкурировать с США, Австралией, Канадой, странами Персидского залива, Японией в конкуренции за получение мотивированных и квалифицированных мигрантов.

Зарубежный опыт миграционной политики включает ряд аспектов:

1. Экономический. Например, Германия имеет прямую заинтересованность в дешевой (временной и постоянной) рабочей силе.

2. Исторический. Франция, Англия из этических соображений вынуждены принимать мигрантов, как бы, возвращая колониальные счета.

3. Политический, предполагающий влияние либеральных идей, транслируемых рядом стран (Голландия, Швеция, Италия, Греция, Дания и т.д.), которые из гуманитарных целей вынуждены после этого «открыть» свои страны для беженцев из территорий, охваченных вооруженными конфликтами. Потоки их мусульманских стран, сегодня являются самыми мощными за всю историю Европы.

Выделяют несколько стратегий аккультурации мигрантов: интеграцию, ассимиляцию и сепарацию [1].

Исследования показывают, что мигранты имеют возможность выбора нескольких стратегий аккультурации. Они могут следовать ассимиляционному выбору в бытовой жизни, но в семейно-брачных отношениях сохранять традиции собственной культуры. Аккультурация в данном случае возможна при долговременной адаптации к требованиям среды. Местное население, в большинстве своем, не благосклонно относится к иммигрантам даже в случае экономической необходимости, о чем свидетельствуют различные акции протеста вынужденных мигрантов, проходящих в ряде стран Европы.

Среди причин, способствующих подобному поведению, можно выделить ошибки миграционной политики:

– иммиграционное законодательство, которое позволяет въезжать и жить в стране радикально настроенным элементам;

– отсутствие взвешенной миграционной политики интеграции мигрантов, что вызывает в их среде ощущение отверженности;

– социально-экономические проблемы, оказывающие серьезное влияние на быт мигрантов.

Снижение социальных гарантий в ситуации финансового кризиса, это – одна из проблем ряда европейских стран, так как безработица среди мусульманского населения в два раза выше в сравнении с местным населением. Многие мусульмане ощутили свою незащищенность, отверженность из-за приверженности исламу, существуют языковые проблемы, что ограничивает их возможности интеграции в местное сообщество. В этих условиях некоторые мусульмане отказываются от проповедей официально признанных служителей (имамов), считая их проповедниками для богатых. Переход к «неформальным мечетям» с сомнительным качеством знаний у неофициальных проповедников, обвиняющих во всех «грехах» европейскую политику, способствует росту экстремизма и радикализма.

Неформальные сети существуют в учебных заведениях (школа, университет), где проходят

обучение молодые люди – выходцы из мусульманских стран. Правоохранительные структуры многих европейских стран «загнаны в тупик» ввиду того, что не могут эффективно противодействовать, созданным по сетевому принципу, экстремистским структурам.

Важным является то, что анализ жизни тех, кто ведет радикальную деятельность, нивелирует тезис – «бедность основа экстремизма и терроризма». Многие экстремисты являются членами семей с относительно приличным уровнем материального достатка. Они – выходцы из интегрированных в «местное сообщество» семей с относительно высоким уровнем достатка.

Несостоятельность модели «временного рабочего» очевидна, так как общество получает, в конечном счете, их потомство с высоким экстремистским и радикалистским потенциалом.

«Ассимиляционная» модель также не эффективна, так как мигранты не ведут себя как местные, не соблюдают местные традиции, не уважают законы страны пребывания.

Государство может быть нейтральным, относясь к культуре и религии, как к частной сфере жизни, признав равенство всех конфессий в процессе их интеграции в принимающее общество. Оно может смириться с существующим положением дел и представить этническим меньшинствам особые права на получение образования на родном языке, определенной культурной автономии. Подобная политика может снять ряд сложных вопросов, хотя, в большинстве своем, она практически не осуществима.

В перспективе для европейских стран, разработка и реализация новых стратегий интеграции иммигрантов будет одной из важнейших задач. Уже разработаны меры, направленные на социальную интеграцию, предлагаются лучшие экономические перспективы для мигрантской молодежи ввиду снижения налоговой нагрузки для предпринимателей использующих их труд. Подобная политика находит понимание в мигрантской среде, хотя, экстремистские настроения сохраняются на высоком уровне.

Многие мигранты-мусульмане не хотят отказываться от собственных ценностей и веры, не желают «адаптировать» свой образ жизни к местным условиям, что способствует распространению протестных настроений. Рассчитывать на скорую интеграцию мусульман в европейские общества не приходится, это – разговор, как минимум, о двух поколениях.

Перейдем к США – стране с давними традициями эмиграции и механизмами привлечения людей из других стран. Иммиграция в США, это фактор сохранения роста населения, стимулятор экономической активности и развития за счет низкооплачиваемой и высокооплачиваемой (специалисты) рабочей силы.

Что касается высокооплачиваемых специалистов-иммигрантов, они сегодня владеют четвертью высоко технологичных проектов в

Силиконовой долине, в основном, это китайцы и индусы. В 50 % открываемых бизнес-проектов один является иммигрантом, а в медицинской сфере доминируют врачи индийского происхождения.

Интеллектуальная иммиграция в США не ограничивается выходцами из развивающихся стран, большую долю составляют специалисты из Западной Европы, лишь 10 % из которых желают возвращения на родину [2].

Существует несколько этапов отбора иностранных специалистов в США. После Второй мировой войны, американцы стали предоставлять комфортные условия для учебы в своих университетах, лучшим предоставляя право постоянного местожительства. Иностранные высокообразованные мигранты стали своеобразным лобби, отстаивающим интересы их родины, территории исхода. Это способствовало усилению экономического, политического, культурного влияния США в странах эмиграции.

Уже на первой стадии реализации плана Маршалла тысячи молодых европейцев, приглашенных в американские университеты, остались в США, а те, кто вернулся на родину, становился носителем новой политической культуры, не враждебной американской [3].

Подобная политика привела к новой интеллектуальной миграции из Японии, Европы, Юго-Восточной Азии, Латинской Америки. Чуть позже, к ней присоединился Китай, выходцы из Восточной Европы, России и постсоветских территорий. Без этих интеллектуальных ресурсов США никогда не достигли бы существующих результатов и достижений, потому что порядка половины академического потенциала США составляют иммигранты.

Создание Силиконовой долины при минимуме вмешательства государства и налоговых послаблениях дало новый импульс развитию американской науки.

Исходя из возможностей США, выделено несколько категорий иностранных трудовых мигрантов:

- «приоритетные» мигранты составляют порядка 30 % (признанные ученые, спортсмены, проявившие себя в искусстве, образовании);
- иммигранты имеющие ученую степень или высшее профессиональное образование – 30 %;
- квалифицированные и неквалифицированные иммигранты – 30 %;
- категории иммигрантов религиозной сферы и бизнеса, готового вложить в экономику США определенные средства [4].

Исходя из вышеизложенного, можно заключить, что иммиграционная политика США руководствуется следующими аспектами:

- привлечением специалистов в образовательную сферу, что снижает затраты на подготовку собственных кадров;

– качественной подготовкой и отбором иностранных специалистов и студентов в целях дальнейшей их реализации в США с предоставлением благоприятных условий;

– те же, кто вернулся на родину, выступают носителями идеологии и культуры проамериканской направленности в своей стране.

Российская интеллектуальная элита в США группируется по следующим признакам:

- первую группу составляют ученые, выехавшие на постоянное место жительства;
- следующую группу составляют те, кто выехал в качестве временного проживания, но трудоустроился и остался;
- третью группу составляют наши соотечественники, выехавшие по временным визам в качестве студентов, аспирантов и т.д. [5].

Наиболее интересны для американцев:

- профессора – элита интеллектуальной эмиграции, имеющая постоянные, по сути, гарантированные пожизненно позиции в учебных заведениях;
- топ специалисты высокотехнологического бизнеса;
- эмигранты, оставшиеся за рубежом и работающие на временной основе;
- студенты и аспиранты, имеющие временные визы для учебы за рубежом.

Возвращение этих специалистов в Россию или сотрудничество с ними, позволило бы значительно повысить уровень науки и образования в нашей стране на основе их западного опыта.

Возврат на родину интеллектуальной элиты – первоочередная задача правительственных мероприятий. Хотя, существуют несколько факторов, препятствующих их возвращению:

- социально-экономические: отсутствие социальных гарантий, недоверие к действующей власти (бюрократия и коррупция);
- отставание России от Запада по материально-техническому сопровождению исследования, заработной плате.

В связи с этим, вероятность возвращения на родину российских ученых высокой квалификации, невелика. Их возвращение важно, однако, необходим поиск новых форм сотрудничества, устраивающий все стороны. Успех возможен и в зависимости от выделения средств на их исследования, в противном случае, никаких инноваций не следует ожидать. Главная роль за теми, кто принимает решения в стремлении возродить науку, находящуюся в сложной ситуации.

Различия в миграционной политике стран тесно связаны с их интересами в конкретных экономических условиях, хотя, в качестве приоритетных,

могут выступать противоположные задачи. Европейские страны ориентированы на привлечение постоянной миграции, повышение эффективности программ их интеграции.

Соответственно, для любой страны в плане реализации миграционной политики, нужно определиться с тем, что отвечает ее интересам на средне и долгосрочную перспективу. Для одних стран приемлем опыт:

- «классической иммиграции», как в США, Австралии, Канаде;
- для других, селективный подход отбора постоянных иммигрантов;
- для третьих направление привлечения временных трудовых мигрантов;
- для четвертых (Финляндия, Португалия, Швеция) – направление интеграции иммигрантов [6].

Ряд стран, отправляющих мигрантов, столкнулись со следующей дилеммой: с одной стороны национальные интересы требуют сохранения численности населения, с другой, это ведет к негативным социально-экономическим последствиям, так как денежные переводы эмигрантов являются значительным фактором поддержки стран исхода.

Критериями эффективных моделей иммиграционной политики современных государств являются:

- оценка качества мигрантов, которые желательны для страны (например, трудовые/бизнес/образовательные мигранты);
- постоянные/временные иммигранты;
- мигранты средней/высокой квалификации;
- понятные и прозрачные критерии отбора для каждой категории;
- серьезная упрощенность и простота процедуры миграции, соблюдение прав мигрантов,

Литература:

1. *Рыхтик М.И.* Введение в межкультурную коммуникацию: миграция и проблема понимания : учеб. пособие / М.И. Рыхтик, Н.К. Радина. Н. Новгород : Изд-во «ННГУ». 2006. С. 46.
2. Silicon Valley's Skilled Immigrants: Generating Jobs and Wealth for California // Research Brief Issue 21, June 1999, 2. Public Policy Institute of California. P. 23, 37.
3. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y. : Public Affairs, 2004. URL: <https://ru.wikipedia.org> (date of application 02.04.2021).
4. Коробков А. Российская научно-технологическая диаспора в США / А. Коробков. URL : <https://>

вплоть до возможности легализации даже незаконного пребывания в стране;

- упрощение процедуры воссоединения с семьей в случае необходимости.

Из перечисленных критериев формируется иммиграционный уровень привлекательности той или иной страны. Решающее значение имеет социально-экономическая привлекательность, правовая защищенность и отношение местного населения.

Проект миграционной политики России должен акцентировать внимание на следующих проблемах:

- стабилизации численности населения посредством программ создания условий для привлечения иммигрантов на постоянное место жительства;
- удовлетворения запроса экономики в трудовых ресурсах конкретного профессионально-квалификационного качества.

Эмиграция и иммиграция выступают основными направлениями миграционной политики, причем, вторая для России является более важной. Россия все меньше экспортирует трудовые ресурсы и все больше нуждается в их привлечении; иммиграционное направление миграционной политики должно быть более востребованным.

Модернизации России в условиях глобализации актуализирует проблемы международной миграции рабочей силы. В ближайшей перспективе, трудоспособное население России сократится на 10 млн человек, что неизбежно приведет к росту трудовой миграции. Наполнение российского рынка труда низкоквалифицированной рабочей силой необходимо, но более важны высококвалифицированные кадры, которые полезны в процессе инновационного развития экономики страны, которые способны ассимилироваться, не создавая дополнительной социальной напряженности.

Literature:

1. Rykhtik M.I. Introduction to Intercultural Communication: Migration and the Problem of Understanding : textbook / M.I. Rykhtik, N.K. Radina. N. Novgorod : Publishing house «NNGU». 2006. P. 46.
2. Silicon Valley's Skilled Immigrants: Generating Jobs and Wealth for California // Research Brief Issue 21, June 1999, 2. Public Policy Institute of California. P. 23, 37.
3. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y. : Public Affairs, 2004. URL: <https://ru.wikipedia.org> (date of application 02.04.2021).
4. Korobkov A. Russian scientific and technological diaspora in the United States/ A. Korobkov. URL :

russiancouncil.livejournal.com/20943.html (дата обращения 03.04.2021).

5. Миграция и безопасность в России / Под ред. Г.С. Витковской, С.С. Панарина. Московский центр Карнеги. М. : Интердиалект+, 2000. С. 8.

6. HuddlestonThomasetal. Migrant Integration Policy Index III / Thomas Huddleston et al. Brussels, British Council, Migration Policy Group, 2011. 221 p.

<https://russiancouncil.livejournal.com/20943.html> (date of application 04/03/2021).

5. Migration and security in Russia / Ed. G.S. Vitkovskaya, S.S. Panarin. Carnegie Moscow Center. M. : Interdialect +, 2000. P. 8.

6. HuddlestonThomasetal. Migrant Integration Policy Index III / Thomas Huddleston et al. Brussels, British Council, Migration Policy Group, 2011. 221 p.

Чернышева Наиде Сефтеровна

кандидат социологических наук,
доцент кафедры социальной политики,
Ярославский государственный
университет имени П.Г. Демидова
naide27@mail.ru

**РАЗВИТИЕ
ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО
ПОТЕНЦИАЛА В МОЛОДЕЖНОЙ
СРЕДЕ: ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПОДДЕРЖКА И РЕГИОНАЛЬНАЯ
СПЕЦИФИКА**

Аннотация. Актуальность выбранной автором темы обусловлена тем, что на протяжении длительного периода времени в РФ представители практически всех уровней государственной власти заявляют о важности рассмотрения малых форм бизнеса в качестве инновационной среды, в которую по заявлению управленцев необходимо все более активно вовлекать молодежь. В публикации представлен обзор нормативно-правовых оснований молодежной предпринимательской деятельности в РФ, уточнена дефиниция «предпринимательского потенциала», а также представлены программы поддержки малого и среднего предпринимательства как общероссийского, так и регионального уровня. Также автором проанализированы результаты авторского исследования, направленного на выявление отношения предпринимателей к существующим мерам поддержки малого бизнеса на региональном уровне (в Ярославской области).

Ключевые слова: предпринимательский потенциал, молодежь, программы и меры поддержки, уровень информированности, рынок труда, проактивная позиция, инновационная деятельность.

Молодежное предпринимательство для экономики нашей страны не является принципиально новым феноменом, однако в период пандемии COVID-19 вопросы развития предпринимательского потенциала, возможности активизации практик вхождения молодежи в бизнес приобретают особую актуальность. В этой связи вполне ожидаемо, что в числе поручений Президента РФ от 02.05.2021 г., адресованному Правительству, присутствует указание на своевременность «в каждом национальном проекте предусмотреть специальный раздел, направленный на поддержку молодых людей, молодежи» [1].

Стоит иметь в виду, что развитие предпринимательства первоочередно определяется нормативно-правовыми основами деятельности в сфере предпринимательства на государственном

Naide S. Chernysheva

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor of Social Policy,
Yaroslavl State University
named after P.G. Demidova
naide27@mail.ru

**DEVELOPING ENTREPRENEURIAL
CAPACITY IN THE YOUTH
ENVIRONMENT: STATE SUPPORT
AND REGIONAL SPECIFICS**

Annotation. The relevance of the topic chosen by the author is due to the fact that over a long period of time in the Russian Federation, representatives of almost all levels of government declare the importance of considering small forms of business as an innovative environment, in which, according to managers, it is necessary to involve young people more and more actively. The publication provides an overview of the regulatory framework for youth entrepreneurial activity in the Russian Federation, clarifies the definition of «entrepreneurial potential», and also presents programs to support small and medium-sized enterprises at both the all-Russian and regional levels. The author also analyzed the results of an author's study aimed at identifying the attitude of entrepreneurs to existing measures to support small businesses at the regional level (in the Yaroslavl region).

Keywords: entrepreneurial potential, youth, programs and support measures, level of awareness, labor market, proactive position, innovative activity.

уровне. Источники права, регулирующие ведение хозяйственной деятельности в условиях российской бизнес-среды (в т.ч. распространяющиеся и на представителей молодежи, желающих начать собственное дело), включают соответствующие положения и нормы Гражданского, Налогового и Уголовного кодексов РФ, а также Кодекса РФ об административных правонарушениях [2]. Вместе с тем, необходимо отметить, что в 2016 г. в РФ был разработан законопроект «О государственной поддержке молодежного предпринимательства» № 1171716-6 (внесен на рассмотрение в ГД РФ 12.09.2016 депутатами А.Д. Крутовым, И.Д. Грачевым), с целью законодательного закрепления инструментов и механизмов поддержки деловой активности молодежи, однако на этапе предварительного рассмотрения был отклонен [3].

В числе критериев гарантии трудоустройства молодежи (в т.ч. возможности организации ее занятости) выступает формирование и поддержание на соответствующем уровне предпринимательского потенциала среди представителей молодежных когорт. Сам факт существования такого потенциала свидетельствует о том, что при определенных обстоятельствах молодой человек имеет возможность либо способности не только стремиться к классическому, традиционному формату занятости (в качестве наемного работника по договору), но и собственными усилиями обеспечивать рабочим местом как себя, так и других лиц (в том числе сверстников).

Формирование предпосылок институционализации категории «предпринимательский потенциал» своими корнями уходит в научные изыскания А. Маршалла. В частности, ученый отмечал, что «...не каждый желающий может быть предпринимателем. «Естественный» отбор предпринимателей совершается в природе согласно естественному отбору...» [4, с. 44]. На сегодняшний день наиболее обстоятельно становление категории «предпринимательский потенциал» как самостоятельной дефиниции отражено в работах Логачевой Е. С. и др. [4]

Инициативная поддержка молодежного предпринимательства в обществе представляет собой один из основополагающих факторов продуктивного функционирования рынка труда, так как содействует обеспечению занятости населения в самых разнообразных сегментах экономики страны. Вследствие этого, к числу достоинств молодежного предпринимательства относятся: возможность развивать инновационность в мышлении, высокие показатели адаптируемости молодых людей и их возможности реагировать на запрос по освоению ранее неизвестных рынков; способность молодых людей выдерживать интенсивные трудовое и психоэмоциональное напряжение, сопровождающие предпринимательскую деятельность, а также более высокая подготовленность молодежи к факту, что в развитии бизнес-стратегии возможна неудача.

Дефиниция предпринимательского потенциала, применимая и к молодежным когортам, дает в определенной степени возможность охарактеризовать: с одной стороны – личностные черты, которыми необходимо обладать выпускнику любого учебного заведения (будь то вуза / ссуза), выходя на рынок рабочей силы, с целью конкурентоспособности в качестве предпринимателя, а с другой – подразумевает существование независимых от человека социальных обстоятельств (ресурсов), наличие которых у молодого человека оценивается достаточно перспективно с точки зрения успешной реализации возможности занятия коммерческой деятельностью. С целью выявления в молодом человеке скрытых индивидуальных свойств, которые к возрасту совершеннолетия будут выступать для него основой формирования индивидуального потенциала в сфере предпринимательства, а также содействовать предпринимательской активности в перспективе, необходимо уделять внимание личностному росту. В этой связи, отдельные исследователи считают,

что в нынешних условиях формирование и поддержание предпринимательского потенциала личности наиболее оптимально осуществлять в рамках экосистемы бизнес-образования, которое может быть встроено как в систему образовательной организации, где получают основное вузовское либо средне-специальное образование представители молодежных когорт, так и быть дополнительным элементом их индивидуальной образовательной траектории [5, 6]. Так, с 2007 г. в России действует некоммерческая организация – Международный форум лидеров бизнеса (IBLF Russia), целью которой выступает не только наращивание молодежного предпринимательства, но и усиление финансовой компетентности/грамотности. На данный момент организация курирует реализацию таких программ как: Наставничество в предпринимательстве, Программу поддержки и развития молодежного предпринимательства «Молодежный бизнес России».

Кроме того, с 1994 г. в стране образован Фонд содействия развитию малых форм предприятий в научно-технической сфере (Фонд содействия инновациям) для: а) осуществления государственной политики с целью содействия развитию научно-технической сферы; б) вовлечения проактивной молодежи в инновационную деятельность. На сегодняшний день для молодежи Фонд реализует ряд программ, которые одновременно нацелены как на создание новых, современных высокотехнологичных компаний, так на поддержку действующих фирм, коммерциализацию результатов научно-технической деятельности: «УМНИК»; «Старт»; ИнноШкольник.

Кроме того, с целью обеспечения гарантий по реализации молодежной политики на уровне государства в рамках поддержки, развития предпринимательства в стране в 2011 г. было создано и функционировало ФГБУ «Российский центр содействия молодежному предпринимательству», которое в 2020 г. переименовано в ФГБУ «Центр содействия молодым специалистам» и руководствуется новой целью – выполнение работ, предоставление услуг в части создания атмосферы, направленной на поддержку проектной активности молодежи и сообществ молодых специалистов. Однако несмотря на реорганизационные мероприятия, одним из центральных проектов продолжает оставаться федеральная программа «Ты – предприниматель», осуществляемая в более чем половине субъектов РФ в отношении молодых людей.

В целом, молодежное предпринимательство как на федеральном, так и на региональном уровнях как правило выступает объектом двух направленных государственного регулирования: 1) молодежной политики и 2) развития предпринимательства в регионе. Если в контексте первого направления в Ярославской области действует Стратегия по развитию молодежи для модернизации Ярославского региона на период 2015–2025 гг.» [7], то в рамках второго – Закон ЯО «О развитии малого и среднего предпринимательства», Стратегия социально-экономического развития Ярославской области до 2025 г., Региональная целевая программа «Развитие субъектов малого и

среднего предпринимательства ЯО» на 2020–2024 гг. и др. [8, 9, 10].

При этом, немаловажный вклад в обеспечении самозанятости молодежи на региональном рынке труда принадлежит наличию жизнеспособной инфраструктуры поддержки малого и среднего (в т.ч. молодежного) предпринимательства, которая в Ярославской области представлена следующими организациями:

- АО «Региональная лизинговая компания Ярославской области»;
- ГБУ ЯО «Корпорация развития МСП (бизнес-инкубатор)»;
- Фонд поддержки малого и среднего предпринимательства ЯО;
- Центр развития поставщиков;
- АНО «Центр экспорта Ярославской области», Информационно-консультационные центры поддержки предпринимательства в муниципальных районах и городских округах ЯО.

Вместе с тем, с целью оценки региональной поддержки предпринимательского потенциала в молодежной среде весьма информативны результаты эмпирического исследования «Развитие молодежного предпринимательства: опыт регионов» (N = 80 предпринимателей, 2020), выполненного под руководством автора в ЯрГУ [11], где в числе задач выступило выявление отношения молодых предпринимателей к существующим мерам поддержки малого бизнеса на региональном уровне, а также уровень их информированности о возможных направлениях поддержки в Ярославской области.

При ответе на вопрос: «Как бы Вы в целом оценили экономическую ситуацию в части развития предпринимательства в Вашем населенном пункте?» доля респондентов, высказавших противоположные точки зрения, оказалась практически равной: одна треть считают, что в регионе благоприятная для развития предпринимательства обстановка (35,7 %), тогда как другая треть разделяет мнение, что экономическая ситуация не стимулирует никаких изменений в сфере предпринимательства (33,3 %). И только четверть считает, что ситуацию в населенном пункте можно рассматривать как благоприятную в анализируемом аспекте (24,3 %). Вместе с тем, уточнение мнения предпринимателей о том, как они могли бы охарактеризовать существующие меры поддержки малого, среднего предпринимательства позволяет нам сделать вывод, что данное направление деятельности большинство опрошенных оценивает, как неудовлетворительное – так как 74,1 % ответов в пользу варианта «недостаточный уровень поддержки малого бизнеса». В числе доминирующих факторов, затрудняющих развитие предпринимательской среды в Ярославской области, участники опроса выделили: наличие административных барьеров (19,3 %), противоречивость, неясность процедуры государственной финансовой поддержки (19,2 %) либо недоступность объективной

информации о ней (8,1 %), а также несовершенство законодательной базы (16,4 %).

С целью изучить наиболее перспективные методы привлечения молодежи в сферу малого бизнеса в инструментарий эмпирического исследования был включен вопрос «Что, на ваш взгляд, может стимулировать активное вовлечение молодежи в бизнес сегодня?» представлено следующим образом: четверть респондентов считают стимулирующим фактором «льготное налогообложение, налоговые каникулы» (24,6 %), тогда как 22,3 % молодых людей выбрали вариант «гранты для начинающих предпринимателей, предоставляемые на конкурсной основе». На третьем месте вариант: предоставление начинающим предпринимателям в аренду муниципальной недвижимости по стоимости ниже рыночной (18,9 %). Отмечают, что с целью активного вовлечения молодежи в бизнес государственным структурам необходимо организовать бесплатные тренинги, консультации, курсы повышения квалификации 16,8 % опрошенных. Льготное кредитование считают важным направлением вовлечения 12,6 % респондентов, и лишь 1,9 % молодых людей отметили, что стимулировать активное вовлечение молодежи в бизнес может создание площадок для поиска инвесторов, партнеров и клиентов.

Задача по выявлению уровня информированности среди предпринимателей о существующих мерах поддержки малого бизнеса обнаружила, что только треть участников исследования знают о том, что в стране имеются меры поддержки молодежного предпринимательства (35,4 %), тогда как более половины опрошенных ничего об этом не знают (55,6 %). У осведомленных респондентов дополнительно уточнялось какие каналы явились для них источниками информирования о мерах поддержки: более четверти опрошенных назвали социальные сети (25,9 %), тогда как сайты государственных структур были упомянуты в 7,4 % ответах. Лишь незначительная доля ответила о том, что источниками информации выступило либо неформальное общение с партнерами, коллегами по бизнесу в ходе мероприятий (7,4 %) либо телевидение (3,7 %).

Уточнение, направленное на получение информации о том, обращались ли предприниматели за мерами поддержки в своем регионе, также обнаружило: только 17,4 % представителей малого бизнеса пользовались мерами поддержки в своем регионе, тогда как 77,3 % опрошенных ответили отрицательно. Причины, в связи с которыми молодые предприниматели не обращались за мерами поддержки, следующие: в практически половине ответов есть указание на отсутствие информации о проводимых мероприятиях, вариантах и направлениях поддержки (48,0 %), в 32,0 % случаях – психологический фактор, проявляющийся в высоком уровне недоверия к возможности такой помощи и 20,0 % мнений – о том, что у самих предпринимателей не имеется свободного времени на изучение данного вопроса.

Таким образом, проведенное исследование фиксирует две тенденции: с одной стороны – только

треть предпринимателей оценивают региональную экономическую ситуацию как благоприятно располагающую к развитию предпринимательства, а с другой - среди молодых предпринимателей Ярославской области невысокий уровень информированности о существующих мерах

Литература:

1. Поручение Президента РФ от 02.05.2021 № Пр-753 «Перечень поручений по реализации Послания Президента Федеральному Собранию». Гарант.ру: информационно-правовой портал. URL : <https://base.garant.ru/400725145/> (дата обращения 08.07.2021).

2. Гражданский кодекс РФ (Ч. 1.) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 09.03.2021) СПС «Консультант-Плюс». URL : <http://www.consultant.ru> (дата обращения 22.06.2021).

3. Законопроект № 1171716-6 «О государственной поддержке молодежного предпринимательства»: Система обеспечения законодательной деятельности ГАС «Законотворчество». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1171716-6> (дата обращения 23.06.2021).

4. *Логачёва Е.С.* Эволюция понятия «предпринимательский потенциал» / Е.С. Логачёва, Э.А. Фияксель, Н.Г. Шубнякова // *Инновации*. 2016. № 9 (215). С. 42–49. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-predprinimatelskiy-potentsial> (дата обращения 14.06.2021).

5. *Зайцева А.С.* Поддержка малого и среднего предпринимательства средствами развития предпринимательского образования : дис. ... на соиск. уч. ст. канд. экон. наук. URL : <http://ords.rea.ru/wp-content/uploads/2020/06/ZAYTSEVA-A.-S..pdf> (дата обращения 15.06.2021).

6. *Малинин В.А.* Формирование предпринимательских способностей у обучающихся в системе «Школа – вуз» / В.А. Малинин // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2019. № 1. С. 125–131. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-predprinimatelskih-sposobnostey-u-obuchayuschih-sya-v-sisteme-shkola-vuz> (дата обращения 15.06.2021).

7. Постановление Правительства ЯО от 05.10.2015 № 1075-п «Об утверждении стратегии по развитию молодежи для модернизации Ярославского региона на период 2015–2025 гг.» электр. фонд правов. и нормат.-технич. докум. URL : <http://docs.cntd.ru/document/432800287> (дата обращения 03.07.2021).

8. Закон ЯО «О развитии малого и среднего предпринимательства» (от 06.05.2008 № 20-з, в ред. Законов ЯО от 07.04.2020 № 20-з) – [электр. фонд правов. и нормат.-технич. докум.]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/934021890> (дата обращения 06.07.2021).

поддержки малого бизнеса. Проведенное исследование также позволило выявить наиболее перспективные методы привлечения молодежи в сферу малого бизнеса (согласно представлениям самой молодежи).

Literature:

1. Instruction of the President of the Russian Federation of 05/02/2021 № Pr-753 «List of instructions for the implementation of the President's Address to the Federal Assembly». Garant.ru: information and legal portal. URL : <https://base.garant.ru/400725145/> (date of application 08.07.2021).

2. Civil Code of the Russian Federation (Part 1.) from 30.11.1994 № 51-FZ (ed. from 09.03.2021) SPS «ConsultantPlus». URL : <http://www.consultant.ru> (date of application 22.06.2021).

3. Bill № 1171716-6 «On State Support for Youth Entrepreneurship»: Legislative Support System of the GAS «Lawmaking». URL : <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1171716-6> (date of application 23.06.2021).

4. *Logachova Ye.S.* Evolution of the concept of «entrepreneurial potential» / Ye.S. Logachova, E.A. Fiyaksel', Shubnyakova N.G. // *Innovation*. 2016. № 9 (215). P. 42–49. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-ponyatiya-predprinimatelskiy-potentsial> (date of application 14.06.2021).

5. *Zaytseva A.S.* Support for small and medium-sized businesses by means of developing entrepreneurial education: dis. for candidate of Economics sciences. URL : <http://ords.rea.ru/wp-content/uploads/2020/06/ZAYTSEVA-A.-S..pdf> (date of application 15.06.2021).

6. *Malinin V.A.* Formation of entrepreneurial abilities of students in the «School – University» system / V.A. Malinin // *Bulletin of Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. Series: Social Sciences*. 2019. № 1. P. 125–131. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-predprinimatelskih-sposobnostey-u-obuchayuschih-sya-v-sisteme-shkola-vuz> (date of application 15.06.2021).

7. Decree of the Government of the Yaroslavl Region dated 05.10.2015 № 1075-p «On the approval of a strategy for the development of youth for the modernization of the Yaroslavl region for the period 2015–2025» – [electronic fund of legal and regulatory documents]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/432800287> (date of application 03.07.2021).

8. Law of the Yaroslavl Region «On the Development of Small and Medium-Sized Enterprises» (dated 06.05.2008 № 20-z, as amended by Laws YR dated 07.04.2020 № 20-z) – [electronic fund of legal and regulatory documents]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/934021890> (date of application 06.07.2021).

9. Постановление Правительства ЯО от 06.03.2014 № 188-п «Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Ярославской области до 2025 г.» (с изм. на 04.02.2021) – [Электр. фонд правов. и нормат.-технич. докум.]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/412703993> (дата обращения 03.07.2021).

10. Постановление Правительства ЯО от 06.02.2020 № 91-п «Об утверждении региональной ЦП «Развитие субъектов малого и среднего предпринимательства Ярославской области» на 2020–2024 гг.» (с изм. на 28.12.2020) – [электр. фонд правов. и нормат.-технич. докум.]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/561745982> (дата обращения 04.07.2021).

11. *Мазалева М.С.* Цифровая экономика в развитии и формировании молодежного предпринимательства: опыт регионов (на примере Вологодской и Ярославской областей) / М.С. Мазалева, Н.С. Чернышева; Ред: Н.Г. Скворцов, Ю.В. Асочаков // Цифровое общество – новый формат социальной реальности: структуры, процессы и тенденции развития: Матер. Всерос. науч. конф. XIV Ковалевские чтения 12–14 ноября 2020. СПб. : Скифия-принт, 2020. С. 314–315.

9. Decree of the Government of the Yaroslavl Region dated 06.03.2014 № 188-p «On the approval of the Strategy for the socio-economic development of the Yaroslavl region until 2025» (with a change to 04.02.2021) – [electronic fund of legal and regulatory documents]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/412703993> (date of application 03.07.2021)

10. Decree of the Government of the Yaroslavl Region dated 06.02.2020 № 91-p On the approval of the regional CPU «Development of small and medium-sized enterprises of the Yaroslavl region for 2020-2024» (with a change to 28.12.2020) – [electronic fund of legal and regulatory documents]. URL : <http://docs.cntd.ru/document/561745982> (date of application 04.07.2021).

11. *Mazaleva M.S.* Digital economy in the development and formation of youth entrepreneurship: regional experience (using the example of the Vologda and Yaroslavl regions) / M.S. Mazaleva, N.S. Chernysheva // Digital society – a new format of social reality: structures, processes and development trends: materials of the All-Russian Scientific Conference XIV Kovalev Readings on November 12–14, 2020. / Ed. N.G. Skvortsov, YU.V. Asochakov. SPb. : Skifiya-print, 2020. P. 314–315.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Авакян Аlesia Мнацакановна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры гражданского права,
Кубанский государственный университет
Avakyan.alesya@mail.ru

Alesya M. Avakian

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Civil Law,
Kuban State University
Avakyan.alesya@mail.ru

**ПОНЯТИЕ «ДОГОВОР»
В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

**THE CONCEPT OF A CONTRACT
IN CIVIL LAW AND LEGISLATION**

Аннотация. Статья посвящена исследованию договора в гражданском праве и законодательстве. В работе проанализированы различные точки зрения ученых-цивилистов о категории гражданско-правового договора. Обоснована многоаспектность рассматриваемого термина, закреплённого в гражданском законодательстве. Изучено законодательство ряда зарубежных стран о понятии «договор». В результате исследования делается вывод о том, что любой гражданско-правовой договор - это не только юридический факт, сделка или правоотношение, но и многогранный институт гражданского права.

Annotation. The article is devoted to the study of the contract in civil law and legislation. The paper analyzes various points of view of civil scientists about the category of a civil contract. The article substantiates the multidimensional nature of the term under consideration, which is enshrined in civil legislation. The legislation of a number of foreign countries on the concept of a contract has been studied. As a result of the research, it is concluded that any civil law contract is not only a legal fact, transaction or legal relationship, but also the reason for the obligation, the regulator, the organizer and the coordinator.

Ключевые слова: понятие «договор», соглашение сторон, двусторонняя сделка, правоотношение, обязательство, юридический факт.

Keywords: contract concept, agreement of the parties, bilateral transaction, legal relations, obligation, legal fact.

Договор является одним из важнейших институтов гражданского права. Его роль невозможно переоценить. Договорные отношения пронизывают огромную часть жизнедеятельности общества. Многообразие договоров, заключаемых участниками имущественных отношений способствует не только удовлетворению их потребностей, но и влияет на развитие рыночных отношений в государстве в целом.

каком данное понятие употребляется в ГК РФ (нормы, применяемые к сделкам, собственно договорам и обязательствам) [1].

Представляется интересным исследовать вопрос о понятии «договор», существующий в гражданском праве и законодательстве. Российский законодатель закрепляет понятие договора в статье 420 Гражданского кодекса Российской Федерации, признавая его соглашением двух или нескольких лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей.

Продолжая анализ понятия «договор», обратимся к О.С. Иоффе, который полагал, что договор понимается как само обязательство, которое возникает из соглашения, а в некоторых случаях договор обозначает документ, фиксирующий акт возникновения обязательства по воле его участников [3, с. 26]. К.П. Победоносцев в своем труде «Курс гражданского права» указывает на то, что только в гражданском праве договор достигает полной определенности и твердости. Он выражается в разнообразных видах, разнообразных формах и распространяется на всякого рода юридические отношения [4]. Д.И. Мейер под договором понимал соглашение воли двух или нескольких лиц, которое порождает право на чужое действие, которое имеет имущественный интерес [5, с. 382]. В предложенном определении Д.И. Мейер акцентирует внимание на признаках договора, которые позволяют более подробно изучить его как один из важнейших институтов гражданского права. К числу этих признаков автор относит:

В.В. Витрянский, комментируя понятие «договор», закреплённое в кодексе, подчеркивает, что договор представляет собой особый вид гражданско-правовых сделок, ключевым (видообразующим) признаком которого является то обстоятельство, что он носит характер соглашения сторон. О гражданско-правовом договоре велись научные дискуссии ещё в советской и постсоветской юридической литературе, но после принятия и опубликования Кодекса, цивилистической доктриной всё же был признан многоаспектный характер категории «договор» в том значении, в

Во-первых, то, что договор является соглашением воли двух или нескольких лиц, что выражается в наличии намерения одной стороны совершить или воздержаться от совершения конкретного действия и намерения другой стороны его принять.

Во-вторых, действия одного из участников представляют определенный юридический интерес для участников правоотношения.

Кроме того, эти действия должны носить имущественный характер, что является третьим существенным признаком договора. Это положение предопределяется существом тех правоотношений, в рамках которых субъекты заключают договор, а именно – гражданских правоотношений, поскольку здесь договор рассматривается как институт гражданского права.

Указанные элементы позволяют сделать вывод о многогранности и наполненности понятия гражданско-правового договора, что побуждает более подробно углубиться в изучение договора в гражданском праве.

Развивая идеи определения роли договора для участников гражданских правоотношений и экономического оборота, в целом, Б.М. Гонгало делает вывод о том, что «договор обеспечивает динамику имущественных отношений» [6, с. 155], поскольку, посредством договора осуществляется перемещение благ, выступающих объектом правоотношения. Кроме того, ученый определяет, что договор является средством поднормативного регулирования. Это обуславливается содержанием самого договора – договор определяет права и обязанности участников правоотношений, тем самым, определяет возникновение, изменение и прекращение конкретного правоотношения между соответствующими субъектами.

Определяя роль договора, Ю.Н. Андреев в монографии «Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование» указывает на то, что «именно с помощью договора возникают договорные правоотношения, субъективные права и юридические обязанности их участников, устанавливается круг управомоченных и взаимно обязанных лиц, структура возникающих правовых связей, формируется конкретная программа будущих правомерных действий сторон договора, определяются способы, средства и формы достижения правовых целей и их последствий, порядок и способы исполнения договорных обязательств» [7, с. 4]. Таким образом, такой многогранный институт гражданского права как договор играет важнейшую роль в развитии экономики и общества в целом.

Развитие института договора в гражданском праве характеризуется возникновением и формированием основных доктринальных идей, определяющих сущность договора ввиду многоаспектности самой категории договора. Одной из наиболее распространенных является позиция цивилистов, состоящая в определении договора как соглашения. Один из наиболее известных представителей дореволюционной науки гражданского права Г.Ф. Шершеневич в «Учебнике русского гражданского права» сформулировал определение договора, наиболее близкое к законодательному закреплению. Так, он договором называл соглашение воли двух или более лиц, направленное к установлению, изменению или прекращению юридического отношения [8, с. 201].

К.П. Победоносцев в «Части третьей: Договоры и обязательства» своего монументального труда «Курс гражданского права» также определял договор как сознательное соглашение нескольких лиц, в котором совместно они изъявляют свою волю, чтобы определить между собой юридическое отношение в личном своем интересе, по имуществу [9]. Кроме того, автор отмечал, что для установления юридических отношений, необходимо связать чужую волю для получения возможности управлять чужими действиями, верно рассчитывать на него, а также иметь на него требование. Данная цель может быть достигнута, по его мнению, только посредством договора, сделки.

И.А. Покровский в «Основных проблемах гражданского права» определял договор как регулятор отношений между частными лицами в их индивидуальных интересах и потребностях. Он указывал на то, что «зигдущей силой всякого договора является соглашение сторон, т.е., их воля» [11, с. 245]. Интересным является, на наш взгляд, выделение важной роли договора регулятора отношений.

Как отмечает В.В. Витрянский, применение к договорам норм о сделках и об обязательствах свидетельствует о многоаспектном характере категории «договор», используемой в ГК РФ: в разных статьях договор регулируется и в качестве основания возникновения договорного обязательства («договор-сделка»), и как форма соответствующего правоотношения («договор-документ»), и как само правоотношение – договорное обязательство («договор-правоотношение») [1].

Для полноты анализа понятия «договор» рассмотрим некоторые примеры зарубежного законодательства. Французский гражданский кодекс 1804 года, закрепляет понятие «договор» как «соглашение, в силу которого одно или несколько лиц обязываются одному или же нескольким другим лицам что-либо дать, сделать, или чего-либо не делать» [12].

Гражданский кодекс Китая закрепляет договор через понятие «сделка»; сделки могут быть совершены на основе согласованного волеизъявления двух или множества сторон...» [13].

Обращаясь к законодательству Германии, отметим, что договор рассматривается в разделе о сделках и в разделе об обязательствах (что свидетельствует о возможности рассмотрения договора как сделки и как обязательства).

По такой же модели построен Гражданский кодекс Нидерландов. Положения о договоре находятся в Книге третьей Разделе втором «Сделки», а также в разделе, посвященном общим положениям обязательного права (в рамках которого рассматриваются договоры) и отдельным видам договоров. Анализ зарубежного законодательства показал, что договор рассматривается и как сделка и как обязательство, что свидетельствует о его многоаспектности.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что категория «договор» рассматривается в различных аспектах. Подводя итог анализу многочисленных точек зрения в науке, нами пред-

Литература:

1. *Витрянский В.В.* Реформа российского гражданского законодательства: общие положения об обязательствах и договорах / В.В. Витрянский // *Хозяйство и право. Приложение.* 2015. № 5. С. 39. URL : <http://www.hozpravo.ru/assets/files/pdf/2015-05-p.pdf> (дата обращения 28.03.2021).
2. *Иоффе О.С.* Обязательственное право. М. : Госюриздат, 1975.
3. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. URL : https://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_1.html#3 (дата обращения 28.06.2021).
4. *Мейер Д.И.* Русское гражданское право: Издание пятое. М. : Книга по Требованию, 2012.
5. *Гражданское право : учебник : в 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 2. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Статут, 2017.*
6. *Андреев Ю.Н.* Договор в гражданском праве России: сравнительно-правовое исследование : монография. Норма. Инфар-М., 2017.
7. *Шершеневич Г.Ф.* Учебник русского гражданского права. 10-е изд. М., 1912.
8. *Победоносцев К.П.* Курс гражданского права. Часть третья: Договоры и обязательства. URL : <https://civil.consultant.ru/elib/books/17/> (дата обращения 28.03.2021).
9. *Покровский И.А.* Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998.
10. Code Napoleon. 1804. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Napoleonic_Code (дата обращения 28.03.2021).
11. Гражданский кодекс Китайской Народной Республики от 28.05.2020. URL : https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/ (дата обращения 28.06.2021).

ставляется возможным утверждать, что любой гражданско-правовой договор - это не только юридический факт, сделка или правоотношение, но и регулятор.

Literature:

1. *Vitryansky V.V.* Reform of the Russian civil legislation: general provisions on obligations and contracts / Vitryansky V.V. // *Economy and law. Application.* 2015. № 5. P. 39. URL : <http://www.hozpravo.ru/assets/files/pdf/2015-05-p.pdf> (date of application 28.03.2021).
2. *loffé O.S.* O. law of Obligations. M. : Gosyurizdat, 1975.
3. *Pobedonostsev K.P.* Course of civil law. Part three: Contracts and obligations. URL : https://civil.consultant.ru/elib/books/17/page_1.html#3 (date of application 28.06.2021).
4. *Meyer D.I.* Russian Civil Law: Fifth edition. M. : Book on Demand, 2012.
5. *Civil law : textbook : in 2 vol. / Ed. by B.M. Gongalo. Vol. 2. 2nd ed., reprint. and additional. M. : Statute, 2017.*
6. *Andreev Yu.N.* Contract in the civil law of Russia: comparative legal research : monograph. The norm. Infar-M., 2017.
7. *Shershenevich G.F.* Textbook of Russian civil Law. 10th ed. M., 1912.
8. *Pobedonostsev K.P.* Course of civil law. Part three: Contracts and obligations. URL : <https://civil.consultant.ru/elib/books/17/> (date of application 28.03.2021).
9. *Pokrovsky I.A.* The main problems of civil law. M. : Statute, 1998.
10. Code Napoleon. 1804. URL : https://en.wikipedia.org/wiki/Napoleonic_Code (date of application 28.03.2021).
11. Civil Code of the People's Republic of China of 28.05.2020. URL : https://chinalaw.center/civil_law/china_civil_code_2020_russian/ (date of application 28.06.2021).

Агеев Николай Владиславович

старший преподаватель
кафедры уголовного права
юридического факультета,
Кубанский государственный
аграрный университет
nikolasbass@yandex.ru

Nikolai V. Ageev

Senior Lecturer
of the Department of Criminal Law
Faculty of Law,
Kuban State Agrarian University
nikolasbasss@gmail.com

**К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ
СЛЕДОВАТЕЛЯ С ДРУГИМИ
УЧАСТНИКАМИ РАССЛЕДОВАНИЯ**

**ON THE QUESTION
OF THE INTERACTION
OF THE INVESTIGATOR WITH OTHER
PARTICIPANTS IN THE INVESTIGATION**

Аннотация. В статье автор рассматривает вопрос взаимодействия следователя с другими участниками расследования преступлений, также рассмотрен процесс организации расследования преступлений. Рассмотрены и проанализированы предметность взаимодействия субъектов расследования, обусловленная обстоятельствами, подлежащими доказыванию. В статье раскрываются особенности взаимодействия следователя в ходе деятельности по расследованию преступлений на основе анализа имеющихся определений термина «взаимодействие».

Annotation. In the article, the author examines the issue of interaction of the investigator with other participants in the investigation of crimes, the process of organizing the investigation of crimes is also considered. Considered and analyzed the objectivity of the interaction of the subjects of the investigation due to the circumstances to be proved. The article reveals the peculiarities of the interaction of the investigator in the course of activities on the investigation of crimes. Based on the analysis of the available definitions of the term «interaction».

Ключевые слова: организация расследования, структурирование, взаимодействие.

Keywords: organization of investigation, structuring, interaction.

Взаимодействие – это согласованное использование процессуальных и не процессуальных средств для повышения эффективности расследования, их применение для получения более высоких результатов. Сущность взаимодействия состоит в обеспечении единства использования возможностей процессуальной и не процессуальной деятельности [3, с. 219]. Взаимодействие должно носить целеустремленный характер. Оно – обязательное и необходимое условие наиболее результативной деятельности следователя по раскрытию и расследованию конкретных преступлений. Поручения и указания следователя рассматриваются как официальные и обязательные.

расследования преступлений, определяется неоднозначно. Для оптимального взаимодействия важно соблюдение процессуального подчинения в расследовании. Процессуальное подчинение - форма и содержание отношений следователя с участниками расследования. Оно выражается в строгом и точном выполнении участниками расследования своих процессуальных обязанностей, законных поручений, требований и распоряжений следователя. С момента принятия дела к своему производству следователь несет полную ответственность за результаты и сроки расследования, законность и обоснованность всех принимаемых по нему процессуальных и тактических решений. Именно следователю принадлежит организующая роль во взаимодействии с органом дознания, так как только он отвечает за законность и своевременность расследования.

В целях раскрытия и расследования преступлений первый, высший уровень взаимодействия определяется как основанная на законе, согласованная по цели, месту, времени деятельность независимых друг от друга в административном отношении органов. Взаимодействие выражается в наиболее целесообразном сочетании присущих каждому из взаимодействующих органов средств и методов и направлено на предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений, привлечение к уголовной ответственности виновных [5, с. 62]. В юридической литературе взаимодействие следователя с оперативными работниками, т.е., на уровне деятельности субъектов раскрытия и

Взаимодействие следователя с оперативно-разыскным органом может быть эффективным лишь при соблюдении ряда принципиальных условий, а именно:

– осуществляться в строгом соответствии с требованиями уголовно- процессуального закона, закона об ОРД [6], подзаконными нормативными актами и следственной этики;

- быть согласованным (по целям, месту, времени), с планом и ходом расследования;
- обеспечивать руководящую и направляющую роль следователя на всех стадиях расследования при разграничении процессуальной и оперативно-разыскной компетенции субъектов взаимодействия и при должной самостоятельности оперативно-разыскных органов в выборе способов решений, поставленных следователем задач;
- основываться на взаимной помощи с использованием всех следственных и оперативно-разыскных возможностей и совместной ответственности за достижение поставленных перед взаимодействием целей;
- на сохранении в тайне взаимной оперативно-разыскной и следственной информации.

Оперативно-разыскная деятельность является одним из видов государственной деятельности. Она осуществляется гласно и негласно уполномоченными на то государственными органами и оперативными подразделениями в пределах их компетенции путем проведения оперативно-разыскных мероприятий с использованием специальных сил, средств и методов в целях защиты жизни, здоровья, собственности, прав и свобод личности, безопасности общества и государства от преступных посягательств. Основные формы взаимодействия чаще всего сводятся к следующему:

- своевременному взаимному обмену между субъектами взаимодействия информацией, представляющей следственный и оперативно-разыскный интерес для решения совместных задач;
- обнаружению оперативно-разыскным органом по горячим следам преступления, требующего предварительного расследования, немедленному возбуждению уголовного дела и началу дознания по нему, своевременной передаче дела следователю и дальнейшим совместным действиям по этому делу;
- содействию следователю при проведении отдельных следственных действий и криминалистических операций;
- своевременному, полному и четкому выполнению письменных поручений и требований следователя о производстве оперативно-разыскных мероприятий и отдельных следственных действий;
- обеспечивают безопасность сотрудников правоохранительных органов, членов их семей и лиц, оказывающих этим органам конфиденциальную помощь;
- выявляют и пресекают факты коррупции и другие должностные преступления со стороны сотрудников правоохранительных органов. Федеральный закон «Об оперативно-разыскной деятельности» устанавливает следующие принципы проведения ОРД: законность; уважение прав и свобод личности; конспирация; сочетание гласных и негласных методов деятельности.

Основанием для начала взаимодействия являются следующие обстоятельства:

- письменные поручения и указания следователя о производстве розыскных и следственных действий и об оказании содействия в производстве отдельных следственных действий (ст. 127 УПК РФ, ст. 7 закона об ОРД), а также, указания прокурора о пропорции оперативно-разыскных мероприятий по уголовному делу, принятому им к производству (ст. 14 закона об ОРД);
- начало проведения дознания оперативно-разыскными органами по делу, по которому обязательно предварительное следствие, до подключения к нему следователя (ст. 119 УПК РФ);
- создание следственно-оперативной группы для совместной деятельности по раскрытию и расследованию преступления.

В соответствии со ст. 163 УПК РФ следователь - руководитель группы, обеспечивает общую координацию ее работы, определяет стратегию и тактику расследования, составляет и координирует выполнение общего плана расследования и индивидуальных планов, входящих в группу следователей. Он же занимается техническим и информационным обеспечением, координирует оперативно-разыскные мероприятия, организует назначение экспертиз, ревизий и проверок, составляет основные следственные документы, принимает процессуальные решения, лично проводит сложные следственные действия [4, с. 135]. Задания следователя оперативно-разыскным подразделениям состоят из трех разделов:

- описания фабулы расследуемого дела;
- изложения данных, полученных при расследовании;
- перечня конкретных вопросов, ответы на которые нужно получить оперативно-разыскным путем.

В целях организации наиболее эффективного взаимодействия подразделений, входящих в СОГ, руководителю необходимо учитывать объективные факторы и субъективные возможности каждого члена группы, особенности ее функционирования, а именно: работники оперативно-разыскных подразделений по своим функциональным обязанностям более заинтересованы в раскрытии всех эпизодов преступления и в установлении лиц, их совершивших, нежели в детальном доказывании одного сложного эпизода. Такую работу нужно поручать следователям:

- подбор и расстановку членов группы лучше проводить по сферам деятельности, чтобы исключить несанкционированную утечку информации процессуального, оперативно-разыскного и иного характера;
- следует учитывать самостоятельность сотрудников оперативно-разыскных подразделений в выборе средств и приемов реализации негласных мероприятий;

- нужно разумно сочетать процессуальные и не процессуальные методы деятельности;
- в совместном плане работы важно закрепить конкретные обязанности каждого члена группы с указанием задач, сроков их решения, форм отчетности (например, на межведомственных оперативных совещаниях по делу);
- необходимо обеспечить постоянный обмен получаемой информацией между всеми членами группы;
- при наличии оснований ходатайствовать о поощрении членов группы, не дожидаясь окончания следствия (приговора суда).

На первоначальном этапе расследования из числа членов следственно-оперативной группы создаются специализированные подгруппы:

- оперативно-разыскная, сориентированная на поиск, обнаружение, закрепление объектов, могущих стать вещественными доказательствами (преследование преступников «по горячим следам», прочесывание местности, засады, наблюдение в местах возможного сбыта имущества, добытого преступным путем, и т.д.);
- оперативно-разыскная подгруппа по выявлению соучастников преступления, сбору данных о личности подозреваемых и т.п.;
- подгруппа по проведению осмотров, обысков, наложению арестов на имущество и других мобильных следственных действий;
- подгруппа анализа накопленного массива информации для обеспечения деятельности СОГ, в целом, подготовки запросов и объективных данных, включаемых в формулы обвинения, контроля над отработкой всех документов, составления и корректировки планов работы;
- подгруппа специального обеспечения: специалисты-криминалисты, операторы видеосъемки, сведущие лица, вспомогательный персонал (секретари, водители, рабочие);
- подгруппа физической и интеллектуальной защиты членов СОГ, их семей, а также материалов дела, используемой компьютерной информации, вещественных доказательств и т.п.

Учитывая цели и задачи взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений, можно отметить, что на современном этапе оно приобретает значение одного из основополагающих организационных элементов борьбы с преступностью. Это находит отражение в структуре правоохранительных органов, должностных обязанностях их сотрудников, своеобразии их функций и методов деятельности. К организационным формам взаимодействия можно отнести:

- согласованное планирование;

- совместный анализ и оценка результатов деятельности следователя и оперативного работника;

- взаимный обмен информацией: совместная деятельность в следственно-оперативной группе.

Самое главное – следователь ни в коем случае не должен передоверять расследование оперативно-разыскным работникам, как это иногда бывает важным условием эффективности взаимодействия является социально-психологическая совместимость его субъектов [3, с. 784].

В этом отношении справедливы высказывания И.Ф. Герасимова: «Одним из основных недостатков в этом отношении является отсутствие какого либо статистического анализа и обоснование эффективности организации как, в целом, отдельных следственных действий, так и разрабатываемых тактических приемов и рекомендаций» [2, с. 73]. Информационные факторы в достаточной мере детерминировали полученные выводы и рекомендации по организации взаимодействия при раскрытии и расследовании преступлений. На фоне типизированных следственных ситуаций, когда влияние тех или иных факторов не рассматривалось (психологический климат среди членов следственно-оперативной группы, их профессиональный уровень, характер противодействия и др.). Очевидно, что нельзя разрабатывать одинаковые рекомендации по организации взаимодействия для коммуникабельного и решительного следователя, склонного к обоснованному риску, и для следователя вдумчивого и осторожного, обстоятельно готовящего то или иное следственное действие. Одни рекомендации, когда СОГ обладает средствами связи и другие, когда нет. Никакие рекомендации не в состоянии охватить все многообразие особенностей развития следственных ситуаций в каждом конкретном случае. Положения науки криминалистики рассчитаны на «стандартного» следователя, который хорошо подготовлен в профессиональном отношении, располагает всем комплексом современных технико-криминалистических средств, имеет возможность получить помощь со стороны специалистов, органов дознания и т.д.

Согласованное планирование осуществляемых мероприятий является залогом оптимизации работы следователя, оперативного сотрудника и специалиста-криминалиста по проверке следственных версий. Единый согласованный план раскрытия преступления вносит в работу взаимодействующих субъектов организационное начало, придает расследованию логическую последовательность и рациональность, способствует более целенаправленной работе различных служб.

Планирование позволяет оптимально сочетать производство следственных действий, оперативно-разыскных мероприятий с применением научно-технических методов и средств. Наконец, план расследования дисциплинирует членов следственно-оперативной группы в выполнении ими своих обязанностей [1, с. 34–37].

Литература:

1. *Гаврилов А.К.* Общие вопросы организации следственной работы / А.К. Гаврилов, Н.И. Кулагин. Волгоград, 1975. С. 34–37.
2. *Герасимов И.Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск, 1976. С. 72–73.
3. *Ищенко Е.П.* Криминалистика : учебник / Е.П. Ищенко, А.А. Топорков; Под ред. Е.П. Ищенко. 2-е изд., испр., доп. и перераб. М. : КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2010. С. 219.
4. Криминалистика : учебник / О.В. Волохова, Н.Н. Егоров, М.В. Жижина [и др.]; Под ред. Е.П. Ищенко. М. : Проспект, 2011. С. 135.
5. *Найденов В.В.* Советский следователь. М., 1980. С. 69; *Кулагин Н.И.* Планирование расследования сложных многоэпизодных дел. Волгоград, 1976. С. 62.
6. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
7. *Шаламов М.П.* Некоторые проблемы советской криминалистики. М., 1965. С. 31.
8. *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу. Планирование. Организация. М., 1970. С. 59.
9. Криминалистика / Под ред. А.В. Дулова. Мн., 1998. С. 273.
10. *Зеленский В.Д.* О понятии и содержании организации расследования преступлений / В.Д. Зеленский // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. № 3. С. 12–13.

Literature:

1. *Gavrilov A.K.* General questions of the organization of investigative work / A.K. Gavrilov, N.I. Kulagin. Volgograd, 1975. P. 34–37.
2. *Gerasimov I.F.* Some problems of crime detection. Sverdlovsk, 1976. P. 72–73.
3. *Ishchenko E.P.* Forensic science : textbook / E.P. Ishchenko, A.A. Toporkov ed. E.P. Ishchenko. 2nd ed., Rev., Add. and revised M. : KONTRAKT, INFRA-M, 2010.S. 219.
4. Forensic science : textbook / O. Volokhova, N.N. Egorov, M.V. Zhizhina and others; Under the editorship of E.P. Ishchenko. M. : Prospect, 2011. P. 135.
5. *Naydenov V.V.* Soviet investigator. M., 1980. P. 69; *Kulagin N.I.* Planning the investigation of complex multi-episode cases. Volgograd, 1976. P. 62.
6. On the operational-search activity: Feder. Law of 12.08.1995 № 144-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation. 1995. № 33. Art. 3349.
7. *Shalamov M.P.* Some problems of Soviet forensic science. M., 1965. P. 31.
8. *Larin A.M.* Investigation in a criminal case. Planning. Organization. M., 1970. P. 59.
9. Forensic science / Ed. A.V. Dulova. Mn., 1998. P. 273.
10. *Zelensky V.D.* On the concept and content of the organization of crime investigation / V.D. Zelensky // Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law. 2015. № 3. P. 12–13.

Андреев Владимир Леонидович
кандидат юридических наук,
начальник,
Главное управление МВД России
по Краснодарскому краю
ilnickias@gmail.com

Ильницкий Александр Сергеевич
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
ilnickias@gmail.com

ФОРМЫ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ТЕНЕВОМ ПРОСТРАНСТВЕ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В статье представлены характерные черты современной организованной преступности и определены формы её преступной деятельности в теневом пространстве сети Интернет. Выявлены средства доступа и обозначены свойства теневого сегмента киберпространства, которые создают благоприятные условия для развития организованной преступной деятельности. Представлено криминологическое осмысление современных форм организованной преступной деятельности в теневом пространстве сети Интернет.

Ключевые слова: организованная преступность, киберпространство, даркнет, формы преступной деятельности, криминальный рынок, мошенничество, киберпреступность.

Современные информационные и научно-технические преобразования способствуют развитию многих сфер общественной жизни, определяют актуальные направления совершенствования производства, содержат экономический, военный, политический, культурный потенциал для развития общества и государства. Наряду с конструктивными изменениями, вызванными процессами цифровизации, имеется значительное число криминогенных последствий, требующих выявления, анализа, оценки и формирования наступательной политики их минимизации. Одними из таких последствий является воспроизводство «традиционной» преступности за счет технологических и цифровых преобразований, формирование новых форм преступной деятельности, появление современных детерминант преступности.

Vladimir L. Andreev
Candidate of Legal Sciences,
Chief,
Main Directorate of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
for the Krasnodar Territory
ilnickias@gmail.com

Alexander S. Ilnitsky
Associate of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ilnickias@gmail.com

FORMS OF ORGANIZED CRIMINAL ACTIVITIES IN SHADOW SPACE INTERNET NETWORKS

Annotation. The article presents the characteristic features of modern organized crime and defines the forms of its criminal activity in the shadow space of the Internet. The means of access are identified and the properties of the shadow segment of cyberspace that create favorable conditions for the development of organized criminal activity are identified. The importance of criminological understanding of modern forms of organized criminal activity in the shadow space of the Internet is determined.

Keywords: organized crime, cyberspace, darknet, forms of criminal activity, criminal market, fraud, cybercrime.

Трансформация форм преступности затронула значительное количество её видов, среди них и организованная преступность, которая приобрела гибкий, высоко технологический и транснациональный характер.

Проблема ориентации организованной преступности на возможность применения современных технологий для обеспечения системной, масштабной и дифференцированной криминальной деятельности не единожды поднималась на государственном уровне. Президент России В.В. Путин отмечает, что органы внутренних дел и органы государственной безопасности должны эффективно реагировать на современные криминальные угрозы, защищать граждан и добросовестный бизнес, которые активно осваивают цифровое пространство [1].

Повышение эффективности защиты граждан от организованной преступной деятельности в сети Интернет невозможно без глубоких криминологических исследований, обеспечивающих своевременную диагностику происходящих криминальных процессов, формирование криминологических технологий и их внедрение в правоохранительную практику [2, с. 10]. Отсюда, важно определить современные формы организованной преступной деятельности в виртуальном пространстве.

Современное киберпространство содержит особые сетевые сегменты – теневое пространство сети Интернет (DarkNet), которое практически не контролируется правоохранительными органами [3, с. 47], позволяет расширять сферы преступной деятельности и вовлекать новых лиц, беспрепятственно организовывать ранее неизвестные виды криминального бизнеса.

Теневое пространство сети Интернет своим названием обязано широкому использованию информационных ресурсов криминальными группами и сообществами в целях осуществления организованной преступной деятельности. Средством доступа к указанному сетевому

пространству выступает программное обеспечение для реализации «луковой маршрутизации» – «Tor browser», которое используется в противоправной деятельности: торговли наркотиками, оружием, поддельными денежными средствами, детской порнографией, а также для осуществления мошеннических действий и оказания криминальных услуг [4, с. 16].

Теневое пространство сети Интернет (DarkNet) создаёт благоприятные условия развития организованной преступной деятельности за счет своих особенностей:

- а) шифрование данных и подключение к сети по схеме многократного присоединения к отдельным ретрансляторам (рис. № 1);
- б) удаление cookies-файлов;
- в) использование криптовалюты при расчёте за приобретение товаров или оказание услуг, запрещенных законодательством;
- г) доступ к заблокированным Интернет-ресурсам [5, с. 16].

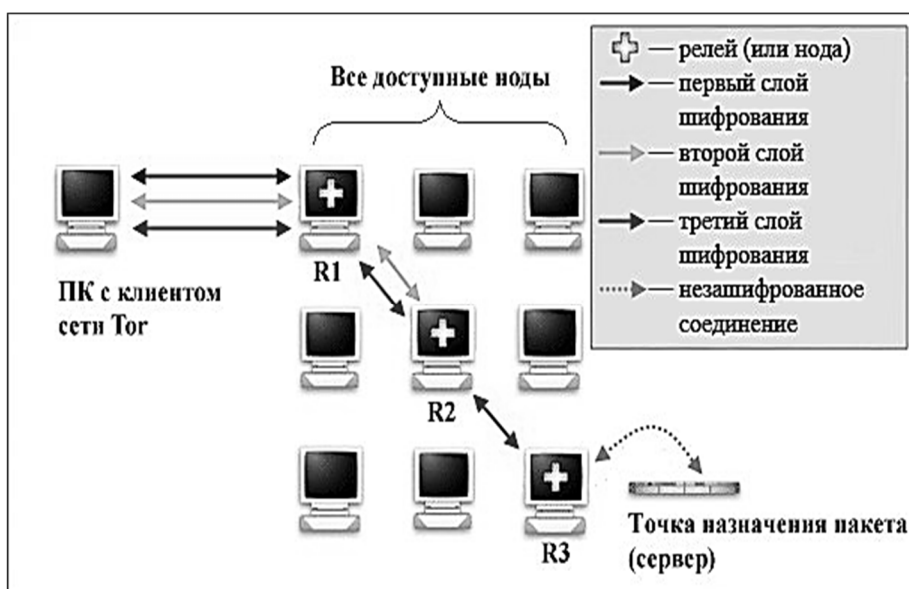

Рисунок – 1 Схема шифрования данных и подключения к сети TOR

Шифрование данных и подключение к сети TOR обеспечивает анонимность пользователя за счет передачи зашифрованных данных через несколько ретрансляторов. На первом этапе информация шифруется таким образом, чтобы её могли расшифровать только на входном узле (R1), далее данные снова шифруются и передаются на промежуточный узел (R2), а затем отправляются в зашифрованном виде на выходной узел (R3) для последующего выхода в сеть. Удаление cookies-файлов в «Tor browser» позволяет изолировать «cookies» и очищать историю просмотров после завершения сессии, что обеспечивает приватность и безопасность пользователя. Использование криптовалюты повышает анонимность при расчёте за незаконное приобретение товаров, изъятых или ограниченных в гражданском

обороте, оплату преступных услуг. Доступ к запрещенным интернет-ресурсам предполагает возможность получения информации, запрещённой к распространению на территории Российской Федерации.

Проблема использования теневого пространства сети Интернет для осуществления организованной преступной деятельности с каждым годом становится все актуальнее, на что не могут не обращать внимание правоохранительные органы. Так, В.А. Колокольцев на расширенном заседании коллегии МВД России докладывал о задержании участников межрегионального преступного сообщества, которые занимались распространением наркотиков через теневой сегмент сети Интернет [6].

Для повышения эффективности противодействия организованной преступности в теневом пространстве сети Интернет важно определить основные формы организованной преступной деятельности в представленном сегменте киберпространства.

С целью определения современных форм организованной преступной деятельности было проанализировано более 110 обвинительных приговоров судов первой инстанции, вынесенных в период с 2018 по 2021 год на территории России, размещенных в государственной информационной системе «Правосудие», в которых получила отражение квалификация 132 преступлений, совершенных организованными группами и преступными сообществами с использованием программного обеспечения для реализации «луковой маршрутизации» – «Tor browser». Проведен контент-анализ более 40 ресурсов теневого пространства сети Интернет, среди которых торговые площадки, форумы, чаты, медиаканалы.

Одной из опаснейших форм организованной преступной деятельности в теневом пространстве сети Интернет является *организация рынка нелегальных товаров и услуг*, среди которых продажа наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, взрывчатых устройств, поддельных документов, персональных данных физических лиц. Оборот таких товаров обеспечивают информационные ресурсы – торговые площадки, среди которых особой популярностью пользуются «Hydra», «Medusa», «Matanga», «WayAway», «Ramp» «Blackmart» «Нарния» и др.

Одним из популярнейших ресурсов для организации рынка нелегальных товаров и услуг является торговая площадка «Hydra». Её особенность заключается в ориентации на оборот наркотических средств и психотропных веществ.

Большая часть товаров в данном магазине – это наркотические средства и психотропные вещества (марихуана, каннабиноиды, стимуляторы, эйфоретики, психоделики, экстази, диссоциативы, опиаты). В то же время, торговая площадка «Hydra» ориентирована на сбыт поддельных денежных средств и официальных документов (паспорта, медицинские справки, дипломы, аттестаты, водительские удостоверения, паспорта транспортных средств, а также удостоверения сотрудников органов власти и силовых структур).

Отдельное место в организации рынка нелегальных товаров и услуг занимает вовлечение лиц в распространение товаров, запрещенных к обороту на территории Российской Федерации. В сегменте торговой площадки «Hydra» имеется значительное количество «вакансий» для распространения наркотических средств и психотропных веществ, оружия, боеприпасов, денежных суррогатов и других товаров посредством «закладок».

Для регистрации в данном интернет-магазине заключается пользовательское соглашение с администрацией «Hydra» об условиях использования интернет-магазина. В нём представлен квази-

правовой статус покупателей и продавцов, правила поведения, а за нарушение условий использования торговой площадки предусмотрены санкции в виде запрета пользования интернет-ресурсом на определенное количество времени, блокирование аккаунта, либо штраф. Отсюда демонстрируется формирование нормативной регламентации организованной преступной деятельности, связанной с координацией криминального рынка.

Наряду с торговой площадкой «Hydra», в большей степени ориентированной на продажу наркотических средств и психотропных веществ, популярностью пользуется информационный ресурс криминального рынка «Medusa», который направлен на оказание преступных услуг. Проведение контент-анализа указанной торговой площадки позволяет выявить следующие преступные услуги:

- а) продажу оружия, боеприпасов, взрывчатых устройств;
- б) умышленное уничтожение или повреждение чужого имущества по найму;
- в) сбыт имущества, добытого преступным путем;
- г) незаконную сетевую разведку в отношении физических и (или) юридических лиц;
- д) организацию противодействия расследованию по конкретному уголовному делу;
- е) убийство по найму.

Значительная часть из представленных услуг содержит мошеннический характер, вместе с тем, отдельные виды преступлений отражаются в судебной практике.

Так, в 2018 году суд приговорил к 9,5 годам колонии несовершеннолетнего соучастника убийства следователя МВД Евгении Шишкиной, застреленной в Подмоскowie в октябре 2018 года. Следствием было установлено, что несовершеннолетний вступил в организованную преступную группу, созданную для убийства старшего следователя по особо важным делам СЧ СУ управления на транспорте МВД России по ЦФО подполковника полиции Евгении Шишкиной. Утром 10 октября 2018 года Шишкина вышла из дома к парковке, когда к ней подбежал гр. А. и несколько раз выстрелил. Женщина скончалась на месте. По сообщениям пресс-службы Генпрокуратуры Российской Федерации, исполнители убийства были подобраны в теневом пространстве сети Интернет (DarkNet) [7].

Наряду с указанной формой организованной преступной деятельности в теневом пространстве сети Интернет, серьезную угрозу представляет организованное мошенничество. Представление мошенничества в качестве одной из форм организованной преступной деятельности в DarkNet обусловлено наличием иерархической структуры и четким распределением ролей субъектов преступной деятельности. Распределение ролей в структуре организованной преступной деятель-

ности, связанной с мошенничеством в теневом пространстве сети Интернет, основывается на выполнении функций по общей организации и руководству организованной группы, координации поступления в оборот организованной группы SIM-карт и банковских карт для последующего вывода денежных средств, добытых преступным путем, обеспечению IT-поддержки, контролю и учёту извлечённого от преступной деятельности дохода.

Организованная преступная деятельность, связанная с хищениями чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием в рассматриваемом сегменте киберпространства, в большей степени направлена на потребителя нелегальных товаров или услуг, а также – на лиц, желающих получить заработок противоправными способами. Так, В.С. Соловьев и А.Л. Осипенко выделяют следующие способы мошеннических действий в DarkNet:

- а) продажу «суперфальшивок», которые, якобы, принимают банкоматы и платежные терминалы;
- б) продажу пластиковых карт иностранных банков, якобы с деньгами на счетах;
- в) продажу якобы оригинальных и официально зарегистрированных служебных удостоверений и других документов, свидетельствующих о принадлежности владельца к силовым ведомствам;
- г) продажу якобы оригинальных и официально зарегистрированных дипломов о высшем образовании;
- д) предложения убрать или внести информацию в базы данных государственных структур, в том числе, убрать информацию о судимостях;
- е) предложения приобрести информацию о договорных футбольных матчах;
- ё) предложения оформить кредиты на лиц с плохой кредитной историей [8, с. 141].

Наряду с совершением действий, направленных на хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверия, в теневом пространстве сети Интернет активно распространяются мошеннические схемы и даются консультации по совершению мошенничества с использованием методов социальной инженерии [9, с. 158].

Среди современных форм организованной преступной деятельности особое место занимают преступления в сфере IT-технологий. По данным Центра стратегических и международных исследований, хакерские атаки стали причиной потери более триллионов долларов в мировой экономике 2020 года [10]. Обращаясь к теневому сегменту сети Интернет, ущерб от киберпреступности не поддается количественной оценке [11].

Значительное количество атак на информационные системы совершаются организованными

группами и преступными сообществами, действующими по всему миру. Указанные сообщества представляют целостные идеологические движения, которые оправдывают и поощряют посягательства на информационную инфраструктуру.

Идеологические обоснования хакерской деятельности были заложены в конце 70-х годов XX века и связаны с «борьбой» за анонимность в сетевом пространстве. Одними из основных идеологических положений представленных сообществ является необходимость использования методов анонимизации, в том числе, технологии «луковой маршрутизации» в процессе сетевой коммуникации. Средства «борьбы» с государством за «сетевое господство» могут варьироваться от использования сложной криптографии с целью сохранения приватности до целенаправленной преступной деятельности, связанной посягательствами на информационную инфраструктуру отдельных государств.

Среди действующих в теневом пространстве сети Интернет хакерских сообществ можно выделить следующие организованные группы: «Шифропанки», «Анонимусы», «Cult of the Dead Cow», «Общество Анонимных Анонимусов» [12]. Наиболее радикальным преступным сообществом, действующим в DarkNet, можно признать организацию «Анонимус», которая представляет собой группу хактивистов, совершающих DDoS-атаки на государственные и межправительственные сетевые ресурсы, а также крупнейшие мировые компании [13].

Опасность организованной преступной деятельности в сфере IT-технологий обусловлена транснациональностью и анонимностью организованных групп и преступных сообществ, что достигается посредством применения методов шифрования и анонимизации, в том числе, использования особого сетевого сегмента с целью обеспечения киберпреступности.

Таким образом, современная организованная преступность характеризуется информационной транзитивностью в особые сегменты киберпространства, что обеспечивает реализацию масштабной и дифференцированной преступной деятельности. Обращение организованных преступных групп и сообществ к использованию средств анонимизации противоправной деятельности требует особого внимания криминологической науки и правоохранительной практики. Важно расширять границы криминологического знания, связанного с изучением закономерностей организованной преступности, её причин, механизмом преступного поведения, формированием личности преступника в условиях теневого сегмента киберпространства. Полученные знания позволят сформировать эффективные и научно обоснованные меры противодействия организованной преступной деятельности в условиях особых сетевых сегментов.

Литература:

1. Расширенное заседание коллегии МВД России. URL : <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (дата обращения 11.06.2021).
2. *Симоненко А.В.* Криминологические технологии: теория и методология / А.В. Симоненко, Е.В. Грибанов // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2(32). С. 8–12.
3. *Осипенко А.Л.* Сбор информации и полицейские операции по противодействию организованной преступности в киберпространстве: зарубежный опыт / А.Л. Осипенко // Общество и право. 2021. № 1(75). С. 47–55.
4. *Овчинский В.С.* Криминология цифрового мира : учебник для магистратуры. М. : ИНФРА-М, 2018. 352 с.
5. *Ильницкий А.С.* О некоторых аспектах преступности в теневом Интернете / А.С. Ильницкий // Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2019. С. 14–18.
6. Владимир Колокольцев сообщил о задержании участников межрегионального преступного сообщества наркоторговцев. Официальный сайт МВД России. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/23303993/> (дата обращения 11.06.2021).
7. Соучастник убийства следователя в Подмосковье получил 9,5 года колонии. URL : <https://ria.ru/20210310/prigovor-1600617713.html> (дата обращения 12.06.2021).
8. *Соловьев В.С.* Рынок нелегальных товаров и услуг в Darknet и Telegram-каналах / В.С. Соловьев, А.Л. Осипенко // Уголовная политика и культура противодействия преступности. Материалы Международной научно-практической конференции. 2018. С. 138–141.
9. *Александров А.Г.* Использование сети Даркнет при подготовке и совершении преступлений / А.Г. Александров, А.А. Сафронов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2021. № 1(89). С. 156–160.
10. Center for Strategic and International Studies. Analysis. URL : <https://www.csis.org/> (дата обращения 23.06.2021).
11. Интервью Президента российской секции Международной полицейской ассоциации. URL : <https://rg.ru/2021/05/27/kakie-novye-ugrozy-neset-kibermafia.html> (дата обращения 24.06.2021).
12. *Бартлетт Дж.* Подпольный интернет : темная сторона мировой паутины / Джейми Бартлетт; Пер. с англ. М. Райтмана. М. : Эксмо, 2017. 352 с.

Literature:

1. Expanded meeting of the Board of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <http://www.kremlin.ru/catalog/persons/310/events/65090> (date of application 11.03.2021)
2. *Simonenko A.V.* Criminological technologies: theory and methodology / A.V. Simonenko, E.V. Gribanov // Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2016. № 2(32). P. 10.
3. *Osipenko A.L.* Information gathering and police operations to counter organized crime in cyberspace: foreign experience / A.L. Osipenko // Society and Law. 2021. № 1(75). P. 47–55.
4. *Ovchinsky V.S.* Criminology of the digital world: a textbook for magistracy. M. : INFRA-M, 2018. 352 p.
5. *Ilitsky A.S.* On some aspects of crime in the shadow Internet / A.S. Ilitsky // Criminal policy and culture of countering crime: materials of the International Scientific and Practical Conference. Krasnodar, 2019. P. 14–18.
6. Vladimir Kolokoltsev reported on the detention of members of the interregional criminal community of drug traffickers. The official website of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/news/item/23303993/> (date of application 11.03.2021).
7. An accomplice to the murder of an investigator in the Moscow region received 9.5 years in a penal colony URL : <https://ria.ru/20210310/prigovor-1600617713.html> (date of application 12.06.2021).
8. *Solovyov V.S.* The market of illegal goods and services in Darknet and Telegram channels / V.S. Solovyov, A.L. Osipenko // Criminal policy and culture of countering crime. Materials of the International Scientific and Practical Conference. 2018. P. 138–141.
9. *Alexandrov A.G.* Using the Darknet network in the preparation and commission of crimes / A.G. Alexandrov, A.A. Safronov // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2021. № 1(89). P. 156–160.
10. Center for Strategic and International Studies. Analysis. URL : <https://www.csis.org/> (date of application 23.06.2021).
11. Interview with the President of the Russian Section of the International Police Association. URL : <https://rg.ru/2021/05/27/kakie-novye-ugrozy-neset-kibermafia.html> (date of application 24.06.2021).
12. *Bartlett J.* The Underground Internet : the Dark Side of the World Wide Web / Jamie Bartlett; trans. from the English of M. Reitman. M. : Eksmo, 2017. 352 p.

13. Закаблукровский Е.В. Приглашение к преступлению: набросок философии анонимуса / Е.В. Закаблукровский // Научное мнение. 2014. № 7. С. 125–131.

13. *Zakablukovsky E.V.* An invitation to a crime: a sketch of the philosophy of anonymus / E.V. Zakablukovsky // Scientific Opinion. 2014. № 7. P. 125–131.

Астафьев Иван Николаевич

преподаватель
кафедры административного
права и административной деятельности
органов внутренних дел,
Омская академия МВД России
ast_ivn@inbox.ru

Литвинов Артем Валерьевич

кандидат технических наук,
доцент кафедры деятельности органов
внутренних дел в особых условиях,
Омская академия МВД России
artyom_hawk@mail.ru

**ПРЕСЕЧЕНИЕ СОТРУДНИКАМИ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯ ОХРАНЫ
И КОНВОИРОВАНИЯ ПЕРЕДАЧИ
ПОДОЗРЕВАЕМОМ И ОБВИНЯЕМОМ
ЗАПРЕЩЕННЫХ ПРЕДМЕТОВ
В ХОДЕ СУДЕБНЫХ ЗАСЕДАНИЙ**

Аннотация. Проведенные исследования показали, что административная деятельность сотрудников подразделений охраны и конвоирования предусматривает применение таких мер пресечения передачи запрещенных предметов подозреваемым и обвиняемым в ходе судебных заседаний, как личный досмотр, досмотр вещей, личный обыск. При наличии оснований полагать, что подозреваемые и обвиняемые в ходе судебного заседания получили предметы или вещества, запрещенные к хранению и использованию, следует проводить личный обыск в помещении для содержания подозреваемых и обвиняемых в суде.

Ключевые слова: подозреваемые и обвиняемые, суд, запрещенные предметы, передача, административное пресечение, личный обыск.

Введение.

Передача либо попытка передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, следственных изоляторах или изоляторах временного содержания, является распространенным административным правонарушением. Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2019 году по статье 19.12 КоАП РФ всего поступило дел 5949. Подвергнуто наказанию 4467 лиц (в том числе, должностные лица – 6, лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность без образования

Ivan N. Astafiev

Lecturer of the Department
of Administrative Law and Administrative
Activity internal affairs bodies,
Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
ast_ivn@inbox.ru

Artyom V. Litvinov

Associate Professor
of the Department of Activity of Internal
Affairs Bodies in Special Conditions,
Omsk Academy of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
artyom_hawk@mail.ru

**SUPPRESSION BY EMPLOYEES
OF THE SECURITY UNIT AND ESCORTING
THE TRANSFER TO THE SUSPECTS
AND THE ACCUSED PROHIBITED ITEMS
DURING COURT SESSIONS**

Annotation. The conducted studies have shown that the administrative activities of the employees of the security and escort units provide for the use of such measures to prevent the transfer of prohibited items to suspects and accused persons during court sessions as personal search, inspection of things, personal search. If there are grounds to believe that suspects and accused persons received items or substances prohibited for storage and use during the court session, a personal search should be conducted in the premises for the detention of suspects and accused persons in court.

Keywords: suspects and accused, court, prohibited items, transfer, administrative suppression, personal search.

юридического лица – 1, иные физические лица – 4460). Назначены административные наказания: основные (предупреждение (письменное) – 2 лица, штраф – 4464 лиц, конфискация – 1 лицо) и дополнительные (конфискация – 2945 лиц) [1]. В таких условиях повышается роль обысков, которые направлены на предупреждение совершения новых преступлений осужденными и иными лицами (ч. 1 ст. 1 УИК РФ), а также обеспечение личной безопасности осужденных и персонала [2; 3]. Процедура личный обыск проводится в целях: а) обеспечения режима содержания в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних

б) обнаружения и изъятия предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела [4; 5].

Наибольшее количество выявленных нарушений приходится на передачу запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы [6], меньшее – лицам, содержащимся в специальных учреждениях органов внутренних дел Российской Федерации. В тоже время имеются случаи передачи подозреваемым и обвиняемым запрещенных предметов в ходе судебных заседаний.

Обратим внимание на то, что из диспозиции статьи 19.12 КоАП РФ вытекает, что место совершения правонарушения связано с нахождением лиц:

- 1) в учреждениях уголовно-исполнительной системы;
- 2) следственных изоляторах;
- 3) изоляторах временного содержания;
- 4) иных местах содержания под стражей.

Однако существует еще ряд мест, где обеспечивается соответствующий режим содержания и необходимо ограничивать возможность поступления запрещенных предметов к задержанным и заключенным под стражу лицам, помещенным в эти места (например, к таким местам могут относиться:

- 1) специальные помещения для содержания задержанных лиц в территориальных органах внутренних дел;
- 2) специальные приемники для содержания лиц, подвергнутых административному аресту;
- 3) центры временного содержания несовершеннолетних правонарушителей;
- 4) специальные учреждения для временного содержания иностранных граждан;
- 5) конвойные помещения в судах;
- 6) транспорт, предназначенный для перемещения задержанных и заключенных под стражу лиц).

Проблемой исследования является вопрос правомерности применения сотрудниками подразделения охраны и конвоирования мер административного пресечения передачи подозреваемым и обвиняемым запрещенных предметов в ходе судебных заседаний, а именно - является ли законным производство личного обыска вне мест содержания под стражей.

Предметом исследования является административная деятельность сотрудников подразделений охраны и конвоирования по пресечению передачи подозреваемым и обвиняемым запрещенных предметов в ходе судебных заседаний.

Результаты исследования.

Необходимость производства личного обыска после участия подозреваемых и обвиняемых в

судебных заседаниях с целью пресечения передачи им запрещенных предметов прокомментируем тремя случаями.

Проведение личного обыска подозреваемых и обвиняемых, в том числе и вне мест содержания под стражей: при приеме подозреваемых и обвиняемых для конвоирования, при проведении следственных действий, а также после заключения под стражу. Однако проведение личного обыска в помещениях суда, в отношении лиц, которым ранее уже была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, после окончания судебного слушания не предусмотрено.

Для рассмотрения вопроса правомерности проведения личного обыска подозреваемых и обвиняемых в помещении для содержания подозреваемых и обвиняемых в суде обратимся к комментариям к статье 19.12. КоАП РФ [7].

Диспозиция ст. 19.12 КоАП РФ является бланкетной и при решении вопроса об административной ответственности правоприменителю необходимо обращаться к подзаконным актам ведомственного уровня.

В комментарии сказано, что Уголовно-исполнительный кодекс РФ, Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» определяют места содержания под стражей:

- для осужденных – колонии, тюрьмы, лечебные исправительные учреждения;
- для подозреваемых и обвиняемых – следственные изоляторы, изоляторы временного содержания (ИВС), гауптвахты, иные помещения, приспособленные для этих целей (например, на морском судне, зимовке).

Обратимся к статье 19 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений». При возникновении угрозы жизни и здоровью подозреваемого или обвиняемого либо угрозы совершения преступления против личности со стороны других подозреваемых или обвиняемых сотрудники мест содержания под стражей обязаны незамедлительно принять меры по обеспечению личной безопасности подозреваемого или обвиняемого. В том же Федеральном законе Статьей 34 определено, что подозреваемые и обвиняемые находятся в местах содержания под стражей под охраной и надзором и передвигаются по территориям этих мест под конвоем либо в сопровождении сотрудников мест содержания под стражей. В целях осуществления надзора может использоваться аудио- и видеотехника [8].

Выводы.

Проведенные исследования показали, что административная деятельность сотрудников подразделений охраны и конвоирования предусматривает применение таких мер пресечения передачи запрещенных предметов подозреваемым и

обвиняемым в ходе судебных заседаний как личный досмотр, досмотр вещей, личный обыск. При наличии оснований полагать, что подозреваемые и обвиняемые в ходе судебного заседания получили предметы или вещества, запрещенные к хранению и использованию, следует проводить личный обыск в помещении для содержания подозреваемых и обвиняемых в суде. Личный обыск подозреваемых и обвиняемых в суде по возможности следует проводить в присутствии сотрудника, проверяющего наряд. Однако в нормативном акте МВД проведение личного обыска в помещениях суда, в отношении лиц, которым ранее уже была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, после окончания судебного

Литература:

1. Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. Судебная статистика. Данные судебной статистики. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2019 год № 1-АП «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению дел об административных правонарушениях». URL : <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 15.06.2021).
2. Павленко А.А. Личные обыски и досмотры осужденных: правовое регулирование и проблемы привлечения к их осуществлению медицинских работников / А.А. Павленко // Вестник Кузбасского института. 2011. № 1(4). С. 50–54.
3. Макаров М.И. Некоторые особенности проведения личного обыска и личного досмотра лиц, находящихся под стражей / М.И. Макаров // Успехи современной науки и образования. 2016. № 11. Т. 4. С. 24–26.
4. Сергеев М.В. Вопросы регламентации досмотровых и осмотровых мероприятий, осуществляемых сотрудниками полиции в отношении физических лиц / М.В. Сергеев, О.А. Дизер // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 3(45). С. 38–45.
5. Мотрович И.Д. Личный досмотр и личный обыск как меры обеспечения личной безопасности сотрудников полиции / И.Д. Мотрович, Н.Л. Васильева // Научный портал МВД России. 2019. № 1(45). С. 94–102.
6. Захаров М.Ю. Проблемные вопросы и аспекты статьи 19.12 КОАП РФ / М.Ю. Захаров, Н.В. Маненков // В сборнике: Юридическая наука и практика. альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Самара, 2020. С. 72–75.
7. КоАП РФ с комментариями и изменениями. URL : <https://koap-kodeks.ru/st-19.12-koap-rf> (дата обращения 15.06.2021).

слушания не предусмотрено. В связи с изложенным, мы полагаем, что с целью обеспечения личной безопасности сотрудников конвойной службы полиции, а также, недопущения членовредительства подозреваемых и обвиняемых существует реальная необходимость расширения полномочий сотрудников данной службы в части предоставления права на проведение личного обыска в конвойных помещениях судов, в указанных выше случаях. В тех случаях, когда один служебный наряд передает подозреваемых и обвиняемых другому служебному наряду, личный обыск подозреваемых и обвиняемых может проводиться без присутствия сотрудника, проверяющего наряд.

Literature:

1. Website of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics. Judicial statistics data. Summary statistical data on the activities of federal courts of general jurisdiction and magistrates for 2019 № 1-AP «Report on the work of courts of general jurisdiction on the consideration of cases of administrative offenses». URL : <http://www.cdep.ru/> (date of application 15.06.2021).
2. Pavlenko A.A. Personal searches and searches of convicts: legal regulation and problems of attracting medical workers to their implementation / A.A. Pavlenko // Bulletin of the Kuzbass Institute. 2011. № 1(4). P. 50–54.
3. Makarov M.I. Some features of conducting a personal search and personal search of persons in custody / M.I. Makarov // Successes of modern science and education. 2016. № 11. T. 4. P. 24–26.
4. Sergeev M.V. Issues of regulation of inspection and inspection measures carried out by police officers in relation to individuals / M.V. Sergeev, O.A. Dizer // Legal science and law enforcement practice. 2018. № 3(45). P. 38–45.
5. Motrovich I.D. Personal search and personal search as measures to ensure the personal safety of police officers / I.D. Motrovich, N.L. Vasilyeva // Scientific portal of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. № 1(45). P. 94–102.
6. Zaharov M.Y. Problematic issues and aspects of Article 19.12 of the Administrative Code of the Russian Federation / M.Y. Zaharov, N.V. Manenkov // In the collection: Legal Science and Practice. almanac of scientific works of the Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia. Samara, 2020. P. 72–75.
7. The Code of the Russian Federation on Administrative Offenses with comments and amendments. URL : <https://koap-kodeks.ru/st-19.12-koap-rf> (date of application 15.06.2021).

8. Приказ Минюста России от 27.12.2006 № 384 «Об утверждении Административного регламента исполнения государственной функции по обеспечению в соответствии с законодательством российской федерации установленного порядка деятельности судов».

8. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation № 384 of 27.12.2006 «On approval of the Administrative Regulations for the Performance of the state Function to Ensure the Established Procedure for the Activities of Courts in Accordance with the Legislation of the Russian Federation».

Батеева Елена Владиславовна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры трудового права
юридического факультета,
Академия труда и социальных отношений
bateeva.l@yandex.ru

Шпалов Андрей Викторович

заместитель председателя
Федерации Профсоюзов
Ростовской области,
аспирант кафедры трудового
права юридического факультета,
Академия труда и социальных отношений
a.v.shpalov_fpro@mail.ru

**Роль института социального
партнерства в решении вопросов
специальной оценки
условий труда**

Аннотация. Статья посвящена вопросам необходимости совместного решения проблем в сфере определения условий труда на рабочем месте силами всех сторон социального партнерства на уровнях от федерального до локального, в том числе, влияния данного взаимодействия на качество проведения специальной оценки условий труда. В статье рассмотрены слагаемые качества проведения специальной оценки условий труда и примерах реализации этих мер, исследовано трудовое законодательство о роли сторон социального партнерства в достижении качества проведения СОУТ и роли сторон в проведении экспертизы условий труда.

Ключевые слова: социальное партнерство, специальная оценка условий труда (СОУТ), условия труда, качество, компенсация, работа во вредных условиях, профсоюз.

Институт социального партнерства в России работает более 20 лет и в настоящее время охватывает федеральный, окружной, региональный, муниципальный, локальный уровни. Взаимодействуя с коллегами по социальному партнерству по вопросам трудового законодательства, приходится слышать упрек что «это ваш закон, чем мы можем помочь?». Всегда приходится поправлять, что законы, на которые полагается профсоюзная сторона – федеральные законы, и напоминать статью 7 Конституции Российской Федерации, где говорится, что Россия социальное государство. По совокупности сказанного получается, что мы все начнем жить в социальном государстве, когда будем решать социальные проблемы совместно. На федеральном и региональном уровнях принимаются законы,

Elena V. Bateeva

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of Labour Law
Faculty of Law,
Academy of Labor and Social Relations
bateeva.l@yandex.ru

Andrey V. Shpalov

Deputy Chairman
Federation of Trade Unions
Rostov region,
Graduate Student of the Department
of Labor Law of the Faculty of Law,
Academy of Labor and Social Relations
a.v.shpalov_fpro@mail.ru

**THE ROLE OF THE INSTITUTE
OF SOCIAL PARTNERSHIP IN SOLVING
ISSUES OF SPECIAL ASSESSMENT
OF WORKING CONDITIONS**

Annotation. The article is devoted to the issues of the need for joint solutions to problems in the field of determining working conditions at the workplace by all parties of social partnership at the levels from federal to local, including the impact of this interaction on the quality of a special assessment of working conditions. The article considers the components of the quality of conducting a special assessment of working conditions and examples of the implementation of these measures, examines the labor legislation on the role of the parties to the social partnership in achieving the quality of the SAUT and the role of the parties in conducting an examination of working conditions.

Keywords: social partnership, special assessment of working conditions (SAUT), working conditions, quality, compensation, work in harmful conditions, trade union.

мониторится их исполнение на своем соответствующем уровне. На локальном уровне происходит реализация закона, то есть, его правоприменение.

Одной из норм статьи 7 Конституции РФ – это гарантия каждому гражданину охрана труда и здоровья: Конституция гарантирует безопасные условия труда и соблюдение норм гигиены на рабочем месте. Это вопросы, связанные со специальной оценкой условий труда (СОУТ). Одним из актуальных вопросов, связанных со специальным оцениванием условий труда, является правоприменение норм Федерального закона «О специальной оценке условий труда» от 28.12.2013 № 426-ФЗ (далее ФЗ № 426), немаловажную роль в котором играет институт социального

партнерства [1, с. 42]. В этой связи, нелишним будет исследовать опыт по организации проведения СОУТ отраслевыми профсоюзами входящих в ФНПР, который позволит повысить качество применения норм ФЗ № 426 и рассмотреть те ресурсы, которые дает законодательство сторонам проведения СОУТ.

Большую работу по урегулированию проблем, связанных со специальной оценкой условий труда, проводит Федерация Независимых Профсоюзов России (далее - ФНПР). По мнению ФНПР, права работников на дополнительные гарантии и компенсации, нарушаются не нормами ФЗ № 426, а нормами Методики проведения специальной оценки условий труда, идентификация потенциально вредных и (или) опасных производственных факторов утвержденной Приказом Минтруда России от 24.01.2014 № 33н (далее – Методика). Это мнение основано на результатах мониторинга технической инспекции труда ФНПР опыта применения Методики.

Из семилетнего опыта проведения СОУТ важным слагаемым при проведении специальной оценки условий труда является компетентность экспертов. Согласно ст. 8 ФЗ № 426, работодатель обязан за свой счет провести специальную оценку условий труда, привлекая для этого экспертную организацию по договору ГПХ (гражданско-правового характера). Экспертная организация, согласно ст.19 ФЗ № 426, должна иметь лицензии, экспертов, лабораторию и т.д. На практике более половины организаций в РФ являются «бюджетными» и выбор экспертной организации отдается на волю тендера, основополагающим признаком выбора становится цена услуги, а не ее качество [1, с. 76]. В сложившейся ситуации возникает необходимость в «профсоюзной экспертизе». На базе территориальных организаций профсоюзов, возможно (Псковская Федерация Профсоюзов создала лабораторию по проведению СОУТ) создание экспертной организации для проведения СОУТ.

Следующим слагаемым является состав членов комиссии. Согласно ст. 9 ФЗ № 426, состав комиссии должен быть из представителей работодателя, представителей службы охраны труда предприятия, представители профсоюзной стороны или других уполномоченных представителей работников. От работодателя обязательно в состав комиссии должны войти представители кадровой службы, ОТИЗ, руководители подразделений, медицинская служба (при наличии), юрист. Сторона профсоюзов – это профсоюзный актив всех подразделений и количество представителей сторон работодателя и профсоюза должны быть равны [2, с. 34]. И возглавлять комиссию должен первый руководитель предприятия (организации)или его заместитель.

Следующим важным моментом является обучение членов комиссии нормам ФЗ № 426 и отраслевых особенностей применения процедуры СОУТ. Примером может служить факт разработки отраслевыми профсоюзами рекомендаций по проведению СОУТ. Данные рекомендации в Ростовской области имеет профсоюзы:

Росуглепроф, ПРОФАВИО, Росхимпрофсоюз, ГМПР и т.д. Профсоюзная организация ПРОФАВИО разработала рекомендации для обучения членов комиссии, профактива и руководителей подразделений, для обучения рядовых работников. Данный профсоюз своевременно еще в 2014 году провел мониторинг своих членских организаций по поводу сроков проведения СОУТ и организовал выездные обучающие семинары со всеми своими членскими организациями. В рамках семинаров они обучали всех членов комиссии, в том числе, и со стороны работодателя.

До начала работы экспертной организацией комиссия должна рассмотреть все документы, имеющиеся в организации по условиям труда на всех рабочих местах, а также:

- результаты проведенной ранее аттестации;
- результаты производственного контроля;
- результаты предварительных и периодических медицинских осмотров;
- документы, связанные с профзаболеваниями в организации и отрасли;
- графики сменной работы (необходимо определить в какие смены действуют вредные и опасные факторы и т.д.).

Комиссия должна четко знать, какие вредные и опасные факторы присутствуют на каждом рабочем месте. Комиссией должны быть рассмотрены списки основных и аналогичных рабочих мест, которые будут переданы экспертной организации для оценки условий труда.

Нормы статьей 370 ТК РФ, статей 19, 20 Федерального закона от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности», статьей 25 ФЗ № 426 позволяют в полной мере проводить экспертизу условий труда профсоюзной стороной социального партнерства, но результатом этих экспертиз, по факту, является право профсоюза заявить о нарушении, а работодателя – рассмотреть нарушение.

Приказ определил регламент государственной услуги для работодателя, работника профсоюзной организации и организации, проводящей СОУТ. Государственная услуга позволит бесплатно для выше перечисленных сторон СОУТ провести экспертизу качества проведения процедуры [4, с. 132]. Правда, право принять решение о проведении экспертизы по-прежнему остается за государственным органом. Поэтому мы продолжаем считать актуальным рассмотрение споров по проведению экспертизы, качества проведения СОУТ на законодательном уровне отдать в компетенцию сторон социального партнерства, как минимум, на региональном уровне, т.е., расширить полномочия трехсторонних комиссий для принятия решений, обязательных к исполнению работодателем.

Одним из актуальных вопросов, связанных со специальной оценкой условий труда, это

правоприменения норм ФЗ № 426 [3, с. 192]. Термин «качество результатов проведения» в самом законе упоминается несколько раз, в ст. 18 п. 2. Был исследован опыт по организации проведения СОУТ отраслевыми профсоюзами, входящими в ФНПР, который позволит повысить качество применения норм ФЗ № 426 и рассмотреть те ресурсы, которые дает ФЗ сторонам проведения СОУТ, чтобы не прибегать к механизмам экспертизы качества и механизмам государственного воздействия на сторону, нарушающую или не до конца понимающую норму ФЗ № 426.

Самый важный уровень социального партнерства в решении вопросов, связанных с оценкой условий труда, это локальный уровень. И социальные партнеры в полной мере несут ответственность за качественное проведение СОУТ. Из семилетнего опыта проведения СОУТ важным слагаемым при проведении специальную оценку условий труда являются:

- подборка компетентных экспертов;
- грамотный и взвешенный подход к составу членов комиссии по проведению СОУТ;
- обучение членов комиссии нормам ФЗ № 426 и отраслевых особенностей применения процедуры специальной оценки условий труда;
- тщательная подготовка к проведению специальной оценки условий труда (в ней должны принять активное участие все члены комиссии).

Еще одна проблема, связанная с рассматриваемой тематикой, соотносится с Федеральным законом от 24.07.1998 № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» (далее № 125-ФЗ). Это – проблема получения профессиональных заболеваний медицинскими работниками, которая, по своей сути, шире той, что обнажилась в настоящее время [3, с. 193]. Это актуально по причине того, что по данным статистики масштаб смертности в России от инфекционных и паразитарных заболеваний более 30 тысяч трудоспособных граждан в год. Не менее важной проблемой является возможность объективно расследовать факт получения профессионального заболевания и, как следствие, возмещения пострадавшему работнику финансовых компенсаций, установленных в № 125-ФЗ. Так, например, в последнее время Правительство РФ и Президент России всячески способствуют, чтобы медицинские работники, которые получили повреждения здоровья в результате воздействия COVID-19, имели право на установленные им в Конституции РФ гарантии и компенсации. В Роструд было направлено Письмо от 10 апреля 2020 г. № 550-ПР Председателю Фонда социального страхования РФ с разъяснением ситуации и уверенностью в том, что «случаи заражения медицинских работников коронавирусной инфекцией при исполнении ими трудовых обязанностей подлежат расследованию в соответствии с требованиями Постановления Правительства РФ от 15 декабря 2000 г. № 967 «Об утверждении Положения о расследовании и учете профес-

сиональных заболеваний» (далее – Постановление № 967).

В свою очередь, Президент России издал Указ от 6 мая 2020 г. № 313 «О предоставлении дополнительных страховых гарантий отдельным категориям медицинских работников», который гарантирует медицинским работникам солидные компенсации. И, несмотря на временные недопонимания со стороны Роструда и Фонда социального страхования, есть уверенность в том, что решения Президента будут реализованы в случаях заражения медицинских работников COVID-19.

Фонд социального страхования РФ для признания случая страховым и Центр государственного санитарно-эпидемиологического надзора при принятии решения по признанию заболевания профессиональным ориентируются на нормы ФЗ № 426. Причиной того является то, что установить наличие вредного и (или) опасного производственного фактора на рабочем месте и его уровень может установить с точки зрения ФЗ только процедура СОУТ и, согласно п. 11 ч. 1 ст. 7 ФЗ-426, ее результаты могут применяться при «решении вопросов о связи возникших у работников заболеваний с воздействием на работников на их рабочих местах вредных и (или) опасных производственных факторов, а также, расследования несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний». Словом, могут, с одной стороны, не говорить, что только результаты СОУТ определяют принятие решения о признании заболевания профессиональным, но, с другой стороны, нет другого федерального нормативного акта, который мог бы помочь в определении, есть ли вредный и опасный фактор на рабочем месте или его нет, в результате воздействия которого может возникнуть профессиональное заболевание.

Медицинский работник, получая профессиональное инфекционное заболевание, остается один на один с такими «китами», как медицинское учреждение в лице его работодателя, Роспотребнадзор, Фонд социального страхования. Также, судебная практика показывает, что через суд возможно доказать факт профессионального заболевания у медработников при своевременном сборе доказательной базы получения заболевания на рабочем месте и получить возможность противостоять Фонду социального страхования в получении компенсаций в связи с профессиональным заболеванием.

В случае, если работник, все же, получил профессиональное инфекционное заболевание ему необходимо позаботиться о том, чтобы были свидетели, которые смогут подтвердить факт заражения на рабочем месте (данные пациента-носителя инфекции, коллеги по работе и т.д.), постараться документально зафиксировать факт заражения (больничный лист, обращение в центр-Спида, инфекционное отделение с фиксацией контакта, например: повреждения кожных покровов медицинским инструментом, попадание инфицированных жидкостей в глаза и т.д.) с последующей документальной фиксацией (подтверждением) фактов систематического поступления

больных с инфекционными заболеваниями в отделе, где работает больной и его контакты с такими больными. Все это, по нашему мнению, поможет зараженному медицинскому работнику связать свое заболевание с профессиональной деятельностью.

Следующим существенным моментом является «качественное» проведение СОУТ на данном рабочем месте с указанием того патогенна, которым может потенциально заразиться медицинский работник. В случае выявления инфекционного заболевания требовать (через профсоюз, путем написания заявления на горячую линию Роспотребнадзора, прокуратуру) от работодателя расследования в соответствии с требованиями Постановления № 967, рассмотреть процедуру расследования и активирования факта получения работником профессионального заболевания, поговорить о трудностях, с которыми сталкивается работник при установлении профессионального заболевания, изучить судебную практику по вопросу и попытаться выработать рекомендации по решению проблемы в разрезе наиболее распространенных и опасных инфекционных и паразитарных заболеваний, угрожающих медицинским работникам в их профессиональной деятельности [3, с. 194]. И, как следствие, это поможет им добиться социальных гарантий при получении компенсаций в случае профессионального заболевания.

На наш взгляд, нужно на законодательном уровне закрепить статус коронавирусной инфекции ко II группе патогенности по причине, обладающей новыми патогенными для человека свойствами, патогенные биологические агенты, в отношении которых известны случаи летальных исходов заболевания. Эти изменения в нормативную базу необходимы уже сейчас, т.к. эффективной вакцины против этого заболевания еще не подтверждена, а медработники рискуют своими жизнями без возможности признать болезни, а порой и летальный исход на производстве.

Возвращаясь к вопросу о роли института социального партнерства во время проведения процедуры СОУТ, следует отметить, что дальнейшее ее применение вызывает в обществе много вопросов, возникают конфликтные ситуации. При запросе «применение результатов специальной оценки труда» и «проведение специальной оценки труда» в системе «Гарант» наблюдаем, в совокупности, двух запросов более пяти тысяч судов – из них судов общей юрисдикции более трех с половиной тысяч – по теме за семилетний срок применения ФЗ № 426. Инструментом установления истины в этих конфликтах является экспертиза условий труда (в системе «Гарант» приведено более девяти тысяч судебных решений, более семи тысяч судов общей юрисдикции по запросу экспертиза условий труда)».

Нормами статьи 216.1 ТК РФ определено, кто осуществляет государственную экспертизу условий труда, ее цели и права и обязанности лиц, осуществляющих ее. Положительным фактом является то, что Роструд 23.08.2019 г принял Приказ

№ 233, который определил регламент государственной услуги для работодателя, работника, профсоюзной организации и организации, проводящей СОУТ [4, с. 86]. Государственная услуга позволит бесплатно для сторон, участвующих в СОУТ, провести экспертизу качества проведения процедуры. Правда, право принять решение о проведении экспертизы по-прежнему остается за государственным органом.

Нормы статьей ТК РФ и ФЗ № 426 позволяют в полной мере проводить экспертизу условий труда профсоюзной стороной социального партнерства. Рассмотрев процедуры проведения государственной и профсоюзной экспертиз условий труда, мы приходим к выводу о том, что они по требованиям к уровню экспертов, по правам и обязанностям экспертов, по оформлению экспертного решения, по процедуре принятия окончательного решения, которое выносит государственный орган (суд, прокуратура, ГИТ), идентичны.

Кроме того, хотелось обратить внимание на возможность досудебного урегулирования с помощью сторон социального партнерства на локальном уровне. Нужно не останавливаться на процедуре, по которой профсоюз вправе направить документы о нарушении трудового законодательства работодателю, и обязанности последнего рассмотреть это нарушение, а пойти дальше: инициировать коллективные переговоры по результатам профсоюзной экспертизы и пытаться вынести решение комиссии по коллективным переговорам в пользу работника, и данное решение будет уже обязательным для исполнения, потому что стороны добровольно взяли на себя обязательства – п. 9 п. 10 ст. 24 ТК РФ – в решения назревших проблем.

Предложенный нами механизм может вызвать у скептиков сомнения, но это право работникам дано в рамках трудового законодательства и его реализация основана на компетентности профсоюзной стороны в трудовом праве и умении вести социальный диалог.

Решению вопросов, связанных с трудовым законодательством в рамках органов социального партнерства, мешает противоречие между заявленным в п. 10 ст. 24 ТК РФ «обязательностью выполнения коллективных договоров и соглашений» и п. 3 ст. 35, то есть, в одном случае, мы говорим о обязательности исполнения решений, а в другом, скатываемся к обязательности их рассмотрения. Органы власти на всех уровнях являются стороной социального партнерства и решения, принятые трехсторонними органами, обязательны к исполнению [4, с. 92]. И это необходимо исправить в п. 3 ст. 35.1 ТК РФ. По нашему мнению, внесение вышеуказанных изменений в ТК РФ снимет напряженность в вопросах качества проведения оценки условий труда на рабочих местах и повысит статус региональных трехсторонних комиссий по вопросам социально трудовых отношений.

Литература:

1. *Ефремова О.С.* Аттестация рабочих мест по условиям труда в организациях. Рекомендации и нормативные документы. М. : Альфа-пресс, 2017. 408 с.
2. *Крылов К.Д.* Профсоюзы и вопросы трудового законодательства / К.Д. Крылов // Государство и право. М. : Наука, 2018. № 3. С. 33–37.
3. *Ноева А.В.* Защита трудовых прав работников: проблемы правоприменения / А.В. Ноева // Научный электронный журнал Меридиан. 2020. № 14 (48). С. 192–194.
4. *Смирнова Н.К.* Оценка условий труда: учебное пособие. Курган : Изд-во Курганского гос. ун-та, 2019. 188 с.

Literature:

1. *Efremova O.S.* Certification of workplaces according to working conditions in the organization. Recommendations and normative documents. M. : Alfa-press, 2017. 408 p.
2. *Krylov K.D.* Trade unions and issues of labor legislation / K.D. Krylov // State and law. M. : Nauka, 2018. № 3. P. 33–37.
3. *Noeva A.V.* Protection of labor rights of employees: problems of law enforcement // Scientific electronic journal Meridian. 2020. № 14(48). P. 192–194.
4. *Smirnova N.K.* Assessment of working conditions : textbook. Kurgan : Publishing house of the Kurgan State University, 2019. 188 p.

Брыксина Юлия Анатольевна
бакалавр,
Российский государственный
университет правосудия
juliya_briksina@mail.ru

МЕСТО МОТИВОВ, ЦЕЛЕЙ И ЭМОЦИЙ В СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аннотация. Данная статья посвящена исследованиям в области уголовного права. Она касается изучения элементов субъективной стороны преступления и определения их места в субъективной стороне. В настоящее время множество авторов ведут дискуссии по поводу того, как цель, мотив и эмоции влияют на квалификацию преступлений, какое место они занимают как элементы субъективной стороны, какое их место в системе уголовного права в целом. Данные элементы являются, несомненно, важными, так как они позволяют определить, совершало ли лицо противоправное деяние, позволяют выделить причины, подтолкнувшие его на это, тем самым, вынести правильное решение по делу.

Ключевые слова: квалификация деяния, преступление, мотив, цели, эмоции, субъект, субъективная сторона преступления.

Наказание по уголовному закону предусматривается за те опасные для общества действия или бездействия и непосредственно последствия, которые наступили в результате этих действий в тех случаях, когда доказывается вина лица [11, ч. 1 ст. 5].

Вина – элемент, являющийся одним из основных в субъективной стороне состава преступления, поэтому для того, чтобы правильно установить субъективную сторону, необходимо изучить мотив преступления, так как он играет важную роль в составлении информации о характере того процесса, который происходит в сознании человека, в момент совершения им противоправного деяния.

«Мотив является неким толчком, который подтолкнул лицо пойти на совершение преступного деяния» [9, с. 290].

В первую очередь, термин «мотив» является психологической категорией. Но также, мотив поведения носит дисциплинарный характер, что проявляется во взаимодействии с науками, которые занимаются исследованием личности. Мотивы позволяют раскрыть важную информацию о человеке, составить некий его портрет [7, с. 6].

Yulia A. Bryksina
Bachelor,
Russian State University of Justice
juliya_briksina@mail.ru

THE PLACE OF MOTIVES, GOALS AND EMOTIONS IN THE SUBJECTIVE SIDE OF THE CRIME

Annotation. This article is devoted to research in the field of criminal law. It concerns the study of the elements of the subjective side of the crime and determining their place in the subjective side. Currently, many authors are discussing how the purpose, motive and emotions affect the qualification of crimes, what place they occupy as elements of the subjective side, what is their place in the criminal law system as a whole. These elements are undoubtedly important because they allow you to determine whether a person has committed an illegal act, I allow you to identify the reasons that prompted him to do this, thereby making the right decision in the case.

Keywords: qualification of the act, crime, motive, goals, emotions, subject, subjective side of the crime.

Для того, чтобы выяснить содержание мотива преступления и определить то, как он соотносится с другими признаками в противоправном деянии, необходимо, в первую очередь, иметь в виду специфику, а также – особенности поведения человека. Поведение человека со стороны социальных и психологических аспектов выражается как достаточно сложное явление, так как имеет свои отличия, потому что сопровождается определенными целями. Субъект пытается выбрать поведения, которое бы больше подходило его влечениям, желаниям и занимало бы важное место в его повседневном ритме [2, с. 8].

Мотив позволяет проанализировать действия субъекта в зависимости от той цели, которую стремится достичь лицо, когда совершает противоправное действие.

Мотивы и цели, относящиеся к преступным, являются юридическими признаками, которые находятся в составе субъективной стороны, и их связь, в большей степени, определяется психологическим содержанием совершенных деяний [7, с. 22].

Мотив и цель оказывают влияние друг на друга. В зависимости от того, какой мотив, можно

определить, какая преследуется цель, и как человек будет ее реализовывать [2, с. 9].

Главной отличительной чертой деятельности человека является ее целенаправленность. Перед началом любого действия субъект ставит перед собой цель, которую в дальнейшем он стремится достичь. Общественно опасное деяние тоже целенаправленно, только цель в данном случае более специфична. «Цель преступления — это тот определенный результат, которого пытается достичь лицо при совершении преступного деяния» [2, с. 9].

Хоть понятия «мотив» и «цель» являются взаимообусловленными, они, все же, определяют волевой процесс с разных сторон. В первую очередь, цель характеризует само направление деятельности человека, а мотив определяет то, для чего человек совершает определенные действия. Данные понятия не могут появиться друг без друга, но при этом, мотив раскрывается, именно благодаря цели, которая реализуется в процессе конкретных деяний.

«Лицо начинает ставить цели и руководствоваться определенным мотивом, когда понимает значение всех тех действий, которые он совершает» [2, с. 9]. Данное утверждение связано с тем, что человек осознает мотивы и цели своих действий. Но при этом случается так, что не все мотивы являются осознанными.

Данная неосознанность вызвана различными причинами, в первую очередь, на это влияет эмоциональное состояние человека. Очень важно то, что противоправное деяние зависит от психологических процессов, признаки которого являются взаимосвязанными. Решение же человека, связанное с совершением общественно опасного деяния, формируется несколькими побуждениями, которые не только меняют сам мотив деяния, но повышают его стремительное значение.

Во время осуществления противоправных замыслов важную роль играют эмоциональные факторы, влияющие на состояние человека с психологической стороны. На основе всех данных переживаний, под их влиянием у человека возникают мысли и чувства, воздействующие на него. Они затрудняют процесс осознания лицом последствий своих деяний, теряется смысл содеянного, человек не может осознать опасность мотивов его поведения. Серьезное влияние при этом оказывают сильные душевные волнения [2, с. 12]. При данном состоянии человек теряет контроль над своим поведением, он не обладает способностью понять причины, побудившие его совершить деяние. Данное обстоятельство прямо показывает на то, почему законодательством делается упор на определение, имело ли место состояние сильного душевного волнения, которое возникает непосредственно из-за определенных действий лица, считающегося потерпевшим, так как оно признается смягчающим наказание обстоятельством [2, с. 9]. Именно поэтому важно учитывать не только побудительные, интеллектуальные, волевые психологические признаки, но и состояние

эмоциональных переживаний человека в тот момент, когда он совершал данные деяния.

Понимание мотива позволяет провести верную квалификацию содеянному, назначить законное наказание и обеспечить его исполнение.

В науке уголовного права особое внимание уделяется классификации.

Ученые достаточно раз пытались разработать различные квалификации непосредственно факультативных признаков, они указывали на тот факт, что наиболее сложной квалификацией считается та, которая непосредственно связана с эмоциями, которые появляются у лица при совершении деяния [6, с. 168]. При классификации эмоционального состояния субъекта важно брать во внимание психологический аспект. Эмоциональные состояния не всегда считаются прямым признаком состава преступления. Из положительных и негативных эмоций последние больше считаются точными признаками.

При рассмотрении факультативных признаков в их взаимосвязи зависимости важно иметь в виду, что они объединены причинно-следственной связью, т.е., следствием предыдущего и причиной последующего [6, с. 169].

Различные классификации мотивов преступлений находят свое отражение как в зарубежной, так и в российской литературе.

Так, Л.И. Петражицкий разделял человеческие побуждения на разные категории:

- «императивные (побуждения нравственного долга)»;
- «императивно-атрибутивные (веление права)» [8, с. 45].

Б.В. Харацишвили является одним из первых ученых в отечественной юридической литературе, которых выделял различные виды мотивов как:

- 1) имеющиеся связь с идейными явлениями — обще социальные и личные мотивы — неизменные; не неизменные;
- 2) мотивы, относящиеся к предметному характеру [12, с. 59–66].

Данная квалификация не применялась практическим образом в теории, потому что она относится к психологической стороне поведения субъекта, а не отдельно к преступлению. Это является недостатком классификации.

Многие ученые указывают на то, что нет необходимости проводить выделение мотивов с психологической стороны, потому что нужно в совокупности рассматривать мотивы и поведение лица.

М.П. Чубинский выделял мотивы по социально принадлежности: на социальные и антисоциальные. При этом моральная оценка мотива относится к социально-психологической характеристике самого деяния. Данная классификация

является достаточно общей, поэтому при ее применении могут возникнуть некие затруднения.

Наибольшего внимания заслуживает система П.С. Дагеля. Он выделял три группы мотивов, относя их к общественно опасным (общество, в целом), социально-нейтральным (личные) и общественно полезным (мотивы защиты от общественного посягательства) [3, с. 272–274]. Указанная классификация считается более полной, но при этом необходимо привести некоторые уточнения. Например, стоит вопрос о том, являются ли жалость, малодушие, трусость мотивами? Ведь данные понятия относятся больше к эмоциональному состоянию человека.

Так критическую оценку к классификации Дагеля, сформулировал А.И. Рагог, он писал о том, что мотивы преступлений полезные для общества отсутствуют; только идеи, которыми лицо руководствовалось при желании достичь результата, являющегося полезным для общества или не причиняющего ему вред, можно считать полезными обществу [10, с. 41–42].

Исследование выше указанных позиций, позволяет увидеть то, что все классификации содержат в себе некие погрешности, а также, они не обладают способностью полноценно устанавливать многообразие мотивов, не могут определить значение факультативных признаков субъективной стороны.

Важно иметь в виду, что в основании каждой классификации должны находиться как интерес познания, так и практическое значение самой классификации.

Также, можно выделить критерии классификации, связанные с состоянием эмоционального давления субъекта в момент осуществления запрещенных законом деяний, к ним относятся:

- 1) В зависимости от источника формирования:
 - а) объективные – вызванные ситуацией, например, ответными действиями на оскорбление, противоправность или аморальность поведения потерпевшего;
 - б) субъективные – зависящие от личности, например резкая эмоциональная реакция, нередко возникающая у холериков (могущая выразиться, например, в особо активной роли в совершении преступления);
- 2) В зависимости от уровня внешней выраженности:
 - а) слабо выражающиеся, например легкая грусть;
 - б) сильно выражающиеся, имеющие сильная ненависть или любовь либо в виде сильного душевного волнения;

3) В зависимости от эмоциональной окраски для лица, совершившего преступление:

- а) положительные эмоции, например радость, азарт;
 - б) отрицательные ощущения, например грусть, апатия;
 - в) нейтральное состояние, т.е., равнодушие;
- 4) В соответствии с длительностью действия:
- а) кратковременные, например, длительность гнева продолжительностью пару минут;
 - б) длительные, например, до года и более, сопровождаемые с чувством мести, состоянием депрессии;
 - в) средней продолжительности, например, имеет место при конкретной обстановке;
- 5) В зависимости от осознания субъектом:
- а) сознательные;

- б) неосознанные, возникающие, когда человек не может понимать происходящего, например, во время сна [6, с. 181–182].

Также, важно отличать виды психических состояний по уровню их проявления:

- 1) «физиологические» [4, с. 14–15], к ним относятся голод, беременность;
- 2) эмоциональные – воодушевление, апатия;
- 3) психофизиологические – опьянение.

Знание вышеперечисленных состояний оказывает пользу в момент применения на практике оценки факультативных признаков субъективной стороны преступлений – как при осуществлении квалификации, так при оценке вменяемости виновного [6, с. 182–183].

Классификации факультативных признаков схожи между собой, они выработаны на основе поиска критерия, который являлся бы универсальным для формирования перечня признаков, которые изучаются учеными.

Делая вывод по всему вышесказанному, следует заметить, что в научной литературе есть множество моментов, касающихся элементов субъективной стороны преступления. Многие авторы дают различные классификации, основные из которых являются спорными по сей день. Мотив, цель и эмоции – это неотъемлемые составляющие субъекта, совершившего преступление. Благодаря правильному и глубокому изучению данных элементов, мы сможем изучить личность, совершающую противоправные деяния, и найти способы уменьшения количества совершаемых преступлений.

Литература:

1. *Бородин С.В.* Российское уголовное право. Общая часть : учебник / С.В. Бородин; Под ред. С.В. Бородина, В.Н. Кудрявцев, А.В. Наумов. М. : Спарк, 1997. С. 157–158.
2. *Волков Б.С.* Мотивы преступлений. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1982. С. 8–9, 12, 98.
3. *Дагель П.С.* Классификация мотивов и ее криминологическое значение / П.С. Дагель // Вопросы социологии права. Иркутск, 1976. С. 272–274.
4. *Козлов В.В.* Трансперсональная психология : учебное пособие / В.В. Козлов. М. : Эксмо, 2010. С. 14–15.
5. *Маршакова Н.Н.* Классификация в российском уголовном законодательстве: теоретико-прикладной анализ : дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006. 240 с
6. *Маслова Е.В.* Факультативные признаки субъективной стороны состава преступления: теоретико-прикладное исследование. 2017. С. 168–169, 181–183.
7. *Музюкин А.П.* Мотив преступления и его уголовно-правовое значение: монография / А.П. Музюкин. М. : Юнити-дана: Закон и право 2017. С. 6, 22, 25–26.
8. *Петражицкий Л.И.* О мотивах человеческих поступков, в особенности об этических мотивах и их разновидностях. [Соч.] проф. Л.И. Петражицкого. СПб. : Тип. Э.Л. Пороховщиковой, 1904. С. 45.
9. *Пионтковский А.А.* Курс советского уголовного права. М. : Наука, 1970. Т. II. С. 290.
10. *Рарог А.И.* Субъективная сторона и квалификация преступлений. М., 2001. С. 41–42.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации (с учетом изменений, внесенных Федеральными законами от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ, от 29 июля 2018 г. № 227-ФЗ, 220-ФЗ, включая новый порядок зачета времени содержания в сизо). Ч. 1. Ст. 5.
12. *Харазшвили Б.В.* Вопросы мотива поведения преступника в советском праве. Тбилиси, 1963. С. 59–66.

Literature:

1. *Borodin S.V.* Russian criminal law. General part : textbook / S.V. Borodin; Under the editorship of S.V. Borodina, V.N. Kudryavtsev, A.V. Naumov. M. : Sпарк, 1997. P. 157–158.
2. *Volkov B.S.* Motives of crime. Kazan : Kazan Publishing House. University, 1982. P. 8–9, 12, 98.
3. *Dagel P.S.* Classification of motives and its criminological significance / P.S. Dagel // Questions of sociology of law. Irkutsk, 1976. P. 272–274.
4. *Kozlov V.V.* Transpersonal psychology : textbook / V.V. Kozlov. M. : Eksmo, 2010. P. 14–15.
5. *Marshakova N.N.* Classification in Russian criminal law: theoretical and applied analysis : dis ... cand. jurid. sciences. N. Novgorod, 2006. 240 p.
6. *Maslova E.V.* Optional signs of the subjective side of the corpus delicti: theoretical and applied research. 2017. P. 168–169, 181–183.
7. *Muzyukin A.P.* The motive of the crime and its criminal legal significance: monograph / A.P. Muzyukin. M. : Unity-dana: Law and Law 2017. P. 6, 22, 25–26/
8. *Petrazhitzkiy L.I.* About the motives of human actions, especially about ethical motives and their varieties/ [Works] prof. L.I. Petrazhitzkiy. SPb. : Type. E.L. Poro-Khovshchikova, 1904. P. 45.
9. *Piontkovsky A.A.* The course of Soviet criminal law. M. : Nauka, 1970. Vol. II. P. 290.
10. *Rarog A.I.* Subjective side and qualification of crimes. M., 2001. P. 41–42.
11. The Criminal Code of the Russian Federation (as amended by Federal Laws dated July 3, 2018 № 186-FZ, dated July 29, 2018 № 227-FZ, 220-FZ, including a new procedure for calculating the time spent in jail). Part 1. Art. 5.
12. *Kharazishvili B.V.* Questions of the motive of criminal behavior in Soviet law. Tbilisi, 1963. P. 59–66.

Виниченко Екатерина Алексеевна
помощник судьи
Арбитражного суда
Северо-Кавказского округа,
аспирантка юридического факультета,
Краснодарский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
vini1000@rambler.ru

ИНСТИТУТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА: НЕСОВЕРШЕНСТВО НОРМАТИВНОЙ ОПРЕДЕЛЕННОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ СИСТЕМО- ПРЕДМЕТНОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. На основе общих начал и специальных правил порядка создания и реорганизации юридических лиц и принципов их государственной регистрации автор рассматривает виды правонарушений и их правовые последствия в сфере создания и реорганизации юридических лиц, предусмотренные законами отраслевого значения. Сопоставление института уголовной ответственности по статье 173.1 УК РФ с гражданско-правовыми последствиями нарушений, допущенных при создании и реорганизации юридического лица, позволило автору прийти к выводам о существенном нормативном несовершенстве формулы статьи 173.1 УК РФ и предложить правовой путь преобразования указанного института уголовной ответственности.

Ключевые слова: юридическое лицо, создание и реорганизация юридического лица, государственная регистрация юридических лиц, подставные лица, принцип определенности правового регулирования.

Актуальность темы настоящей работы предопределена общеправовым значением и спецификой правосубъектности юридического лица и необходимостью противодействовать злоупотреблениям конструкцией юридического лица.

Юридическое лицо служит формой свободного использования человеком своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности, не запрещенной законом, а также, является организационным способом и имущественным средством осуществления государственной политики во всех сферах общественной жизни. В новых экономических условиях России, как и в многолетней истории общества, феномен юридической личности как самостоятельного субъекта права признан востре-

Ekaterina A. Vinichenko
Assistant of Judge
of the Arbitration Court North
Caucasus district,
Graduate Student of the Law Department
Kuban State Agrarian University
vini1000@rambler.ru

INSTITUTE OF CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR ILLEGAL FORMATION OF A LEGAL ENTITY: IMPERFECTION OF REGULATORY DETERMINATION AND DIRECTIONS OF SYSTEM-SUBJECT TRANSFORMATION

Annotation. Based on the general principles and special rules of the procedure for the creation and reorganization of legal entities and the principles of their state registration the author examines the types of offenses and their legal consequences in the field of creation and reorganization of legal entities provided for by the laws of industry significance. Comparison of the institution of criminal responsibility under art. 173.1 of the Criminal Code of Russian Federation with the civil law consequences of violations committed during the creation and reorganization of a legal entity, allowed the author to come to conclusions about a significant regulatory imperfection of the formula of art. 173.1 of the Criminal Code of Russian Federation and propose a legal way to transform the specified institution of criminal responsibility.

Keywords: legal entity, creation and reorganization of a legal entity, state registration of legal entities, front persons, the principle of certainty of legal regulation.

бованной правовой формой объединения людей и их капиталов для участия в имущественных отношениях [1].

Общие положения об образовании юридических лиц содержат две взаимосвязанные группы норм.

Одна группа норм регулирует внутренние аспекты отношений, связанных с реализацией намерений физического лица (лиц), юридического лица (лиц), иного субъекта учредить новое юридическое лицо либо реорганизовать существующее юридическое лицо.

Другая группа норм регулирует внешние отношения, связанные с государственной регистрацией образования юридического лица в порядке учреждения нового юридического лица или

реорганизации действующего юридического лица, и внесение в государственные реестры соответствующих сведений о фактах учреждения или реорганизации юридического лица и о новых или об измененных признаках его правосубъектности.

Обе группы норм составляют системное единство, основанное на общих принципиальных идеях, важнейшими из которых являются следующие:

- недопустимость злоупотребления правом, законная презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений и разумности их действий (статья 10 ГК РФ),
- обязательность государственной регистрации созданных юридических лиц и изменений сведений о них (статья 51 ГК РФ, статья 5 Закона 129-ФЗ),
- формальный легалитет оснований образования юридического лица и изменения сведений о нем (статья 51 ГК, статья 9 Закона 129-ФЗ),
- публичная открытость единых государственных реестров юридических лиц (статья 51 ГК РФ, статья 6, 7.1 Закона 129-ФЗ),
- законная презумпция достоверности включенных в государственные реестры фактов и сведений о юридических лицах и допустимость оспаривать такие сведения (статья 51 ГК РФ, статья 9 Закона 129-ФЗ).
- ответственность за неправомерность деяний, совершенных при осуществлении мер по образованию юридических лиц и внесению изменений в сведения о юридических лицах (статьи 10, 51, 53.1, 60.1, 60.2, 61 ГК РФ, статья 25 Закона 129-ФЗ).

Нарушения правил, устанавливающих порядок образования юридических лиц, совершаются различными способами, среди них уголовно-наказуемым признано образование юридического лица через подставных лиц.

Гражданско-правовое позитивное регулирование определяет рамки правомерного целенаправленного поведения субъектов в сфере образования юридических лиц и раскрытия правильной информации о событиях и фактах в их деятельности. Уголовное право, определяя уголовную ответственность за определенные правонарушения, указывает, тем самым, на запреты такого поведения, в том числе, в сфере образования юридического лица. Уголовный и гражданский кодексы Российской Федерации являются отраслевыми компонентами единой правовой системы России и объективно находят в межотраслевых связях системности [2; 3].

Уголовное и гражданское право равно запрещают нарушения закона, действуя при этом в аспектах, свойственных особенностям их методов воздействия на общественные отношения.

Уголовно-правовые запреты и гражданско-правовые предписания в виде обязанностей и дозволений являются необходимыми, но требуют согласованности их содержания.

Принцип правовой определенности регулирования общественных отношений признан конституционным как обеспечивающий гарантии государственной, в том числе, судебной, защиты прав, свобод и законных интересов субъектов общества [4].

Признаки несовершенства нормативной определенности института уголовной ответственности за незаконное образование юридического лица в рамках статьи 173.1 УК РФ, равнозначные несоответствию принципу правовой определенности норм, имеют различные характеристики.

Примененная в УК РФ категория «незаконное образование (создание, реорганизация)» юридического лица, не имеет соответствующего понятия в отраслевых институтах и не может быть признана определенной и допустимой с позиций нормативного ориентира.

Несоответствие статьи 173.1 УК РФ требованиям ясности и непротиворечивости правовой регламентации выявляется при сопоставлении названия и содержания данной статьи.

Содержание статьи шире объема ее понятийного названия. Под общее название статьи «Незаконное образование (создание, реорганизация)» юридического лица включены различные по объективной стороне неправомерные деяния. Под общим признаком незаконности образования юридических лиц в статье 173.1 УК РФ произведено объединение двух различных по назначению, содержанию, правовым последствиям институтов: создания юридического лица и реорганизации юридического лица, что принципиально противоречит нормам главы 4 ГК РФ.

Институт уголовной ответственности, в порядке статьи 173.1 УК РФ, не соответствует требованиям принципа правовой определенности, поскольку не различим от института уголовной ответственности за фальсификацию единого государственного реестра юридических лиц в порядке статьи 170.1 УК РФ.

Уголовная ответственность за незаконное создание юридического лица на фоне гражданско-правового публичного признания такого юридического лица, обладающим действующей правосубъектностью в силу государственной регистрации, является мерой, несоразмерной конституционным основаниям ограничений прав и свобод человека (статья 55 Конституции РФ).

Объективная сторона преступления, предусмотренного статьей 173.1 УК РФ, определена формулой, широкие рамки которой охватывают любые действия по использованию подставных лиц при создании юридического лица независимо от того, имеют ли они признаки преступления или относятся к иным правонарушениям. При такой конструкции институт уголовной ответственности

утрачивает определенность признаков и пределов преступного деяния.

Несовершенство законодательной конструкции статьи 173.1 УК РФ проявляется в спорном характере легального определения подставных лиц, признаваемых неотъемлемым субъектным компонентом недозволенной технологии образования юридического лица через подставных лиц.

На основании изложенного о понятии «подставные лица», как они определены в примечании к статье 173.1 УК РФ, полагаем приемлемыми наши суждения среди других, высказанных в литературе.

Во-первых, определения подставных лиц, относящиеся к лицам, выставленным в качестве учредителя и/или руководителя незаконно созданного юридического без их ведома или в связи с введением их в заблуждение, несовместимы с составом преступления, предусмотренного статьей 171.1 УК РФ.

Во-вторых, определение подставного лица неприменимо к субъекту, ставшему номинальным органом управления незаконно созданного юридического лица, но не являвшегося его учредителем.

В-третьих, под понятие «подставное» подпадает лицо при условии, что оно сознательно приняло на себя роли формального учредителя юридического лица и его номинального руководителя.

Следовательно, примечание к статье 173.1 УК РФ не отвечает требованиям правовой определенности нормы уголовного закона, в связи с чем, не может быть сохранено в качестве правовой нормы, определяющей признаки состава преступления, предусмотренного статьей 173.1 УК РФ.

Образование юридического лица не может быть квалифицировано в качестве преступного деяния

Литература:

1. *Маковский А.Л.* О кодификации гражданского права (1922–2006). М.: Статут. С. 283, 288; Гражданское право: в 4 т. Т. I. Общая часть: учебник / А.Л. Маковский; Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. М.: Волтерс Клувер. 2004. С. 210–223.
2. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. М.: Проспект. 2015. С. 56–66.
3. *Челышев М.Ю.* Основы учения о межотраслевых связях гражданского права. Казань, 2008. С. 7, 16, 36.
4. Конституционно-правовая защита предпринимательства: актуальные аспекты (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2018–2010 годов): Информация, одобренная решением КСРФ от 17.12.2020 // Система «КонсультантПлюс»: Российское законодательство (Версия Проф).

по статье 173.1 УК РФ, если лица, привлеченные к процессу образования юридического лица, не отвечают понятию «подставные лица», определенно установленному уголовным законом.

Законодательная формула статьи 173.1 УК РФ о составе преступления не содержит ясного и четкого ориентира, определяющего субъекта уголовной ответственности, что препятствует единообразному пониманию и применению уголовно-правовой нормы.

Мы полагаем, что субъектом ответственности в случае совершения преступления, предусмотренного статьей 173.1 УК РФ, а также, при совершении иных противоправных действий должно быть физическое лицо, применившее схему использования подставных лиц в интересах своего конфиденциального участия в создании юридического лица.

В связи с выявленными признаками существенного несоответствия института незаконного образования юридического лица через подставных лиц требованиям правовой определенности, высказаны в научной литературе различные предложения о направлениях совершенствования уголовно-правовой охраны общественных отношений в сфере регулирования создания и реорганизации юридического лица [5].

Полагаем, что оптимальным является предложение об удалении из системы УК РФ статьи 173.1 и, взаимосвязанной с ней, статьи 173.2. Данное предложение обусловлено тем, что, предусмотренное в статье 173.1 УК РФ деяние, связанное с незаконным использованием подставных лиц при образовании юридического лица, не имеет достаточного и необходимого обоснования той степени общественной опасности, которая требует признания этого деяния преступлением с соответствующими ему мерами уголовно-правового реагирования.

Literature:

1. *Makovsky A.L.* On the codification of civil law (1922–2006). M., Statute. P. 283, 288; Civil law: in 4 vol. Vol. I. General part: textbook / A.L. Makovsky; Ed. prof. E.A. Sukhanov. M.: Walters Kluwer. 2004. P. 210–223.
2. *Zhalinsky A.E.* Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. Moscow: Prospect. 2015. P. 56–66.
3. *Chelyshev M.Yu.* Fundamentals of the doctrine of the intersectoral relations of civil law. Kazan. 2008. P. 7, 16, 36.
4. Constitutional and legal protection of entrepreneurship: topical aspects (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2018–2010): Information approved by the decision of the KSRF dated 12/17/2020 // «ConsultantPlus» System: Russian legislation (Version Prof).

5. *Виниченко Е.А.* Ответственность за незаконное образование юридического лица как институт системы уголовного права и как объект законопроектной новеллы об уголовном проступке / Е.А. Виниченко // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Вып. № 5. 2021.

5. *Vinichenko E.A.* Responsibility for the illegal formation of a legal entity as an institution of the criminal law system and as an object of a legislative novel about a criminal offense / E.A. Vinichenko // Humanitarian, socio-economic and social sciences. Iss. №. 5. 2021.

Горохов Дмитрий Юрьевич
кандидат юридических наук,
кафедра государственного права,
Государственный университет
по землеустройству
dmgorokhov@yandex.ru

К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ РОЛИ СОВЕТА ФЕДЕРАЦИИ В ЗАКОНОТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

Аннотация. В статье анализируется роль Совета Федерации в законодательном процессе Российской Федерации. Рассматривается эволюция этого органа с 1993 года по настоящее время, приводятся статистические данные о количестве законопроектов в работе Государственной Думы VII созыва и роли Совета Федерации в этой деятельности. Дается обзор проблем, которые связываются с ролью Совета Федерации в законодательном процессе, в частности: возможность «молчаливого» одобрения Советом Федерации большинства законов, перенасыщение Государственной Думы инициативами, отсутствие базового закона, регулирующего законодательский процесс в России. Перечисленные проблемы рассматриваются с учетом изменений, которые произошли в Конституции и сопутствующем законодательстве России в 2020 году.

Ключевые слова: Федеральное Собрание; Совет Федерации; Государственная Дума; парламент; законодательная деятельность; законодательство, конституционная реформа 2020.

Законодательный процесс является ключевым и важнейшим направлением государственной деятельности. Он представляет собой комплекс действий по созданию нормативно-правовых актов и их применению. Данный процесс принято «исчислять» с момента формирования идеи и до ее реализации. Далее, обязательно следуют публикация и начало действия. Второе может происходить как одновременно с первым, так и через некий промежуток времени.

Таким образом, законодательная деятельность включает в себя замысел нормативного проекта, его подготовку, реализацию, принятие и опубликование. Законодательские процессы представляют собой определенные процедуры и действия, которые могут различаться по содержанию, по характеру, по субъектам реализации и др. Цель данного процесса – сформировать законодательство, то есть, формально закрепить нормы права.

В России проблемам законодательной деятельности посвящено довольно большое количество

Dmitry Yu. Gorokhov
Candidate of Legal Science,
Department of State Law,
State University for Land Management
dmgorokhov@yandex.ru

THE ISSUE OF IMPROVING THE ROLE OF THE FEDERATION COUNCIL IN THE LEGISLATIVE PROCESS

Annotation. The article analyses the role of the Federation Council in the legislative process of the Russian Federation. The author of article tells about the evolution of Federation Council from 1993 to the present time, he also provided the statistics about the number of bills in the work of the State Duma of the VII convocation and analyses the role of the Federation Council in this activity. This article includes an overview of problems associated with the role of the Federation Council in the legislative process, in particular: the possibility of automatic approval of most laws by the Federation Council, the more than necessary amount of submitted initiatives the State Duma offers, the lack of a basic law regulation the legislative process in Russia. All those listed problems are reviewed giving consideration the changes that took place in the Constitution and related legislation of Russia in 2020.

Keywords: Federal Assembly; Council of the Federation; The State Duma; parliament; legislative activity; law-making, constitutional reform 2020.

работ. В частности, в научной литературе раскрываются вопросы, связанные с лоббизмом, законодательной техникой, оптимизацией законодательной деятельности и т.д. [1, с. 85].

В одной из новых работ по данной тематике Т.В. Бочурко выделяет следующие основные проблемы:

- отсутствия юридически оформленной четкой компетенции верхней палаты по предметам законодательной инициативы;
- неравенства прав Государственной Думы и Совета Федерации в ходе законодательства;
- редкого использования Советом Федерации на практике права отклонения закона, принятого нижней палатой;
- очень малой степени участия верхней палаты в законодательстве по сравнению почти со всеми иными субъектами законодательной инициативы;
- перегруженности нижней палаты разнообразными инициативами депутатов Государственной

Думы, затрудняющей законотворческую активность Совета Федерации [2, с. 337].

В настоящей статье обратимся к роли Совета Федерации Федерального Собрания РФ в законотворческом процессе и тому, какое влияние оказали на него изменения, произошедшие в Конституции РФ в 2020 году.

Порядок формирования верхней палаты не был однозначно закреплен Конституцией, которая говорила лишь о том, что в Совет Федерации входят по два представителя от каждого субъекта РФ. Первый состав Совета Федерации напрямую избирался наравне с Государственной Думой, далее в него входили главы субъектов РФ и председатели региональных парламентов, затем, делегированные представители субъектов РФ. Позднее к ним добавились представители Российской Федерации (число которых со временем увеличилось до 30) и, наконец, пожизненное право заседать в палате получил Президент, прекративший исполнение своих полномочий. Также, стоит упомянуть об изменяющемся количестве субъектов РФ, что влияло на количество сенаторов.

Вместе с порядком формирования изменилась и роль Совета Федерации. В соответствии поправками в Конституцию 2020 года, он получил целый ряд дополнительных функций, наиболее важные из которых – право назначать председателя Счетной Палаты (а не заместителя, как ранее) и прекращать по представлению Президента полномочия Председателя, заместителя Председателя и судей Конституционного и Верховного Судов РФ. Однако роль Совета Федерации в законотворческом процессе практически не развивалась и уже много раз справедливо критиковалась различными авторами [3, с. 172]. Попробуем проанализировать причины этой критики и разобраться в них.

Рассмотрим статистику законотворческой активности субъектов законодательной инициативы в VII созыве Государственной Думы (период с октября 2016 по 30 июня 2020 гг., без учета последних 3х месяцев) [4]. За указанный период времени в работе Государственной Думы было в общей сложности 8263 законопроекта (внесенных в текущем созыве или перешедших из предыдущих созывов). Сами депутаты внесли 3786 законопроектов, Правительство РФ – 1832, законодательные (представительные) органы субъектов РФ – 1417, сенаторы Совета Федерации – 972, Президент РФ – 196, Верховный Суд РФ – 56, Совет Федерации – 3, Высший Арбитражный Суд РФ – 1, Конституционный Суд РФ – 0.

Таким образом, сенаторы по количеству законопроектов занимают 4 место с 972 законопроектами (12 % от общего числа). При этом, примерно в половине случаев, сенаторы выступали не самостоятельно, а совместно с депутатами Государственной Думы. Можно предположить, что, в некоторых случаях, депутаты лишь присоединялись к проектам, разработанным сенаторами, однако, это утверждение должно быть верно и в обратную сторону. Несмотря на то, что 30 мест представителей Российской Федерации в Совете

Федерации по-прежнему вакантны, в дальнейшем, доля законопроектов должна только увеличиться. В сравнении с этим, роль Совета Федерации как палаты очень скромна – всего 3 законопроекта.

В соответствии со ст. 11 Федерального закона «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [5], сенатор может реализовать свое право законодательной инициативы посредством внесения в Государственную Думу законопроектов, а также – поправок к ним. Кроме того, сенаторы в составе не менее одной пятой всей палаты имеют право вносить в Государственную Думу инициативу по поправкам в Конституцию РФ и пересмотру положений Основного Закона. Из этого следует, что сенаторы, фактически, имеют полную свободу выбора предмета такой инициативы, хотя и не являются напрямую избранными и выступают в личном качестве, в достаточной степени, автономно, поскольку палата формируется по внепартийному принципу.

По мнению Е.А. Григорьевой, наибольшей эффективностью будет обладать проект закона, который разработан членом Совета Федерации по вопросам, входящим в его компетенцию [6]. Роль Совета Федерации, в первую очередь, заключается в том, чтобы представлять интересы субъектов РФ на федеральном уровне. Это предположение приобрело особую актуальность ввиду изменений в Конституции РФ 2020 года. В составе палаты появились, назначаемые пожизненно, сенаторы, а также, возможность Президента после своей отставки занять кресло в верхней палате Федерального собрания РФ. Разумно было бы ограничить право законодательной инициативы для сенаторов определенной тематикой, а право законодательной инициативы по любому вопросу сохранить только за палатой, в целом. Как нам представляется, это должно способствовать эффективности законотворчества Совета Федерации и оживлению дискуссии внутри верхней палаты российского парламента.

Можно возразить, что подобная инициатива ограничит субъекты РФ в возможности влиять на федеральную политику через законодательные инициативы, однако, данное право также реализуется через законодательные (представительные) органы субъектов РФ. Одновременно, данное предложение должно способствовать решению другой актуальной проблемы российского парламента – его перенасыщения различными инициативами.

С другой стороны, серьезной проблемой следует назвать недостаточную активность Совета Федерации как субъекта законодательной инициативы.

Перейдем к следующему аспекту.

Совет Федерации обладает потенциально достаточно сильным полномочием – правом отклонить любой закон, принятый Государственной Думой. Данное право является одним из важнейших элементов механизма сдержек и противовесов,

наравне с правом вето у Президента. Сам факт того, что верхняя палата периодически пользуется правом не одобрить закон, принятый нижней палатой, должен стимулировать качество подготовки законов в Государственной Думе. Однако за время работы Государственной Думы VII созыва Совет Федерации воспользовался данным правом всего 4 раза. Вероятно, редкое использование данного права связано с другой проблемой.

Согласно ч. 4 ст. 105 Конституции РФ, Совет Федерации вправе отклонить, принятый Государственной Думой, федеральный закон. В этом случае палаты могут сформировать согласительную комиссию для преодоления разногласий. Но ч. 5 ст. 105 Конституции РФ предусматривает ситуацию, когда Государственная Дума не согласна с решением Совета Федерации. Государственная Дума может преодолеть это несогласие, поддержав большинством не менее двух третей от общего числа депутатов. Данная ситуация, несомненно, является крайне редкой, мы снова наблюдаем преимущество Государственной Думы над Советом Федерации. Законодатель, видимо, полагал, что всенародно избранная Государственная Дума должна иметь приоритет перед палатой, формируемой по иному принципу. Как показала практика, такие конфликты, сами по себе, являются крайне редкими, кроме того, «продавливание» закона любой ценой вряд ли должно быть главной целью работы демократического парламента.

Обязательному рассмотрению в Совете Федерации подлежат законы, принятые Государственной Думой по шести видам вопросов, перечисленных в ст. 106 Конституции РФ (также, согласно ст. 108, обязательному рассмотрению подлежат любые федеральные конституционные законы). В 1995 году Конституционный Суд РФ дал толкование ч. 4 ст. 105 и 106 Конституции РФ [7], согласно которому рассмотрение в Совете Федерации федерального закона, подлежащего, в соответствии со ст. 106 Конституции РФ, обязательному рассмотрению в этой палате должно начаться не позднее четырнадцати дней после его передачи в Совет Федерации. В случае, если рассмотрение не успеет завершиться в срок 14 дней, то оно должно быть продолжено на следующих заседаниях до окончательного одобрения или не одобрения. КС РФ в своем постановлении отдельно указал на то, что это правило не должно распространяться на другие федеральные законы, не подходящие под «тематику» ст. 106 Конституции РФ. Это официально закрепило, так называемое, «молчаливое» одобрение законов без их рассмотрения Советом Федерации по истечении 14 дней с момента их передачи в палату. Несомненно, эта особенность создает дисбаланс в процессе принятия законов,

Литература:

1. *Толкачев К.Б.* Законотворческий процесс в системе политико-властных отношений федеративного государства / К.Б. Толкачев // Вестник ВЭГУ. 2017. № 3(89). С. 85.

давая возможность Совету Федерации самоустраняться от законотворчества.

Подведем итоги. В рамках данной статьи принята попытка проанализировать роль Совета Федерации в законотворческом процессе в современной России. Некоторые из перечисленных выше проблем обострились в последние годы, а также, могут еще обостриться со временем, когда начнут практически реализовываться принятые изменения в отечественной Конституции. Однако они могут быть значительно сглажены.

Как известно, законодательная деятельность регламентируется на уровне действующего законодательства. Основными законами в данной сфере выступают Конституция РФ, федеральные законы, нормативные акты и др. Законотворческий процесс на законодательном уровне не регулируется каким-либо отдельным нормативным актом. В результате, качество создаваемых законов сильно снижается, появляются различные ошибки и коллизии.

Попытки по созданию федерального закона, регулирующего законодательный процесс, начали предприниматься еще в 1990-е гг. Последний раз такой проект был внесен в 2014 году, но, как и предыдущие документы, полного одобрения он не получил. Попытки создания закона, регулирующего законодательную деятельность на федеральном уровне, не приносят особого успеха. Вместе с тем, не раз отмечалась серьезная необходимость в создании такого закона.

При этом стоит еще раз задуматься о необходимости принятия подобного закона, который, несомненно, станет таким же важным, как один из базовых и фундаментальных Федеральных законов «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» от 14 июня 1994 № 5-ФЗ.

Принимаемые законы должны проходить экспертизу. Соответственно, порядок данной процедуры тоже должен быть подробно изложен на законодательном уровне. В том числе, следует указать критерии для отбора законопроектов.

Законодательная деятельность представляет особую важность для создания стабильной и эффективной правовой системы. От данной деятельности непосредственно зависит порядок и уровень жизни в стране. В России законодательная система начала развиваться не так давно, поэтому на данный момент она еще не успела полностью сформироваться. Вот почему в данной сфере необходимо дальше продолжать активную работу, учитывая опыт прошлых лет, достижения других стран, а также – современные реалии.

Literature:

1. *Tolkachev K.B.* Lawmaking process in the system of political and power relations of the federal state / K.B. Tolkachev // Vestnik VEGU. 2017. № 3(89). P. 85.

2. Бочурко Т.В. Проблемы реализации права законодательной инициативы советом федерации федерального собрания российской федерации / Т.В. Бочурко // Студенческая наука и XXI век. 2020. Т. 17. № 2-2(20). С. 337.

3. Рубель Н.В. Проблемы повышения эффективности законотворческой деятельности Совета Федерации / Н.В. Рубель, О.Ю. Кулагина // Вестник науки : международный научный журнал. 2018. № 7(7). Т. 3. С. 172–177.

4. URL : https://sozd.duma.gov.ru/oz_info_spzi/spzi_list-информация по субъектам права законодательной инициативы о прохождении законопроектов и законов в Государственной Думе текущего созыва. Официальный сайт Государственной Думы Российской Федерации (дата обращения 30.06.2021).

5. Федеральный закон от 08.05.1994 № 3-ФЗ «О статусе сенатора Российской Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (ред. от 22.12.2020) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 2. Ст. 74.

6. Григорьева Е.А. Комментарий к Федеральному закону от 08 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (постатейный) / Е.А. Григорьева; Под ред. Н.И. Воробьева. Доступ из справочно-правовой системы «Консультант-Плюс» (дата обращения 20.05.2021).

7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 23 марта 1995 года № 1-П «По делу о толковании части 4 статьи 105 и статьи 106 Конституции Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 27 марта 1995 г. № 13. Ст. 1207.

2. Bochurko T.V. Problems of the implementation of the right of legislative initiative by the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation / T.V. Bochurko // Student Science and the XXI century. 2020. Vol. 17. № 2-2(20). P. 337.

3. Rubel N.V. Problems of increasing the efficiency of the law-making activity of the Federation Council / N.V. Rubel, O.Yu. Kulagina // Bulletin of science: international scientific journal. 2018. № 7(7). Vol. 3. P. 172–177.

4. URL : https://sozd.duma.gov.ru/oz_info_spzi/spzi_list-information on the subjects of the law of legislative initiative on the passage of bills and laws in the State Duma of the current convocation. Official website of the State Duma of the Russian Federation (date of treatment 06/30/2021).

5. Federal Law of 08.05.1994 № 3-FZ «On the status of a senator of the Russian Federation and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» (as amended on 22.12.2020) // Collected Legislation of the Russian Federation. 1994. № 2. Art. 74.

6. Grigorieva E.A. Commentary on the Federal Law of May 08, 1994 № 3-FZ «On the status of a member of the Federation Council and the status of a deputy of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation» (itemized) / E.A. Grigorieva; Ed. N.I. Vorobyova. Access from the reference legal system «ConsultantPlus» (date of application 20.05.2021).

7. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of March 23, 1995 № 1-P «In the case of the interpretation of part 4 of Article 105 and Article 106 of the Constitution of the Russian Federation» // Collected Legislation of the Russian Federation of March 27, 1995. № 13. Art. 1207.

Григолия Гурам Львович
адъюнкт кафедры уголовного процесса,
Краснодарский университет МВД России
guram770@gmail.com

Guram L. Grigoriya
Associate Professor of the Department
of Criminal Procedure
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
guram770@gmail.com

ИНСТИТУТ НЕОТЛОЖНЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

INSTITUTE OF URGENT INVESTIGATIVE ACTIONS: CURRENT STATE AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Аннотация. Выявлено, что понятие «неотложные следственные действия», данное в п. 19 ст. 5 УПК РФ, не в полной мере соответствует общим положениям УПК РФ. Предложены варианты формулирования корректной дефиниции; выяснено, что УПК РФ не закрепляет перечень неотложных следственных действий, что обусловило обоснование авторского видения устранения данного пробела. Раскрыта сущность исследуемого института в контексте структурирования его важнейших признаков: направленность на поиск, выявление и изъятие (процессуальная фиксация) следов уголовного правонарушения, которые, вероятно, быстро исчезнут, если не принять экстренные меры; проанализированы существующие темпоральные сложности процессуального характера, которые нуждаются в модификации.

Annotation. It is revealed that the notion of the urgent investigative actions in paragraph 19 of article 5 of the code of criminal procedure, is not fully consistent with the General provisions of the code of criminal procedure. Variants of the correct definition are proposed; it is found that the code of criminal procedure does not fix the list of urgent investigative actions, which led to the justification of the author's vision of eliminating this gap. The essence of the institution under study is revealed in the context of structuring its most important features: the focus on searching, identifying and removing (procedural fixation) traces of a criminal offense, which are likely to disappear quickly if emergency measures are not taken; the existing temporal complexities of a procedural nature that need modification are analyzed.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс, правонарушение, неотложные следственные действия, следственный судья.

Keywords: urgent investigative actions, criminal procedure code, offense, investigative judge.

Раскрывая назначение неотложных следственных действий, мы акцентируем свое внимание на том, что оно состоит в обнаружении лица, совершившего преступление, т.е., непосредственно на максимально быстрое раскрытие преступления. Как показывает статистика состояния преступности на официальном сайте МВД Российской Федерации, в январе – сентябре 2020 г. зарегистрировано 1490,9 тыс. преступлений. Из них 564,3 тыс. преступлений остались нераскрытыми в связи с неустановлением лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого [4], а данная цифра составляет более чем треть от общего количества зарегистрированных преступлений, что является показателем недостаточной эффективности функционирования института неотложных следственных действий.

Можно сказать, что в результате пренебрежения регламентами и спецификой производства неотложных следственных действий, большое количество преступлений остается нераскрытым из-за несогласованности всех субъектов данного правового института. При этом важно понимать необходимость, с одной стороны, применения всех возможных и допустимых мер для раскрытия уголовного правонарушения, а с другой – соблюдения прав лиц, вовлеченных в уголовное производство, и допущение такого уровня их ограничения, которое является минимально необходимым для достижения поставленных задач.

Орган дознания, в отличие от следователя, имеет больше возможностей для выявления лица, подозреваемого в совершении преступления, поскольку орган дознания – это орган, который сочетает производство неотложных следственных действий с оперативно-разыскной работой.

Основная часть. Понятие «неотложные следственные действия», данное в п. 19 ст. 5 УПК РФ, не в полной мере соответствует положениям УПК РФ [8]. Кроме этого пробела, УПК РФ не закрепляет перечень неотложных следственных действий, однако, в практике выработаны типовые комплексы действий для указанного института. По нашему мнению, для улучшения эффективности функционирования института неотложных следственных действий, законодательство

необходимо проанализировать нормы, регулирующие порядок их проведения и сложившуюся практику их производства, чтобы на основе этого внести соответствующие изменения хотя бы в саму дефиницию неотложных следственных действий.

В отличие от УПК РФ в редакции 2020 года [8], УПК РСФСР в ст. 119 закреплял исчерпывающий перечень неотложных следственных действий: осмотр, обыск, выемка, освидетельствование, задержание и допрос подозреваемых, допрос потерпевших и свидетелей.

Обратимся к мнению практиков и теоретиков уголовного права. М.М. Рамазанов, А.М. Гамидов [5] предлагают понимать неотложные следственные действия как следственные действия, осуществляемые в стадии досудебного расследования уполномоченными на то субъектами уголовного производства, целью которых является предотвращение возможности утраты доказательственной информации по делу, и которые направлены на выявление и фиксацию следов преступления, а также, доказательств, требующих незамедлительного изъятия.

По нашему мнению, можно лишь частично согласиться с предложенным авторами видением цели производства неотложных следственных действий, так как в приведенном определении не конкретизировано, чем именно должна быть обусловлена потребность «немедленного изъятия доказательств». А.В. Уварова считает, что неотложным следует считать любое процессуальное (в том числе, и следственное) действие, промедление с проведением которого в срочном порядке в конкретной следственной ситуации может привести к повреждению, исчезновению или уничтожению следов и потере фактических данных, имеющих значение для производства [7, с. 180].

Таким образом, авторы допускают, что неотложным может быть любое следственное действие, и это обусловлено конкретной следственной ситуацией. Такой подход к пониманию сущности неотложных следственных действий можно считать слишком «широким», поскольку не берется в расчет законодательная конкретизация (предусмотрел ли законодатель особое правило/исключение, или не предусмотрел).

Следующим важным признаком мы предлагаем считать установление законодателем особенностей порядка принятия решения и производства отдельных следственных действий. Такие особенности законодательного регулирования можно разделить на две группы. К первой следует отнести особенности порядка производства обыска и осмотра в жилище и ином владении лица, осмотра места происшествия, наблюдения за лицом, вещью или местом в исключительных неотложных случаях. Ко второй группе следует отнести возможность производства неотложных следственных действий следователем в уголовном судопроизводстве, которое ему неподследственно, что влечет за собой особый режим

досудебного расследования в условиях военного, чрезвычайного положения или в районе проведения антитеррористической операции.

Стоит отметить, что п. 19 ст. 5 УПК РФ и ч. 1 ст. 157 УПК РФ противоречат по своему содержанию правилу, закрепленному в ч. 5 ст. 152 УПК РФ, по которому неотложные следственные действия могут осуществлять и следователи [8]. Так, следователь, дознаватель вправе производить неотложные следственные действия только в том случае, если в ходе расследования уже возбужденного уголовного дела будет установлено, что данное дело ему неподследственно. Данное правило необходимо для закрепления следов преступления, после чего, следователь направляет уголовное дело руководителю следственного органа для решения вопроса о его передаче по подследственности в дознание.

В связи с этим, мы предлагаем п. 19 ст. 5 УПК РФ дополнить следующим положением: «неотложные следственные действия – действия ... также, осуществляемые следователями после возбуждения уголовного дела, по которому обязательно производство дознания». После проведения неотложных следственных действий уголовное дело направляется по критерию подследственности. При этом орган дознания может производить по нему последующие следственные действия и оперативно-разыскные мероприятия только по поручению следователя.

Касательно сроков, регламентирующих порядок неотложных следственных действий, также существуют спорные моменты. Г.И. Загорский, приводя классификацию процессуальных сроков, выделяет сроки-периоды и сроки-моменты. Последние, по его мнению, «устанавливают в случаях, если для выполнения задач уголовного производства необходимо максимально быстро принять процессуальное решение, совершить процессуальное действие или совокупность процессуальных действий с соблюдением определенной законом последовательности их осуществления», в частности, путем указания на необходимость осуществления процессуального действия после совершения иного процессуального действия или после наступления указанного в законе события» [2, с. 248].

Не менее актуален для современного института неотложных следственных действий вопрос о том, каким образом можно установить соблюдение следователем, дознавателем требования «неотложного» обращения? Во-первых, следует исходить из семантического значения оценочного понятия «неотложный»: такого, который нельзя откладывать; который надо осуществлять, решать немедленно».

Е.В. Токарева, В.С. Хоршева и С.Г. Еремин, проанализировав случаи использования в процессуальном законе категории «безотлагательно», пришли к выводу о том, что по своей семантической сути, возможны различные трактовки и интерпретации данного концепта; в частности, данный временной термин для процессуального решения может быть довольно расплывчат в

некоторых ситуациях, а иногда, для реализации положений УПК, требуются сроки меньшие, чем 24 часа. Таким образом, до внесения соответствующих изменений в процессуальный закон понятие «безотлагательно» следует квалифицировать как оценочную темпоральную категорию и устанавливать ее, исходя из ситуативных обстоятельств.

Установление факта соблюдения требования неотложности может осуществляться аналогично установлению уважительности причин пропуска срока, который в настоящее время имеет место в большинстве случаев. В таком случае, следовательно, дознаватель должен доказать факт обращения при первой же возможности. Полагаем, в контексте рассмотрения порядка проведения неотложных следственных действий, важно вспомнить о том, что в РФ до сих пор продолжаются дискуссии о необходимости введения в юридическое поле должности «следственный судья». Как отмечают Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов, Р.Г. Бикмиев и другие авторы [9], это значительно упростило бы контроль за правомерностью и обоснованностью неотложных следственных действий. Мы согласны с мнением советника Конституционного Суда РФ, доктора юридических наук, профессора А.В. Смирнова, который высказал свою точку зрения по данному поводу: «Следственный судья должен определяться как судья первой инстанции, действующий в пределах полномочий, предусмотренных УПК на стадии возбуждения уголовного дела и предварительного расследования, и не участвующий в рассмотрении уголовных дел по существу, в пересмотре судебных решений в апелляционном, кассационном, надзорном порядке или ввиду новых или вновь открывшихся обстоятельств. По делам, отнесенным к его подсудности, он осуществляет правосудие в форме судебного контроля за соблюдением конституционных прав личности, наличием законных оснований для передачи уголовного дела в суд, а также оказывает сторонам содействие в собирании судебных доказательств путем проведения судебных следственных действий» [10].

По нашему мнению, именно «следственный судья» принимал бы во внимание уважительность причин, обусловивших ту или иную продолжительность срока обращения, учитывая:

- необходимость завершения действий, связанных с надлежащим документированием неотложного следственного действия (например, осмотра изъятого имущества);
- фактическую возможность следователя или прокурора подготовить соответствующее ходатайство (привлечение к проведению других неотложных мероприятий, владение необходимым количеством информации и т.п.).

При этом, по нашему мнению, предмет доказывания при рассмотрении ходатайств об обыске *postfactum* гораздо шире, чем современная его трактовка в связи с тем, что необходимо дополнительно доказать:

- 1) наличие оснований для проникновения в жилище или иное владение лица без определения судьи;
- 2) соответствие объема проведения обыска «неотложной» цели;
- 3) соблюдение требования безотлагательного обращения с ходатайством.

Поэтому, по нашему убеждению, судья должен исследовать соблюдение требования неотложного обращения, отказывая в удовлетворении ходатайства в случае установления несоответствия ему срока обращения. Такое решение ходатайств, поданных *postfactum*:

- во-первых, будет служить действенным средством судебного реагирования на возможные злоупотребления со стороны дознавателя или следователя;
- во-вторых, обеспечит реальное воплощение закрепленной обязанности дознавателя, следователя безотлагательно компенсировать отсутствие судебного контроля во время вмешательства в право лица на неприкосновенность жилища или другого владения в неотложных случаях.

На основании изложенного, можно сделать следующие основные выводы:

1. В результате пренебрежения установления адекватных и прозрачных регламентов, связанных со спецификой производства неотложных следственных действий, большое количество преступлений остается нераскрытыми. При решении вопроса о правовой сущности неотложных следственных действий следует начать с такого важнейшего их признака, как направленность на поиск, выявление и изъятие (процессуальная фиксация) следов уголовного правонарушения, которые, вероятно, быстро исчезнут, если не принять экстренные меры.

2. Поскольку система неотложных следственных действий не структурирована в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, считаем необходимым сформировать и утвердить минимальный перечень неотложных следственных действий. При этом целесообразно включить в него ситуации, касающиеся:

- неотложной судебной экспертизы (ее назначения и проведения);
- осмотра и допроса предполагаемого преступника, потерпевших лиц и имеющих свидетелей;
- обыска и выемки (включая проникновение в жилые помещения и выемку личных вещей);
- освидетельствования.

3. При определении неотложных следственных действий всегда необходимо разграничивать их уголовный, процессуальный и криминалистический аспекты и тогда весь спектр следственных действий, которые не закреплены законодателем в перечне, по своей сущности, будет вторичным по двум причинам:

– во-первых, такие действия будут проводиться после получения определенной информации, которой необходима конкретизация;

– во-вторых, учитывая время их проведения, они будут производиться после проведения первичных «срочных» действий.

4. Предмет доказывания при рассмотрении ходатайств об обыске *postfactum* гораздо шире, чем современная его трактовка в связи с тем, что необходимо дополнительно доказать:

Литература:

1. *Гаджиев Т.М.* Следственные действия, обеспечивающие незамедлительное обнаружение, закрепление, изъятие и исследование доказательств : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2009. 200 с.

2. *Загорский Г.И.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). М. : БЕК, 2016. 380 с.

3. Кассационное определение Московского городского суда от 27.12.2010 по делу № 2216337. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2216337/> (дата обращения 23.10.2020).

4. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: «Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – сентябрь 2020 года». URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21551069/> (дата обращения 22.10.2020).

5. *Рамазанов М.М.* К вопросу о неотложных следственных действиях / М.М. Рамазанов, А.М. Гамидов // Закон и право. 2019. №. 7. С. 98–103.

6. *Токарева Е.В.* Неотложные следственные действия: современное состояние и тенденции развития уголовно-процессуальных норм, регламентирующих их производство / Е.В. Токарева, В.С. Хоршева, С.Г. Еремин // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. №. 1. С. 145–153.

7. *Уварова А.В.* Пробелы законодательства при определении категории «неотложные следственные действия» в аспекте реализации методики расследования преступлений «по горячим следам» / А.В. Уварова // Вестник науки. 2019. Т. 1. №. 12. С. 176–180.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Российская газета. № 249. 2001.

9. *Шарифуллин Р.А.* Проблемы и перспективы создания института следственного судьи в уголовном процессе России / Р.А. Шарифуллин, Р.С. Бурганов, Р.Г. Бикмиев // Мировой судья. 2020. №. 5. С. 16–21.

10. *Гусева М.П.* Следственные судьи как гарант принципа состязательности на стадии предварительного расследования / М.П. Гусева // Вестник науки. 2019. Т. 1. №. 10. С. 53–55.

– наличие оснований для проникновения в жилище или иное владение лица без определения судьи;

– соответствие объема проведения обыска «неотложной» цели;

– соблюдение требования безотлагательного обращения с ходатайством.

Literature:

1. *Gadzhiev T.M.* Investigative actions that ensure immediate detection, consolidation, withdrawal and investigation of evidence : dis. ... cand. the faculty of law. Sciences. Makhachkala, 2009. 200 p.

2. *Zagorsky G.I.* Comment to the Criminal procedure code of the Russian Federation (article-by-article). M. : BEK, 2016. 380 p.

3. Cassation ruling of the Moscow city court of 27.12.2010 in case № 2216337. URL : <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2216337/> (date of application 23.10.2020).

4. Official website of the Ministry of internal Affairs of the Russian Federation: «A brief description of the state of crime in the Russian Federation in January - September 2020». URL : <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21551069/> (date of application 22.10.2020).

5. *Ramazanov M.M.* On urgent investigative actions / M.M. Ramazanov, A.M. Gamidov // Law and law. 2019. №. 7. P. 98–103.

6. *Tokareva E.V.* Urgent investigative actions: the current state and trends in the development of criminal procedure norms regulating their production / E.V. Tokareva, V.S. Khorsheva, S.G. Eremin // Bulletin of the Volgograd Academy of the MIA of Russia. 2020. №. 1. P. 145–153.

7. *Uvarov A.V.* loopholes in the definition of «immediate investigation» in the aspect of realization of a technique of investigation of crimes of «hot pursuit» / A.V. Uvarov // journal of science. 2019. Vol. 1. № 12. P. 176–180.

8. Criminal procedure code of the Russian Federation №174-FZ of December 18, 2001 (as amended on 31.07.2020) // Russian newspaper. № 249.2001.

9. *Sharifullin R.A.* Problems and prospects of creating the institution of an investigative judge in the criminal process of Russia / R.A. Sharifullin, R.S. Burganov, R.G. Bikmiev // Magistrate judge. 2020. № 5. P. 16–21.

10. *Guseva M.P.* Investigative judges as a guarantor of the adversarial principle at the stage of preliminary investigation / M.P. Guseva // Bulletin of science. 2019. Vol. 1. № 10. P. 53–55.

Данильян Элина Сергеевна

кандидат юридических наук,
доцент,
начальник кафедры криминалистики,
Краснодарский университет МВД России
foxelina@mail.ru

Науменко Оксана Александровна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры криминалистики,
Краснодарский университет
МВД России
kseny@mail.ru

Elina S. Danilyan

Master of Law,
Assistant Professor,
Head of the Chair of Criminalistics
of the Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia
foxelina@mail.ru

Oxana A. Naumenko

Master of Law,
Assistant Professor
Associate Professor of the Department
of Forensic Science,
Krasnodar University of the Ministry
of the Interior of Russia
kseny@mail.ru

**О ПРОВЕДЕНИИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ
ПРОВЕРКИ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ
В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Аннотация. Раскрытие и расследование преступлений в сфере экономической деятельности представляет достаточно сложную задачу, поскольку при получении первоначальной информации следователю трудно определить наличие состава преступления и выявить лиц, причастных к совершению данного преступления. В настоящей статье рассматривается цель предварительной проверки, ее проведение по преступлениям в сфере экономической деятельности, содержание объяснения потерпевшего и свидетелей по делам данной категории, содержание материала предварительной проверки по преступлениям в сфере экономической деятельности.

Ключевые слова: преступление, сфера, экономическая деятельность, проверка, следователь, оперуполномоченный, практика, цель, анализ, уголовное дело.

Раскрытие и расследование преступлений в сфере экономической деятельности представляет достаточно сложную задачу, поскольку при получении первоначальной информации следователю трудно определить наличие состава преступления и выявить лиц, причастных к совершению данного преступления.

В результате изучения следственной практики мы пришли к выводу о том, что о признаках совершенного преступления становится известно, спустя продолжительное время. При исследовании архивных уголовных дел в сфере экономической деятельности нами была установлена одна основная причина латентности данных преступлений: потерпевшие пытались решить свои

**ABOUT CARRYING OUT
OF PRELIMINARY CHECK ON CRIMES
IN ECONOMIC ACTIVITIES SPHERE**

Annotation. Disclosure and investigation of crimes in the field of economic activity is quite a difficult task, since when obtaining initial information, it is difficult for the investigator to determine the existence of a crime and identify persons involved in the commission of this crime. The purpose of preliminary check, its carrying out on crimes in economic activities sphere, the maintenance of an explanation of the victim and witnesses on affairs of the given category, the maintenance of a material of preliminary check on crimes in economic activities sphere are considered in the present article.

Keywords: Crime, sphere, economic activities, check, the investigator, the operative representative, practice, the purpose, the analysis, criminal case.

проблемы самостоятельно, при этом в правоохранительные органы не обращались, не доверяя им, боясь разглашения какой-либо информации и т.п. Данное обстоятельство затрудняет решение вопроса о возврате предмета преступного посягательства законному владельцу, а также – осуществление розыска подозреваемого лица. Своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела по данным фактам необходимо для принятия мер по недопущению совершения в дальнейшем других преступлений с данным имуществом.

«Предварительная проверка должна проводиться с максимальной осторожностью. Это объясняется тем, что обычно осведомленность

заинтересованных лиц о начавшейся проверке неблагоприятно влияет на ее исход... На этой стадии уголовного процесса следователь не располагает арсеналом необходимых средств. Поэтому для получения сведений должностные лица и граждане могут приглашаться лишь в тех случаях, когда иным путем нельзя собрать достаточные данные, необходимые для обоснованного решения вопроса о возбуждении уголовного дела» [4].

Целью предварительной проверки является установление признаков преступления. Именно установление признаков преступления свидетельствует о наличии оснований для возбуждения уголовного дела и проведения предварительного расследования. Своевременное и обоснованное возбуждение уголовного дела имеет огромное значение для процесса расследования и установления истины. Доследственную проверку по сообщениям о преступлениях в сфере экономической деятельности рекомендуется проводить обязательно, так как именно на этой стадии должен быть решен вопрос о наличии либо отсутствия события преступления. Возбуждению уголовного дела предшествует появление надлежащего повода и основания. Под поводом для возбуждения уголовного дела понимаются источники первичных сведений о событии, имеющем признаки преступления [1].

Анализ следственной практики показал, что, в большинстве случаев, поводами, все же, являются сообщения о совершенном или готовящемся преступлении, которые оформляются рапортом об обнаружении признаков преступления, чуть реже – постановлением прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании. Такой повод, как явка с повинной, по данной категории преступлений не встречался. Основным источником информации о совершенном преступлении в сфере экономической деятельности – это граждане, которые пострадали от действий преступников. Первоначальную информацию о совершенном преступлении можно получить именно от них. При принятии решения о возбуждении уголовного дела следователь, фактически, должен выяснить, какой вред был причинен преступлением, причем, данный вред должен быть существенным. Далее, следователь должен также определить, что деяние, совершенное подозреваемыми лицами, прямо запрещено уголовным законодательством, а не гражданско-правовыми отношениями [5].

При проведении проверки заявления следователю (дознавателю, оперуполномоченному) необходимо обратиться к специалисту – лицу, которое обладает специальными знаниями. Данное лицо в ходе доследственной проверки не проводит исследований документов либо предметов, а дает консультации следователю (дознавателю, оперуполномоченному), которые способствуют решению задач предварительной проверки сообщения. Вопросы, которые задает следователь специалисту, не должны раскрывать сущности проводимой проверки. При проведении проверки

следователь должен обязательно привлечь и специалиста для установления признаков подделки документов. Специалист может также решить и идентификационные задачи, например, установить лицо, выполнившее подпись или рукописный текст, установить подлинность оттиска штампа или печати.

При проведении предварительной проверки объяснения лиц, которые понесли ущерб от противоправных действий, должны содержать сведения, после оценки которых, в совокупности с другими сведениями следователь (дознаватель, оперативный сотрудник) сделает правильный выбор об их достаточности для принятия законного и обоснованного решения. В объяснениях потенциальных потерпевших должны содержаться следующие сведения:

- о принадлежности предмета преступного посягательства;
- полные данные о предмете посягательства; о стоимости предмета посягательства;
- о размере ущерба, причиненного потерпевшему; о том, в чем конкретно состоит ущерб;
- о документах, подтверждающих право собственности на предмет посягательства (если таковые имеются);
- о действиях, которые были предприняты преступником;
- о том, в чем выражался обман либо злоупотребление доверием;
- о времени, месте, обстоятельствах, при которых были совершены противоправные действия с предметом посягательства;
- об очевидцах произошедшего, о подозреваемом лице, о его местонахождении, о том, в каких отношениях состоят между собой потерпевший и злоумышленник, какие документы составлялись между ним и потерпевшим (договоры, доверенности, расписки и др.), о месте составления указанных документов;
- о том, как производился расчет между сторонами, в какой валюте, каким достоинством были купюры;
- о времени и месте расчета, о лицах, присутствовавших при расчете, и документах, которые составлялись по факту расчета;
- о последствиях, которые имели место после совершения преступления.

Свидетелям-очевидцам рекомендуется задавать следующие вопросы:

В каких отношениях они находятся с участниками произошедшего события?

Знакомы ли они с лицами, совершившими преступное посягательство, в каких отношениях с ними состоят?

Какое событие они наблюдали, были участниками, какова именно их роль в данном событии?

От кого им стало известно о совершенном преступлении?

Потерпевшему, свидетелю необходимо задавать и другие вопросы, в которых возникнет необходимость для установления всех обстоятельств произошедшего события.

Материал предварительной проверки должен быть тщательно изучен следователем, при этом он должен уделить особое внимание наличию достаточных данных, указывающих на признаки противоправного деяния, при установлении которых следователь принимает решение о возбуждении уголовного дела. На этапе возбуждения уголовного дела следователю необходимо:

- проанализировать весь собранный материал с целью установления оснований к возбуждению уголовного дела либо к его отказу;

- проверить законность данного материала;

- предварительно квалифицировать действия виновных лиц.

Материал предварительной проверки по преступлениям в сфере экономической деятельности должен содержать следующие данные:

- о действиях в отношении предмета посягательства, которые носят противоправный характер;

- о действиях в отношении предмета посягательства, совершенных из корыстных побуждений: получение материальной выгоды (денежные средства, акции, ценные бумаги, приобретение права собственности на какое-либо имущество и др.), продвижение по карьерной лестнице (в случае причастности к совершению данного преступления должностного лица и др.);

- о предмете преступного посягательства или праве собственности на него, а также о денежных средствах, обращенных в пользу виновного лица либо других лиц;

- о причиненном ущербе;

- о собственнике данного объекта недвижимости (физическое лицо, организация, государство – Российская Федерация либо муниципалитет);

- о характере и размере причиненного ущерба (ущерб следует исчислять только в денежном эквиваленте и только в отечественной валюте);

- о способе совершения преступления (обман, злоупотребление доверием и др.);

- об умысле (действия должны быть совершены с прямым умыслом) и др.

Материал доследственной проверки, поступивший либо находящийся у следователя, может содержать следующие документы, позволяющие принять законное и обоснованное решение по

преступлениям в сфере экономической деятельности:

1. Заявление лица о совершенном преступлении (либо рапорт сотрудника полиции или сообщение от государственных органов о совершенном или готовящемся преступлении).

2. Протокол осмотра места происшествия.

3. Объяснения заявителя, свидетелей.

4. Объяснения заподозренных лиц (в случае, если местонахождение таковых установлено).

5. Документы о предмете преступного посягательства (если таковые имеются).

6. Постановление о назначении судебной экспертизы и заключения эксперта (в случае, если была назначена экспертиза).

7. Объяснение привлекаемого специалиста.

8. Иные документы и предметы.

На этапе возбуждения уголовного дела, после анализа материала проведенной проверки, следователь выдвигает общие версии:

- 1) преступление имело место быть (в этом случае уголовное дело может быть возбуждено);

- 2) «преступления не было» (следователем принимается решение об отказе в возбуждении уголовного дела).

На данном этапе следователь выдвигает и частные версии относительно субъекта преступления и способов его совершения.

Нами проведено анкетирование следователей по вопросу: «Как следователю возбуждать уголовное дело по преступлениям в сфере экономической деятельности: в отношении конкретного лица либо по факту совершенного преступления?». На данный вопрос 52% опрошенных ответили, что необходимо возбуждать в отношении конкретного лица, если имеются все признаки преступления, остальная часть ответила, что все зависит от конкретных обстоятельств произошедшего события, от того, какая судебно-следственная практика сложилась в данном районе, какой информацией обладает следователь на момент принятия решения о возбуждении уголовного дела. Авторы придерживаются мнения второй части опрошенных сотрудников. Проанализировав мнения следователей, изучив уголовные дела, мы приходим к выводу о том, что решение по факту совершенного преступления необходимо принимать объективно, основываясь на установленных обстоятельствах совершенного преступления.

Гарантией качественного и всестороннего проведения расследования является производство расследования с соблюдением перечня обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ). В связи с этим, приобретает значимость разработка перечня обстоятельств, подлежащих

доказыванию (установлению), применительно к отдельным категориям преступлений. Базирующийся на фундаменте совокупности обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, и конкретизированный признаками конкретного состава (группы) преступлений, данный перечень придает расследованию системный и целенаправленный характер [3]. А.Г. Филиппов отмечает, что обстоятельства, подлежащие доказыванию (установлению) по уголовному делу, – не есть простое механическое сочетание общего предмета доказывания, установленного ст. 73 УПК РФ, и диспозиции соответствующих статей уголовного кодекса [2]. Вследствие особенностей определенной категории преступлений, нередко случается, что в данный перечень включаются не только обстоятельства, непосредственно подлежащие доказыванию, согласно требованиям ст. 73 УПК РФ. Важное значение порой имеют также и обстоятельства, установление которых носит, хотя и промежуточный характер для доказывания, однако, выступает важной предпосылкой, актуализирующей возможность создания неопровержимых доказательств относительно отдельных обстоятельств преступного события. Иными словами, эти факты и обстоятельства имеют важное криминалистическое значение (а потому подлежат установлению), но они прямо не указаны в качестве составляющих элементов предмета доказывания, установленного ст. 73 УПК РФ [2].

При расследовании преступлений в сфере экономической деятельности доказыванию подлежат следующие обстоятельства:

1. Событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления).

Литература:

1. Григорьев В.Н. Возбуждение уголовного дела по новому УПК РФ : учеб. пособие для вузов МВД России. М., 2002. С. 8.
2. Криминалистика : учеб. / Под ред. А.Г. Филиппова. М. : Спарк, 2004. С. 442.
3. Маисянц С.М. Особенности расследования преступлений в сфере земельных правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2011. С. 82.
4. Степанов В.В. Предварительная проверка первичных материалов о преступлениях. Саратов, 1972. С. 80–81.
5. Суров О.А. Расследование мошенничества на рынке недвижимости : метод. рекомендации / О.А. Суров, Д.Л. Гришилова. Красноярск : СибЮИ МВД России, 2011. С. 8.

2. Виновность лица в совершении преступления, форма вины, мотивы.

3. Обстоятельства, характеризующие личность подозреваемого (обвиняемого).

4. Характер и размер вреда, причиненного преступными действиями. В целях объективности, справедливости расследования требуется установить стоимость имущества посредством заключения эксперта (судебно-товароведческая экспертиза).

5. Обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния; обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания.

6. Обстоятельства, смягчающие и (или) отягчающие ответственность.

7. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (к ним относят причины и условия, способствовавшие совершению преступления). Данные обстоятельства выясняются в ходе проведения следственных действий, оперативно-розыскных мероприятий, а также - посредством проведения иных процессуальных действий.

Согласно ч. 2 ст. 158 УПК РФ, следователь, выявив причины и условия, способствовавшие совершению преступления, обязан внести представление в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона.

Literature:

1. Grigoriev V.N. Criminal case excitation on new CCP of the Russian Federation : manual for high schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia. M., 2002. P. 8.
2. Criminalistics : textbook under the editorship of A.G.Filippov. M. : Spark, 2004. P. 442.
3. Maisyants S.M. Features of investigation of crimes in ground legal relations sphere : dis. ... cand. Law sciences. Rostov-on/D., 2011. P. 82.
4. Stepanov V.V. Preliminary check of primary materials about crimes. Saratov, 1972. P. 80–81.
5. Surov O.A. Investigation of swindle in the real estate market : method. recommendations / O.A. Surov, D.L. Grishilova. Krasnoyarsk : SibIL of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2011. P. 8.

Дубницкая Анна Валерьевна
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
dubnitskaya_anna@mail.ru

ПРОБЛЕМА ПРОФИЛАКТИКИ ВИКТИМНОГО И ПРЕСТУПНОГО ПОВЕДЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СТАВШИХ ЖЕРТВАМИ СЕКСУАЛЬНОГО НАСИЛИЯ

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы профилактики преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних. Анализируются девиации поведения несовершеннолетних жертв сексуального насилия, связанные с формированием преступного и виктимного поведения. Проанализированы международно-правовые акты и нормативно-правовые акты российского законодательства в сфере оказания содействия реабилитации жертвам насилия. Предложен ряд конкретных криминологических и виктимологических профилактических рекомендаций и мероприятий на общем и индивидуальном уровнях.

Ключевые слова: преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, последствия сексуального насилия, виктимное поведение, преступное поведение, несовершеннолетние, виктимологическая профилактика, криминологическая профилактика.

В России выросло количество преступлений против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних. В 2019 году на 9,4 % увеличилось число предварительно расследованных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних» [9]. Но это лишь официальные данные, которые не могут полностью отражать масштабов сексуальных посягательств в отношении детей и подростков.

Очевидна необходимость совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних. Так, уполномоченная по правам ребёнка предложила:

- создать реестр «педофилов»;
- ввести уголовную ответственность за хранение детской порнографии без какой-либо цели;

Anna V. Dubnitskaya
Adjunct of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
dubnitskaya_anna@mail.ru

THE PROBLEM OF PREVENTING VICTIMAL AND CRIMINAL BEHAVIOR OF MINORS WHO ARE VICTIMS OF SEXUAL VIOLENCE

Annotation. The article examines the main problems of prevention of crimes against sexual freedom and sexual inviolability of minors. Analyzed are the deviations in the behavior of juvenile victims of sexual violence associated with the formation of criminal and victim behavior. The article analyzes international legal acts and normative legal acts of Russian legislation in the field of assistance in the rehabilitation of victims of violence. A number of specific criminological and victimological preventive recommendations and measures are proposed at the general and individual levels.

Keywords: crimes against sexual freedom and sexual inviolability of minors, consequences of sexual violence, victim behavior, criminal behavior, minors, victimological prevention, criminological prevention.

– ввести бессрочный (пожизненный) административный надзор за лицами, совершившими преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних, освобождёнными из мест лишения свободы с использованием электронных браслетов, а также, запретить им вступать в какой-либо контакт с несовершеннолетними, в том числе, с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [8].

Однако не одно из указанных предложений не получило апробации в координирующих органах государственного управления. Помимо этого, до сих пор не принят Федеральный закон № 388776-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних» [8].

К сожалению, указанные обстоятельства свидетельствуют о том что, государство не в полной мере может защитить детей от лиц, освободившихся их мест лишения свободы, которые ранее привлекались к уголовной ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних. Криминологические исследования Ю.М. Антоняна, С.П. Поздняковой, Г.Б. Дрягина и других авторов показывают, что большинство лиц, совершающих преступление против половой свободы и половой неприкосновенности несовершеннолетних, ранее совершали половое правонарушение, были судимы.

После известия о гибели пропавшей девятилетней девочки Лизы Киселёвой от рук рецидивиста в официальной группе «Лиза Алерт» председатель добровольческого поисково-спасательного отряда Георгий Сергеев сообщил, что большинство преступлений в отношении детей совершают преступники-рецидивисты [10]. В городе Отрадное Ленобласти 21 декабря 2017 г. ранее судимый за действия насильственного характера, в том числе, в отношении несовершеннолетних, 35-летний Александр Георгиевский убил и расчленил четвероклассника [11]. В Рыбинске 18 сентября 2020 г. рецидивист Виталий Молчанов изнасиловал и расчленил двух малолетних девочек [12]. Это лишь малая часть жутких наглядных примеров отсутствия должного контроля и профилактических мероприятий в отношении лиц, ранее судимых за совершение насильственных преступлений.

Введение реестра «педофилов» для осужденных, отслеживание места нахождения и контроль лиц, совершивших преступления против половой неприкосновенности и половой свободы несовершеннолетних с использованием электронных браслетов, назначения пожизненного лишения свободы за преступления против половой неприкосновенности лица в возрасте до 14 лет и иных мер криминологической профилактики, безусловно, помогут обезопасить детей от педофил-рецидивистов. Однако даже страх пожизненного заключения не способен удержать преступников-педофилов от совершения преступлений.

Несовершеннолетние сталкиваются с сексуальными посягательствами не только со стороны незнакомых и знакомых им людей, но и со стороны ближайших кровных родственников, лиц, заменяющих родителей и иных родственников с которыми ребенок вместе проживает или часто с ними общается. «Основная масса педофилов совершает преступления в отношении знакомых детей и несовершеннолетних и 35 % из них отцы, отчимы и другие родственники» [3, с. 26]. Лица, совершающие насильственные преступления сексуального характера, представляют собой крайне неоднородную группу преференциальных и ситуационных преступников, которые не всегда являются педофилами. Педофилия или педофильное расстройство – это психическое расстройство сексуального предпочтения, выражающееся в устойчивой сексуальной тяге к детям, не достигшим возраста половой зрелости. Е.Ю. Антонова, считает, что диагностирование у лица, совершившего преступление сексуальной направленности

в отношении малолетнего (несовершеннолетнего), педофилии, не исключают вменяемости, может либо быть нейтральным обстоятельством, либо учитываться судом в качестве смягчающего обстоятельства [1, с. 870]. Ряд авторов также оправдывают преступников с педофильными расстройствами, настаивают на обязательном применении к ним принудительных мер медицинского характера в качестве самостоятельного вида наказания, а также оказания им квалифицированной помощи. На наш взгляд, наличие или отсутствие педофилии у лица, совершившего преступление сексуального характера, не может учитываться судом в качестве нейтрального или смягчающего обстоятельства. Квалифицированная психиатрическая, педагогическая и психологическая помощь, в большей степени, нужна не преступникам-педофилам, а детям, жертвам сексуальных посягательств.

В зависимости от возраста, индивидуально-психологических особенностей личности, этапа психосексуального развития несовершеннолетнего, а также, условий совершенного сексуального насилия (где и кем совершалось, в какой форме, было ли насилие разовым или продолжалось длительное время) у несовершеннолетних, жертв преступлений сексуального характера, могут отмечаться как кратковременные психоэмоциональные нарушения, так и выраженные пограничные психические расстройства.

Анализ научной литературы, посвященной, проблеме девиаций поведения среди несовершеннолетних жертв сексуального насилия, позволил выделить ряд первичных и отдаленных последствий личностных изменений несовершеннолетних.

Первичные последствия перенесенного насилия варьируются от кратковременных посттравматических стрессовых состояний до возникновения психических расстройств [4, с. 89–98]. Среди ближайших психологических последствий Е.И. Цимбл выделяет следующие поведенческие нарушения:

- немотивированные конфликты со сверстниками;
- агрессивное антиобщественное поведение, вандализм;
- аутоагрессивное поведение (нанесение самоповреждений, употребление психоактивных веществ, суицидальные действия);
- обвинение родителя-ненасильника в предательстве, отвержение его [7, с. 81].

К отдаленным последствиям личностных изменений у жертв половых преступлений относятся риски развития ряда психосоциальных проблем – наркотической и алкогольной зависимости, попыток самоубийства, глубоких депрессивных нарушений, девиантное сексуальное поведение [6, с. 33–38]. «Отдаленные последствия перенесенного в детстве сексуального насилия развиваются через несколько лет и могут сохраняться как в подростковом, так и в зрелом возрасте» [7, с. 83].

Указанный спектр первичных и отдаленных личностных изменений не является исчерпывающим и затрагивает лишь малую часть последствий перенесенного сексуального насилия. Большинство последствий влияют на личностные изменения, которые связаны с криминализацией или виктимизацией жертв половых преступлений.

В структуре факторов, формирующих преступное поведение, большое значение имеет такой фактор, как сексуальное насилие. Перенесенный опыт сексуального насилия или сексуальной эксплуатации напрямую коррелируется с формированием сексуализированного поведения (несоответствующие возрасту ребенка поведение, которое выражается в широком диапазоне сексуальных знаний и проявлений). «Сексуализированное поведение у подростков включает:

- сексуальное преследование сверстников;
- вовлечение в сексуально окрашенные разговоры и игры других детей;
- несоответствующая возрасту осведомленность о сексуальных отношениях;
- сексуально-провоцирующее поведение;
- частая смена половых партнеров, предложение сексуальных услуг» [14, с. 57].

Некоторые из указанных действий являются преступными, однако, в силу возрастных особенностей, они могут оставаться безнаказанными. Помимо этого, перенесенный травматический опыт сексуального насилия или эксплуатации в детстве может способствовать формированию сексуальных девиаций в препубертатном или раннем пубертатном возрасте, но и у взрослых лиц. В большинстве криминологических исследований в архетип формирования личности преступника-педофила включен фактор перенесенного сексуального насилия, иными словами, насильники сами были их жертвами [5, с. 41]. Следует также отметить, что перенесенное сексуальное насилие может повлиять на формирование мотивации совершения преступления в отношении насильника. Так, широкий резонанс в средствах массовой информации вызвало дело сестер Хачатурян. В 2018 году сестры Кристина, Ангелина и Мария Хачатурян убили своего отца Михаила Хачатуряна, девушки были подвержены продолжительному домашнему насилию и принуждениям к сексуальным действиям со стороны отца, следователи назвали мотивом убийства «противоправные насильственные действия со стороны отца» [13]. Рассмотренные примеры возникновения преступного поведения у несовершеннолетних жертв половых преступлений показывают, что сексуальное насилие или сексуальная эксплуатация детей и подростков – это криминологически значимый фактор формирования преступного поведения.

Следует также отметить, что поведение несовершеннолетних, ставших жертвами сексуального насилия, может быть как преступным, так и виктимным. Виктимное поведение проявляется в том, что несовершеннолетние жертвы

сексуального насилия нередко повторно подвергаются сексуальным нападениям, а в более взрослом возрасте страдают от домашнего насилия со стороны своих сожителей или супругов. У жертв сексуального насилия виктимные качества (беспомощность, неумение жертвы насилия вести себя адекватно ситуации) остаются на протяжении всей жизни [7, с. 85]. Кроме того, жертвы сексуального насилия, зачастую, наиболее предрасположены к злоупотреблению психоактивными веществами, занятию проституцией.

Таким образом, несовершеннолетние, ставшие жертвами сексуального насилия или сексуальной эксплуатации, получают травматичный опыт, который затрагивает негативные ближайшие и отдаленные поведенческо-личностные изменения, которые оказывают влияние на их криминализацию и (или) виктимизацию. Помимо этого, у жертв половых преступлений возрастает риск развития ряда психосоциальных проблем – наркотической и алкогольной зависимости, попыток самоубийства, глубоких депрессивных нарушений [6, с. 35]. В связи с этим, пострадавшие от сексуальных посягательств несовершеннолетние, обладают наибольшей предрасположенностью к формированию виктимогенных и криминогенных личностных девиаций и нуждаются в комплексной медицинской, психолого-педагогической помощи.

В 2013 году в Российской Федерации ратифицирована Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений [1]. Основными целями Конвенции являются:

- предотвращение сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в отношении детей и борьба с ними;
- защита прав детей – жертв сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений;
- развитие национального и международного сотрудничества в борьбе с сексуальной эксплуатацией и сексуальными злоупотреблениями в отношении детей.

В документе под категорией «ребенок» рассматривается любое лицо в возрасте до 18 лет. После ратификации Конвенции Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений в Российской Федерации большинство норм Конвенции были имплементированы в российское законодательство.

В соответствии с действующим уголовным законодательством Российской Федерации, сексуальные злоупотребления в отношении несовершеннолетних относятся к составам преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности, а именно:

- изнасилование несовершеннолетней (п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ);
- насильственные действия сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (ей) (п. «а» ч. 3 ст. 132 УК РФ);

– понуждение к действиям сексуального характера в отношении несовершеннолетнего (ей) (ч. 2 ст. 133 УК РФ) и др.

Сексуальная эксплуатация несовершеннолетних в контексте уголовно-правовой охраны может рассматриваться в контексте преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (вовлечение в занятие проституцией несовершеннолетнего (ч. 3 ст. 240 УК РФ), получение сексуальных услуг несовершеннолетнего (ст. 240.1 УК РФ), использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов (ст. 242.2 УК РФ) и др.). Указанные насильственные преступления в отношении несовершеннолетних совершаются помимо воли лица путем различных умышленных действий: половое сношение или иные действия сексуального характера, понуждение, развратные действия. Сексуальному насилию и сексуальной эксплуатации может сопутствовать физическое и (или) психологическое насилие, которые применяются для насильственного подавления воли жертвы к сопротивлению и являются дополнительными факторами виктимизации и криминализации несовершеннолетних.

Большинство вышеупомянутых преступлений в отношении несовершеннолетних обладают высокой латентностью, поскольку многие дети не понимают преступного характера совершаемых над ними действий и не решаются об этом рассказать. «Признаки преступлений, связанные с сексуальным насилием и эксплуатацией, чаще всего, обнаруживаются родителями, родственниками, педагогами и другими специалистами или близкими людьми, которые обращают внимание на необычное поведение ребенка, образование на теле ребенка телесных повреждений, в том числе, характерных для сексуальных действий с ним, появление у него предметов, денег, вещей, продуктов, происхождение которых он не хочет или не может объяснить, появление в гаджетах, которыми пользуется ребенок, подозрительных контактов, изображений, ссылок на сайты и т.п.» [14, с. 61]. В соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством, при проведении допроса несовершеннолетних свидетелей и потерпевших следователь обязан привлечь психолога для минимизирования вреда, который влияет на психологическое состояние ребенка. Однако даже присутствие специалиста в процессе проведения следственных действий, дальнейшего расследования уголовного дела и рассмотрения его в суде не может гарантировать исключение вторичной виктимизации несовершеннолетнего. Несмотря на оказанные государством меры поддержки несовершеннолетних в ходе проведения следственных и процессуальных действий, несовершеннолетние жертвы насилия не в полной мере получают комплексную психологическую помощь. После завершения судебного процесса дальнейшее оказание несовершеннолетним жертвам сексуального насилия квалифицированной психологической помощи является необязательной, помощь детям оказывается по желанию родителей или их законных представителей.

К сожалению, многие родители наивно полагают, что их дети не нуждаются в помощи психолога или психотерапевта, даже в случае, перенесенного ребенком сексуального насилия. Родители или законные представители считают, что время лечит, что их ребенок сам способен самостоятельно справиться с полученным травматичным опытом перенесенного насилия. Так, несовершеннолетняя Н. находится на учете в подразделении по делам несовершеннолетних (далее ПДН) в городе Краснодаре за пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Она периодически выкладывает в социальную сеть «ТикТок» короткие видеоролики, на которых она со своей подругой целуется и делится протвеестественными однополым влечениям друг к другу. Из разговора с сотрудником стало известно, что несовершеннолетняя Н. подвергалась сексуальному насилию со стороны отчима, в дальнейшем Н. вместе с матерью и братом приехали из города Омска в Краснодар. Девочка не работала с психологом или психиатром. Мать считает, что ее ребенок не нуждается в психологической помощи, но когда возникли проблемы с дочерью, просит инспектора ПДН забрать Н., потому что она никак не может повлиять на дочь и устала от нее. В этом примере наглядно показаны последствия отсутствия своевременной помощи ребенку, пострадавшему от педофилии. Данной семье обязательно необходима помощь психолога или психотерапевта и самой жертве, и матери.

Оказание психологической помощи несовершеннолетним жертвам сексуального насилия является актуальным направлением криминологической и виктимологической профилактики. Важность реабилитации жертв насилия подчеркивается в ст. 39 Конвенции о правах ребенка. Так, государства-участники должны принимать необходимые меры для того, чтобы содействовать физическому, психологическому восстановлению и социальной реинтеграции детей, ставших жертвами жестокого обращения, пренебрежения, эксплуатации, пыток или любых других жестоких, бесчеловечных, унижающих достоинство видов обращения. В действующих нормативно-правовых актах Российской Федерации отсутствует закрепление обязательной психологической помощи детям – жертвам насилия и их реабилитации. В соответствии со п. 1 п. 2 ст. 11 Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав (далее КПН и ЗП) обеспечивают осуществление мер по защите и восстановлению прав и законных интересов несовершеннолетних, защите их от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлению и устранению причин и условий, способствующих безнадзорности, беспризорности, правонарушениям и антиобщественным действиям несовершеннолетних. Однако даже на оказание психологической помощи детям, жертвам сексуального насилия и иных форм жестокого обращения, они повлиять не могут.

Решение об обращении к специалисту за получением квалифицированной психологической помощи для своего ребенка ложится на плечи родителей, которые, в большинстве случаев, не понимают всей важности социально-психологической помощи несовершеннолетним потерпевшим. Реабилитация детей жертв сексуального насилия, иных форм жестокого обращения с ними способствует восстановлению психического здоровья ребенка, а полученная комплексная психолого-педагогическая помощь будет способствовать общей криминологической безопасности несовершеннолетних, которая заключается в профилактике преступного и виктимного поведения.

Подводя итог, отметим, что на настоящий момент времени существует реальная социальная потребность в конкретизации направленности индивидуальной профилактики (фокусировка внимания на конкретную категорию несовершеннолетних, а именно, жертв сексуального насилия и иных форм жестокого обращения с ними). Важнейшим направлением профилактической работы является психологическая помощь, а именно, коррекционно-реабилитационная работа с детьми на бюджетной основе, связи с чем, существует деонтологическая потребность в практике информирования родителей и законных представителей несовершеннолетних органами и учреждениями системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних по следующим направлениям:

1) повышение качества оказываемой помощи детям, пострадавшим от сексуального насилия и иных видов жестокого обращения, преступных посягательств;

Литература:

1. Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (CETS № 201) // СЗ РФ. 2014. № 7. С. 632.
2. Антонова Е.Ю. Педофилия – лечить или наказывать? / Е.Ю. Антонова // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 870.
3. Антонян Ю.М. Педофилия: криминологический диагноз. М., 2010. С. 26.
4. Захарова Н.М. Особенности психических расстройств у пострадавших от преступлений против половой неприкосновенности личности / Н.М. Захарова, А.В. Милехина // Психология и право. 2018. Т. 8. № 4. С. 89–98.
5. Ильюк И.В. Архетип криминального и виктимного поведения / И.В. Ильюк // Виктимология. 2017. № 2(12). С. 41.
6. Каменсков М.Ю. Психические расстройства у несовершеннолетних жертв сексуального насилия / М.Ю. Каменсков, А.А. Ткаченко // Психическое здоровье. 2014. № 11. С. 33–38.

2) необходимости оказания психологической помощи детям, в том числе, при возможных негативных последствиях личностных изменений;

3) ознакомление с учреждениями, центрами и организациями которые оказывают психологическую помощь несовершеннолетним на бюджетной или коммерческой основах;

4) помощь в сборе документов для оказания психологической помощи в центрах и организациях на бюджетной основе;

5) повышение информированности несовершеннолетних и родителей (законных представителей) о способах личной безопасности, ненасильственных формах воспитания и последствиях различных форм насилия в отношении детей, ответственности за действия, направленные против детей, правилах безопасности для детей в Интернет пространстве.

6) повышение профессионализма специалистов, работающих с детьми, пострадавшими от сексуального насилия и иных форм жестокого обращения, преступных посягательств.

Мы полагаем, что обозначенные выше меры не снимают проблему виктимизации поведения несовершеннолетних, ставших жертвами сексуального насилия, однако, обладают общим декриминализирующим потенциалом. На настоящий момент проблема профилактики виктимного и криминального поведения лиц, ставших жертвами сексуального насилия, не находит должного разрешения в силу нехватки компетентных специалистов (доверия к специалистам), неотработанной системы профилактики, а также – существенной бюрократизацией и формализацией подхода к принимаемым мерам.

Literature:

1. Council of Europe Convention on the Protection of Children from Sexual Exploitation and Sexual Abuse (CETS № 201) // SZ RF. 2014. № 7. P. 632.
2. Antonova E.Yu. Pedophilia - treat or punish? / E.Yu. Antonova // All-Russian Criminological Journal. 2018. Vol. 12. № 6. P. 870.
3. Antonyan Yu.M. Pedophilia: criminological diagnosis. M., 2010. P. 26.
4. Zakharova N.M. Features of mental disorders in victims of crimes against sexual inviolability of the individual / N.M. Zakharova, A.V. Milekhina // Psychology and law. 2018. Vol. 8. № 4. P. 89–98.
5. Ilyuk I.V. Archetype of criminal and victim behavior / I.V. Ilyuk // Victimology. 2017. № 2(12). P. 41.
6. Kamenskov M.Yu. Mental disorders in underage victims of sexual violence / M.Yu. Kamenskov, A.A. Tkachenko // Mental health. 2014. № 11. P. 33–38.

7. *Цымбал Е.И.* Жестокое обращение с детьми: причины, проявления, последствия : учеб. пособие. М., 2007. С. 81–85.

8. Доклад о деятельности Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребёнка. URL : <http://deti.gov.ru/documents/reports> (дата обращения 10.03.2021).

9. Официальный сайт Главного информационно-аналитического центра МВД России. URL : https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen/ru (дата обращения 25.09.2020).

10. Сообщение Григория Сергеева в официальной группе добровольческого поисково-спасательного отряда «Лиза Алерт». URL : <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=585902288612365&set=a.100436233825642&type=3&theater> (дата обращения 10.03.2021).

11. В Ленобласти маньяк убил и расчленил четвероклассника, который сопротивлялся его приставаниям. URL : <https://www.spb.kp.ru/daily/26773/3806292/> (дата обращения 10.03.2021).

12. «Их мать ушла от полицейского к маньяку»: кто убил девочек в Рыбинске. URL : <https://ria.ru/20200918/ubiystvo-1577446694.html> (дата обращения 10.03.2021).

13. СК возбудил дело против Михаила Хачатуряна за насилие и побои в отношении дочерей. URL : <https://tass.ru/proisshestviya/10877253> (дата обращения: 10.03.2021).

14. *Русаковой М.М.* Сексуальное насилие и эксплуатация детей: выявление, оказание помощи и профилактика : науч.-метод. пособие / М.М. Русаковой, В.А. Одиноквой; под ред. М. М. Русаковой, В. А. Одиноквой. СПб., 2020. С.57–61.

7. *Tsybmal E.I.* Child abuse: causes, manifestations, consequences : textbook. M., 2007. P. 81–85.

8. Report on the activities of the Commissioner for the Rights of the Child under the President of the Russian Federation. URL : <http://deti.gov.ru/documents/reports> (date of application 10.03.2021).

9. The official website of the Main Information and Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. URL : https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen/ru (date of application 25.09.2020).

10. Grigory Sergeev's message in the official group of the volunteer search and rescue squad «Lisa Alert». URL : <https://www.facebook.com/photo.php?fbid=585902288612365&set=a.100436233825642&type=3&theater> (date of application 10.03.2021).

11. In the Leningrad region, a maniac killed and dismembered a fourth-grader who resisted his harassment. URL : <https://www.spb.kp.ru/daily/26773/3806292/> (date of application 10.03.2021).

12. «Their mother left the policeman for a maniac»: who killed the girls in Rybinsk. URL : <https://ria.ru/20200918/ubiystvo-1577446694.html> (date of application 10.03.2021).

13. The IC initiated a case against Mikhail Khachatryan for violence and beatings against his daughters. URL : <https://tass.ru/proisshestviya/10877253> (date of application 10.03.2021).

14. *Rusakova M.M.* Sexual violence and exploitation of children: identification, assistance and prevention: scientific method. manual / M.M. Rusakova, V.A. Odionokova; Ed. by M.M. Rusakova, V.A. Odionokova. SPb., 2020. P. 57–61.

Ермаков Кирилл Александрович
начальник юридического отдела,
ООО «Терранова»
profadvmos@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ИНТЕРЕСОВ СОБСТВЕННИКОВ В РФ

Аннотация. Институционализация интересов собственников представляет собой интеграцию интересов собственников в гражданско-правовую область посредством совокупности механизмов гражданско-правового регулирования отношений [1]. На протяжении становления гражданско-правовой институционализации были различимы ее особенности, характерные для того или иного периода времени. Например, постсоветский период был характерен отображением интересов собственников в Федеральных законах, и только потом – в нормах кодифицированного законодательного акта. Данная тема остается актуальной по сей день, в виду того, что лишь в последние года данной теме стало уделяться должное внимание, появились научные работы. Автором в статье рассмотрены некоторые особенности гражданско-правовой институционализации интересов собственников в Российской Федерации.

Ключевые слова: институционализация, институционализация интересов собственников, способ воздействия на общественные отношения, интересы собственников.

Институционализация представляет собой правовой способ воздействия на общественные отношения. По мнению А.В. Рыжика, институционализация интересов собственников представляет собой интеграцию интересов собственников в гражданско-правовую область посредством совокупности механизмов гражданско-правового регулирования отношений [1].

Интерес собственника – важный фактор гражданского права, а также – объект рассматриваемой институционализации. Данная категория универсальна и характерна для таких институтов права, как интеллектуального, вещного, наследственного и обязательного, а также, в целом, для всего института гражданского права. Выявление фактических интересов собственников, их отражение в нормах права и дальнейшая их реализация происходит через процессы нормотворчества и правоприменения. Удовлетворение интересов собственников в позитивном ключе напрямую зависит от законотворческой деятельности и от поддержания баланса частно-публичных интересом.

Kirill A. Ermakov
Head of Legal Department,
JSC «Terranova»
profadvmos@mail.ru

FEATURES OF CIVIL LAW INSTITUTIONALIZATION OF THE INTERESTS OF EMPLOYEES IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The institutionalization of the interests of owners is the integration of the interests of owners into the civil law field through a set of mechanisms of civil law regulation of relations [1]. During the formation of civil law institutionalization, its features characteristic of a particular period of time were discernible, for example, the post-Soviet period was characterized by the reflection of the interests of its own in Federal laws, and only then in the norms of a codified legislative act. This topic remains relevant to this day, due to the fact that only in recent years this topic has been given due attention, scientific papers have appeared. The author considers some features of the civil-legal institutionalization of the interests of owners in the Russian Federation.

Keywords: institutionalization, institutionalization of the interests of owners, the method of influencing public relations, the interests of owners.

Интересы собственников не должны противоречить нормам закона и могут быть признаны легитимными только после их признания государством в лице закона [2].

Отношения в ключе имущественных прав институционально воздействуют на развитие общества, способствуют удовлетворению интересов ее членов, а также, бесспорно, являются важной составляющей нормального потребления и производства, улучшения благосостояния членов общества в материальном и духовном плане. От принимаемых законов, от того насколько они отвечают запросам общества, интересам собственников и общества напрямую зависит эффективность регулирования правоотношений.

Институт права собственности занимает основное место в гражданско-правовой институционализации интересов собственников в Российской Федерации, являясь, по сути, упорядочивающим средством осуществления защиты интересов собственников. Обозначенный институт упоря-

дочивает формы собственности, порядок получения и прекращения прав собственности, изменения прав собственности. С его помощью идет формирование гражданско-правового институционального статуса собственника, а также – обеспечение прав этого субъекта и способствование нормотворческой деятельности относительно имущественных прав.

Принципы гражданско-правовой институционализации объективны, с помощью них система обеспечения интересов собственников обретает системный и динамический характер. Принципы взаимосвязаны и совместно обеспечивают свой функционал, сюда следует отнести:

- нормативность;
- рационализм;
- добропорядочность;
- равнозначную защиту любых форм собственности;
- неприкосновенность собственности;
- оперативность, функциональность, баланс частно-публичных интересов, всеобъемлемость правового регулирования, осуществление законного владения; справедливость;
- защиту имущественных прав;
- восстановление утраченных законных прав;
- недопущение злоупотреблений; исполнимость, законность, соразмерность и др. [1].

До последнего времени гражданско-правовой институционализации не уделялось должного внимания; акцент был ориентирован на доминировании публичных интересов. Изменения произошли под воздействием современных социально-экономических условий, новых общественных установок, а также - зарубежного опыта.

Реформа гражданского права произошла под воздействием большого количества конфликтных ситуаций в обществе и многочисленных спорных моментов в суде. Собственники в РФ по праву имеют все основания для получения более эффективной реализации своих прав и интересов. Институционализации интересов собственников только в последнее время стало уделяться должное внимание, стали появляться научные работы по данной тематике.

Закон учитывает формирующие интересы собственников факты, а также, в свою очередь, оказывает влияние на дальнейшее развитие этих интересов. В результате изучения спорных вопросов и ситуаций выявляются обстоятельства, которым ранее не придавалось значения, необходимого для констатации юридических фактов. Таким образом, создается нерушимая связь между фактическими интересами собственником и их дальнейшей гражданско-правовой институционализацией и закрепление этих норм в правовом поле.

В постсоветский период развития гражданско-правовых норм институционализации интересов собственников была характерна следующая особенность: перед тем как тот или иной интерес собственников был законодательно закреплен в Гражданском кодексе он, прежде всего, начинал отображаться в некоторых федеральных законах. Тем самым, сохранялся баланс между частно-публичными интересами на фоне стремительного развития института частной собственности, а также – приватизации предприятий различного уровня.

В ходе гражданско-правовой институционализации интересов собственников реализация их законных интересов осуществляется в интересах собственников, но с соблюдением основ гражданского права, таких как:

- запрет на злоупотребление правовыми нормами;
- добропорядочность;
- соблюдение баланса частно-публичных интересов;
- разумность;
- запрет на вмешательство в частные дела в произвольном порядке.

Следующей особенностью гражданско-правовой институционализации интересов собственников можно назвать опосредованный контроль за имуществом, выбывшим из правового владения собственника, а также то, что интересы собственников отражаются во всестороннем пользовании, в распоряжении и владении имуществом в гражданско-правовых рамках. Опосредованный контроль наблюдается с помощью таких форм как:

- в случае, если имущество выбыло из владения не по воле собственника, оно может быть возвращено путём подачи виндикационного иска или освобождения от ареста. Тем самым, собственник реализует свои гражданские права и непосредственно реализует защиту имущественных прав;
- возможность получать информацию о выбывшем имуществе через государственные органы, других лиц и контрагентов;
- заключение договора, в результате которого не собственники ограничиваются в праве пользоваться и распоряжаться имуществом.

Для реализации баланса частно-публичных интересов в ходе реализации интересов собственников разрабатывается специальная система, выявляющая на первоначальной стадии конфликт интересов и запускающая в дальнейшем механизм согласования частно-публичных интересов, в том числе, в качестве закрепления определенных правовых норм в законодательстве с целью обеспечения равных правовых общественных отношений.

Гражданско-правовая институционализация интересов собственников в РФ может быть представлена совокупностью правовых действий, основанных на действующем законодательстве в рамках охранительных и ограничительно-разрешительных средств. Целью институционализации в данном случае является [5]:

- поддержание на стабильном уровне и укрепление гражданско-правового оборота;
- соблюдение баланса частно-публичных интересов;
- упорядочивание интересов собственников и их защита правомерными способами.

В данном случае интерес собственника представляет собой объект институционализации и также может быть представлен как потребность собственника осознанно владеть какой-то вещью с извлечения максимальной экономической выгоды с соблюдением правовых рамок. Интересы собственников не противоречат обществу, а также гражданско-правовым нормам, представляют собой:

- желание обрести материальные блага;
- желание использовать по максимуму свое законное владение, распоряжаться им по своему усмотрению согласно своим интересам.

Литература:

1. *Рыжик А.В.* Институционализация интересов собственников в гражданском праве. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/istitutsionalizatsiya-interesov-sobstvennikov-v-grazhdanskom-prave>.
2. *Богатырев Ф.О.* Интерес в гражданском праве / Ф.О. Богатырев // Журнал российского права. 2002. № 2. С. 33–43.
3. *Венгеров А.Б.* Теория государства и права : учебник для юридических вузов. М., 2002. С. 456.
4. *Морозова Л.Я.* Механизм правового обеспечения сбалансированности интересов личности и государства / Л.Я. Морозова // История государства и права. 2011. № 17. С. 27–30.
5. *Попов Е.* Современный российский институционализм: к продолжению дискуссий / Е. Попов, А. Сергеев // Вопросы экономики. 2010. № 2. С. 104.
6. *Субочев В.В.* Законные интересы: основы теории / В.В. Субочев // Государство и право. М. : Наука, 2009. № 5. С. 15–22.

Важное место в гражданско-правовой институционализации интересов собственников в РФ занимают вещно-правовые и обязательно-правовые правоотношения. Данные виды правоотношений не только являются институциональными подсистемами, но и всячески помогают в реализации имущественных прав собственников, в том числе, выявлению, поддержке и реализации интересов собственников во время непосредственного владения и пользования своим имуществом, а также, в процессе взаимоотношений с третьими лицами. С помощью содержания озвученных правоотношений интересы собственников приобретают правовую форму, получая правовое обеспечение, наделяя участников правоотношений определенными правами и обязанностями, а, при необходимости, дает возможность использовать полагающуюся по закону защиту своих интересов.

Таким образом, исходя из вышеизложенного, мы пришли к выводу, что гражданско-правовая институционализация интересов собственников в Российской Федерации – процесс превращения их самых важных имущественных интересов в нормативно-установленные правила поведения, гарантом которых является государство, обеспечивающее стабильность гражданских прав, интересов собственников и общества, в целом [1].

Literature:

1. *Ryzhik A.V.* Institutionalization of the interests of owners in civil law. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/istitutsionalizatsiya-interesov-sobstvennikov-v-grazhdanskom-prave>.
2. *Bogatyrev F.O.* Interest in civil law // Journal of Russian Law. 2002. № 2. P. 33–43.
3. *Vengerov A.B.* Theory of state and law : textbook for law schools. M., 2002. P. 456.
4. *Morozova L.Ya.* Mechanism of legal support of the balance of interests of the individual and the state / L.Ya. Morozova // History of the State and law. 2011. № 17. P. 27–30.
5. *Popov E.* Modern Russian institutionalism: to continue discussions / E. Popov, A. Sergeev // Economic issues. 2010. № 2. P. 104.
6. *Subochev V.V.* Legitimate interests: fundamentals of theory / V.V. Subochev // State and law. M. : Nauka, 2009. № 5. P. 15–22.

Зеленский Владимир Дмитриевич

Заслуженный юрист
Российской Федерации,
доктор юридических наук,
профессор,
руководитель программ
магистерской подготовки
юридического факультета,
Кубанский государственный аграрный
университет имени И.Т. Трубилина
kgau-uf@mail.ru

Vladimir D. Zelensky

Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Doctor of Law,
Professor,
Program Manager Master's Training
Faculty of Law,
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
kgau-uf@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДМЕТА РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. В статье кратко изложено содержание организационного аспекта формирования предмета расследования. Освещены особенности сочетания организации с пожеланиями криминалистической методики при конкретизации предмета отдельного расследования.

Ключевые слова: организация расследования, целеопределение, следственные версии, обстоятельства преступления, предмет расследования, информационные технологии в расследовании.

Расследование – это специфическая социальная деятельность, направленная на установление подлинных обстоятельств преступления и привлечение виновных лиц к уголовной ответственности. Расследование – средство защиты общества от общественно опасных проявлений.

Предметом деятельности по расследованию являются факты объективной действительности, являющиеся отражением исследуемого события – преступления. Преступление, как событие, вносит изменения в окружающую реальность, отражается в ней. В криминалистике эти изменения носят названия следов. След, в широком смысле слова, – это отражение события преступления, это изменение события в окружающей действительности. В криминалистике следы делятся на материально фиксированные отображения, на идеальные следы (отображение в сознании людей) и виртуальные следы – фиксированные изменения в средствах информационных технологий. Последние представляют собой концентрированное выражение энергии.

Совокупность следов – отражений преступления носит название следовой картины [5, с. 16–17]. Следовая картина – это объективное отражение события преступления. Она может быть различной в силу объективных и субъективных причин. Но она возникает обязательно.

ORGANIZATIONAL ASPECT FORMATION OF THE SUBJECT OF INVESTIGATION

Annotation. The article summarizes the content of the organizational aspect of the formation of the subject of the investigation. The features of combining the organization with the wishes of the forensic methodology when specifying the subject of a separate investigation are highlighted.

Keywords: organization of investigation, targeting, investigative versions, circumstances of the crime, subject of investigation, information technology in the investigation.

Следовая картина, в широком смысле слова, – это не только отражение обстоятельств предмета доказывания. В нее входят и события, явления, которые в различной степени связаны с событием преступления, и на основе которых доказываются, обосновываются обстоятельства, указанные в ст. 73 УПК РФ.

В расследовании могут складываться две основные типичные следственные ситуации начального этапа. Первое – когда преступление совершается в условиях очевидности, т.е. в присутствии одного и более свидетелей. Такая ситуация, с точки зрения криминалистики, простая для расследования, так как с самого начала известно, что совершено и кто совершил. Следовательно, располагая информацией о событии преступления и виновном лице, сравнительно просто выясняет все основные обстоятельства события.

Вторая типичная ситуация сложная. Преступление совершается без свидетелей, неочевидно. Под неочевидностью в данном случае понимается ограниченность информации о событии преступления, и нет информации о лице, совершившем это преступление. Расследование приобретает сложный характер.

И в первой, и во второй ситуациях исходным, определяющим фактором для расследования является информация о содержании обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному

делу. В ситуации очевидности интеллектуальный процесс познания указанных обстоятельств выражается в том, что следователь анализирует содержание типичной следовой картины данного вида преступления. Следовая картина отражена в криминалистической характеристике преступления. Следователь анализирует известные обстоятельства, сравнивает их с типовой криминалистической характеристикой и определяет какие из обстоятельств необходимо установить. Возможно построение частных следственных версий о содержании недостающих обстоятельств. Процесс носить организационно-аналитический характер. Трудностей в определении предмета доказывания обычно не возникает.

Прежде чем говорить о второй типичной ситуации, заметим кратко о понятии предмета расследования. Известно, что для установления обстоятельств совершения преступления следователь должен выявить обязательный перечень обстоятельств конкретного вида преступления, перечисленных в ст. 73 УПК РФ. К ним относятся обстоятельства события преступления: место, время, способ, мотив, цель и сведения о виновности конкретного лица. Кроме обстоятельств, входящих в предмет доказывания, в процессе их установления неизбежно приходится выявить и факты, косвенно связанные с этими обстоятельствами. В теории доказывания их называют промежуточными фактами [2, с. 73]. Таким образом, совокупность устанавливаемых обстоятельств расширяется. Совокупность всех обстоятельств, имеющих отношение к событию преступления и виновности лица, называется предметом расследования. В него входят обстоятельства предмета доказывания и промежуточные факты, обосновывающие эти обстоятельства.

Как отмечено выше, в первой типичной следственной ситуации (очевидные преступления) предмет расследования определяется посредством организационно-аналитического анализа имеющихся фактов, положений криминалистической характеристики преступления и положения криминалистической методики о типовых обстоятельствах, подлежащих установлению по делу. В данном случае наглядно видно соотношение положений организации расследования и криминалистической методики.

В типичной следственной ситуации преступления, совершенное в условиях неочевидности, исходная информация в большинстве случаев, незначительна. Обычно нет сведений о личности преступников. Организационно-аналитический процесс определения предмета расследования, прежде всего, включает изложенное содержание сопоставления имеющейся информации с типичной следовой картиной данного вида преступления. Но этого недостаточно. Основное в организации и познании события преступления в такой ситуации – построение следственных версий о неизвестных обстоятельствах предмета доказывания. Следственная версия является средством познания, объясняя имеющиеся факты и направляя познание на установление необходимых обстоятельств. Но версия одновременно и выполняет организационную роль. С ее помощью выявляются промежуточные факты, которые

связаны с искомым обстоятельством предмета доказывания.

Механизм целеопределения – конкретизация обстоятельств, подлежащих установлению, состоит в следующем. Строятся следственные версии. Из каждой следственной версии выводятся логические следствия – предположения об обстоятельствах, которые должны существовать при условии, что данная версия верна [1, с. 140–141]. Сложность определения логических следствий состоит в том, что их перечень должен быть по возможности исчерпывающим. Методикой расследования определяется примерный перечень таких следствий применительно к различным видам преступлений. Наиболее полно он разработан в расследовании убийств. Это место совершения убийства; лицо, которое может быть на этом месте или вблизи до, в момент и после убийства; способ, оружие убийства, его принадлежность подозреваемому; мотив преступления, содержание взаимоотношений убийцы и потерпевшего; следы на теле и одежде подозреваемого; круг лиц причастных к взаимоотношениям потерпевшего и подозреваемого и другие [2, с. 72–76]. Перечень этот конкретизируется применительно к месту, способу, обстановке, личности и других.

Одной из задач методики расследования является установление типичных перечней обстоятельств, причастных к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по видам преступлений.

В интеллектуальной деятельности по определению или конкретизации предмета расследования можно выделить следующие основные структурные элементы:

- следовую картину преступления;
- криминалистическую характеристику вида преступления и расследуемого преступления;
- объем и содержание, имеющейся у следователя информации;
- следственные версии в отношении обстоятельств предмета доказываний;
- логические следствия из версий;
- конкретизация предмета расследования – обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу.

Изложенный процесс – часть организации расследования. Организация – упорядочение процесса расследования посредством структурирования деятельности путем целеопределения, планирования, взаимодействия, создания условий для качественного производства следственных действия. Предмет расследования является исходным структурным элементом, детерминирующим не только направление расследования, но и содержание всей деятельности по уголовному делу. Обстоятельства, входящие в предмет расследования, должны быть определены как можно точно. Отметим, что значительная часть следственных ошибок и состоит в том, что круг

исходных обстоятельств – тактических целей расследования конкретизирован не полностью. Понятна и цена таких ошибок.

Процесс целеопределения, как элемент организации, в данном случае связан с положениями методики расследования. Выведение логических следствий из версий, конкретизация целей по исследованию выявленных фактов с использованием типового перечня обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу – это методика. Но в данном случае положения организации и методики рассматриваются в диалектическом единстве.

В процессе конкретизации предмета расследования есть проблемные вопросы. Как отмечалось, для качественного организационно-аналитического анализа исходной информацией необходимо профессионально-психологической подготовки следователя, в первую очередь, знания криминалистической характеристики видов преступлений и положений организации расследования. Но в рассматриваемом процессе есть субъективная составляющая (уровень отмеченных знаний и условия расследования), преодолеть которую можно только путем автоматизации части этого процесса. Речь идет о необходимости использования информационных технологий в организации расследования.

Информационные технологии используются в расследовании по различным направлениям. Можно выделить основные из них: в организации расследования, производстве судебных экспертиз, в уголовной регистрации, производстве различных следственных действий, в использовании

научно-технических средств, в материально-техническом и организационном обеспечении расследования. Каждое из названных направлений не обособлено и выступает как часть реализации информационного обеспечения расследования. В криминалистике теоретической базой названной практической деятельности является разрабатываемая теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. Предметом данной теории являются закономерности возникновения, собирания и исследования компьютерной информации о расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел. Теория направлена на исследование как компьютерных средств и систем, так и действий по собиранию и исследованию информации с использованием указанных систем [3, с. 23–27].

Использование информационных технологий формирования (определения) предмета расследования должно обеспечить автоматизацию процесса построения следственных версий, выведения логических следствий из каждой версии и составления (создания) системы обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Цифровизация организации сложных и особо сложных расследований, мысль, о необходимости которой была высказана много лет назад [4, с. 136], должна быть реализована в наше время, несмотря на сложность и объемность решения данной проблемы.

В настоящее время качественно использование теоретических положений процесса определения (конкретизации) предмета расследования является исходным началом успешного расследования преступлений.

Литература:

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / Под ред. Н.В. Жогина. М., 1973.
2. *Зеленский В.Д.* Теоретические вопросы организации расследования преступлений. Краснодар, 2011.
3. *Зеленский В.Д.* Расследование убийств / В.Д. Зеленский, С.А. Куемжиева [и др.]. Краснодар, 2019.
4. *Зеленский В.Д.* Криминалистические проблемы организации расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1991.
5. *Корноухов В.Е.* Методика расследования преступлений: Теоретические основы. М., 2016.

Literature:

1. The theory of evidence in the Soviet criminal process / Ed. N.V. Zhogina. M., 1973.
2. *Zelensky V.D.* Theoretical issues of organizing the investigation of crimes. Krasnodar, 2011.
3. *Zelensky V.D.* Investigation of murders / V.D. Zelensky, S.A. Kuemzhieva [et al.] Krasnodar, 2019.
4. *Zelensky V.D.* Criminalistic problems of the organization of crime investigation : abstract of the dis. ... doctor of law. sciences. M., 1991.
5. *Kornoukhov V.E.* Methods of investigating crimes: Theoretical foundations. M., 2016.

Карданова Ирина Викторовна
старший преподаватель кафедры
государственно-правовых дисциплин,
Северо-Кавказский филиал
Российского государственного
университета правосудия
19kiv64@gmail.com

Irina V. Kardanova
Senior Lecturer of the Chair
of State Law Disciplines,
North Caucasus
branch Russian State
University of Justice
19kiv64@gmail.com

ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА ГРАЖДАН НА ЗАЩИТУ ПЕНСИОННЫХ ПРАВ

ISSUES OF LEGAL REGULATION OF THE CONSTITUTIONAL RIGHT OF CITIZENS TO PROTECT PENSION RIGHTS

Аннотация. В статье рассматривается возможность реализации конституционного права граждан на судебную защиту своих пенсионных прав. Делается вывод о том, что возможность реализации такого права появилась в 1990-е годы, что говорит об относительной новизне данного способа защиты в области пенсионного обеспечения и необходимости более детального его изучения. Отмечается, что понятие «пенсионный спор» в законодательстве отсутствует, хотя оно активно используется в юридической литературе.

Ключевые слова: защита пенсионных прав граждан; пенсионные права; страховая пенсия по старости; судебная статистика; пенсионные споры; судебная практика.

Annotation. The article discusses the possibility of implementing the constitutional right of citizens to judicial protection of their pension rights. It is concluded that the possibility of exercising such a right appeared in the 1990s, which indicates the relative novelty of this method of protection in the field of pension provision and the need for a more detailed study of it. It is noted that the concept of «pension dispute» is absent in the legislation, although it is actively used in the legal literature.

Keywords: protection of the pension rights of citizens; pension rights; old-age insurance pension; judicial statistics; pension disputes; arbitrage practice.

Согласно ч. 1 ст. 46 Конституции России: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод» [1]. Пожалуй, самыми распространенными в сфере социального обеспечения, являются споры, вытекающие из пенсионных правоотношений. Об этом свидетельствуют данные

официальной статистики судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации [2]. Как видно из таблицы 1, в 2020 г. более 90 % исковых заявлений были удовлетворены, а общая сумма, присужденная к взысканию, составила почти 15,5 млрд руб.

Таблица 1

Споры, возникающие из пенсионного законодательства

	2018 г.	2019 г.	2020 г.
Количество споров, возникающих из пенсионного законодательства	110635	118081	97914
По искам (заявлениям) юридических лиц, в т.ч. государственных органов	15995	24394	26914
В связи с обращением прокурора	3684	3938	3427
Споров по искам физических лиц	90956	89704	67573
Дополнительные или встречные требования по соответствующей категории удовлетворены полностью или частично (по количеству требований)	94530	939	6704
Отказано по дополнительным или встречным требованиям по соответствующей категории (по количеству требований)	1452	315	3847
% от общего количества споров	85,4/1,3	0,8/0,3	6,8/3,9
Общая сумма, присужденная к взысканию составила	18280330403 руб.	764937136 руб.	15485638205 руб.

В ежегодном докладе Уполномоченного по правам человека Российской Федерации за 2020 год, в частности, отмечено: «Среди проблем, характерных для региона своего проживания, 35% респондентов отметили низкий уровень пенсий, стипендий, пособий, 21 % – недостаточное качество социального обеспечения, социальной защиты населения» [3. с. 16].

В 2020 году поступило 2178 обращений по вопросам социального обеспечения, что на четверть меньше, чем годом ранее. Две трети от указанных обращений касаются защиты прав граждан на пенсионное обеспечение, при этом рост обращений граждан (на 48,3 %) связан с отказом в назначении пенсии. Тематика и количество обращений по отдельным вопросам пенсионного обеспечения за 2018–2020 годы показаны в рисунке 1.

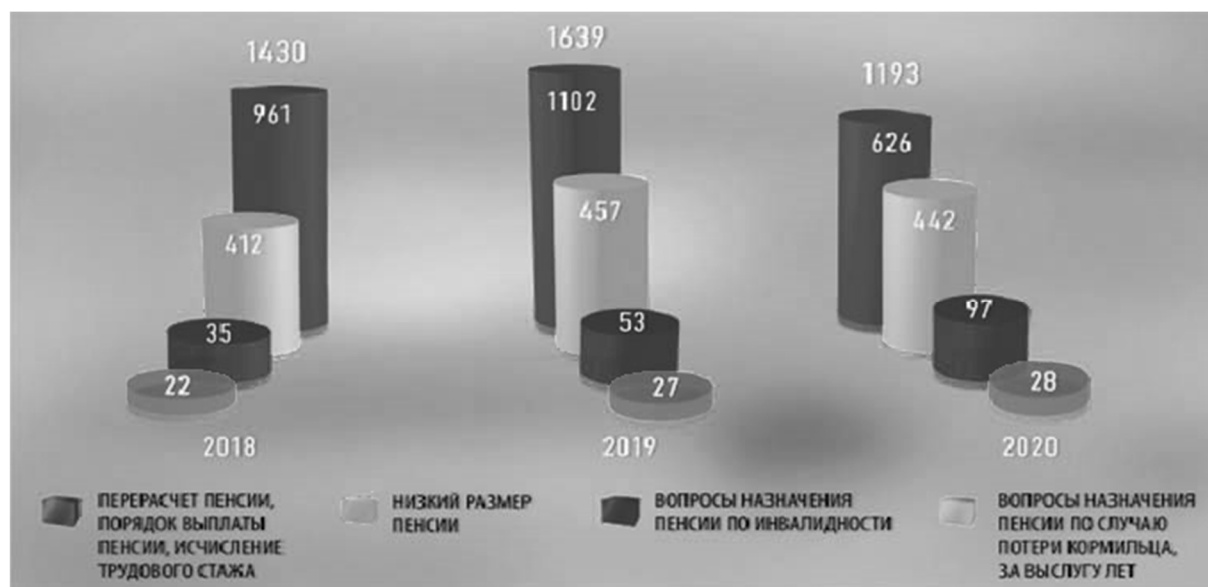

Рисунок 1 – Тематика и количество обращений по отдельным вопросам пенсионного обеспечения за 2018–2020 годы

Общее количество жалоб и обращений в суд связано, прежде всего, с ежегодным внесением изменений в пенсионное законодательство, с наличием в нем неопределенных, формул и сложных правовых норм, что приводит к неоднозначному их пониманию, в том числе, и при рассмотрении судами.

Всё указанное выше является подтверждением актуальности темы исследования.

Согласно Конституции РФ, «Российская Федерация - социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (ст. 7). В новой редакции ст. 75, закреплено, что система пенсионного обеспечения граждан строится на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений [1].

Основной конституционной гарантией для граждан старше трудоспособного возраста является пенсионное обеспечение, которая закреплена в ст. 39 Конституции РФ и обеспечивается тем, что государственные пенсии устанавливаются законом. Как верно отмечает Е.А. Ершова: «Концепция прямого действия конституции и принцип непосредственного действия прав и свобод человека детально не разработаны. Научных трудов, посвященных этой проблематике, мало, а суды продолжают испытывать определенные

трудности в процессе их применения» [4. с. 56–62].

Следует согласиться с мнением, что советское пенсионное законодательство отличалось стабильностью, предсказуемостью и последовательностью. Изменения в пенсионном законодательстве воспринимались гражданами страны как обоснованные и справедливые. Возможно, именно поэтому рассмотрение споров по социальному обеспечению судам в советское время, были не подведомственны. «Ни пенсий, ни пособий по временной нетрудоспособности, на роды и кормление ребенка и т.д. нельзя требовать судом. Это исключительно дело страховых органов, и жалобы возможны только в административном порядке» [5, с. 30–31].

В период СССР действовало самостоятельное для рабочих, служащих (от 1956 года) и членов колхозов (1964 года) пенсионное законодательство, которое не предусматривало возможности обжалования решений комиссий по назначению и выплате государственных пенсий в судебном порядке что, по мнению Э.Г. Тучковой, шло в разрез с содержанием конституционных норм, расширявших права граждан СССР на судебную защиту, а «...Сохранение данного порядка и на будущее вряд ли возможно, ибо Основной Закон страны не предусматривает каких-либо изъятий из установленных им гарантий важнейших социальных прав граждан...» [6, с. 152].

Пенсионные споры, а, соответственно, и возможность защиты своих прав в судебном порядке впервые закрепил Закон СССР от 15 мая 1990 года № 1480-1 «О пенсионном обеспечении граждан в СССР». В ст. 102 прописывалось, что жалоба на решение комиссии по назначению пенсий может быть подана в районный (городской) Совет народных депутатов либо в районный (городской) народный суд. Аналогичная норма была сохранена и в Законе о государственных пенсиях 1990 г. в ст. 129 закреплялось, что: «Споры по вопросам назначения и выплаты пенсии, удержаний из пенсии, взыскания излишне выплаченных сумм пенсии разрешаются вышестоящим органом социальной защиты населения. Если гражданин (организация) не согласен с принятым этим органом решением, спор разрешается в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве» [7]. То есть, для обращения в суд, необходимым и обязательным было условие получения решения по данному спору в вышестоящем органе, осуществляющем пенсионное обеспечение.

Позднее, законы 2001 года об обязательном пенсионном страховании (п. 2 ст. 31 закона № 167-ФЗ) и о трудовых пенсиях (п. 7 ст. 18 закона № 173-ФЗ), а также, ныне действующий закон о страховых пенсиях (п. 20 ст. 21 закона № 400-ФЗ) закрепили возможность защищать свои права непосредственно в суде независимо от того, обжаловал или нет гражданин, не устраивающее его решение в вышестоящий пенсионный орган. В ст. 3, 29 Гражданского процессуального кодекса РФ также закреплено право граждан на судебную защиту своих пенсионных прав и законных интересов в судебном порядке.

Таким образом, на современные пенсионные споры распространяется общий, характерный для всех отраслей права, порядок защиты прав, предусмотренный Конституцией РФ, как в судебном, так и внесудебном порядке.

Количество рассматриваемых судами дел по пенсионным вопросам ежегодно растет, но, несмотря на их «массовость», дефиниция «пенсионный спор» в законодательстве отсутствует. Считаем необходимым выработать и закрепить в основных пенсионных законах понятие «пенсионный спор», поскольку это – особый вид споров одной из сторон которых, как правило, являются нетрудоспособные граждане. Пенсионные споры пока еще относительно «молодая» правоприменительная практика и следует выработать понятийный аппарат и механизм защиты прав граждан в указанной сфере.

Как мы знаем, обращению в суд предшествует обращение гражданина за установлением пенсии в ГУ УПФР, который принимает решение о назначении либо об отказе в назначении пенсии. По данным ПФР, в 2017 г. было принято 125,4 тыс. решений об отказе в страховой пенсии по старости, а в 2018 г. их количество выросло до 170,5 тыс. [8]. По прогнозу экспертов, таких отказов с каждым годом будет становиться все больше, а значит, таким гражданам можно будет рассчитывать только на социальную пенсию, размер которой

ниже страховой и устанавливается на пять лет позже.

Пенсионные реформы 2002 г. и 2015 г. оказались неудачными и разочаровали население т.к. привели к сложностям в реализации прав граждан в сфере пенсионного обеспечения. Изменения 2019 года окончательно подорвали веру в ее стабильность и справедливость. Очевидные недостатки отечественной пенсионной системы длительное время не устраняются, более того, такая задача даже не ставится.

Введение нового условия страхового пенсионного обеспечения: наличие величины индивидуального пенсионного коэффициента (ИПК), а точнее, установленная планка его величины может стать и уже становится препятствием для реализации права на страховую пенсию гражданами, работающими на условиях низкой оплаты труда, при наличии у них прочих необходимых условий [9. с. 307–312].

Годовой индивидуальный пенсионный коэффициент равен отношению суммы, уплаченных работодателем (работодателями) страховых взносов на формирование страховой пенсии по тарифу 10 % или 16 %, к сумме страховых взносов с максимальной взносооблагаемой заработной платы, умноженному на 10. Для наглядности, рассмотрим вариант при начислении заработной платы 20000 рублей в месяц в 2021 г.:

1. $20000 \times 16 \% (\text{ОПС максим. взносы}) = 3200 \times 12 (\text{месяцев}) = 38400 \text{ руб. в год.}$
2. 2021 г. максимальная взносооблагаемая заработная плата – $1465000 \times 16 \% = 234400 \text{ рублей.}$
3. $38400/234400$ (соотношение начисленной и максимальной величин) = $0,16 \times 10 = 1,6 \text{ балла.}$

Таким образом, при заработной плате в 20000 рублей за 2021 год можно накопить всего 1,6 балла, тогда как в 2015 году, при этой же заработной плате, количество ИПК составило 2,8. Учитывая, что фактическая заработная плата растет медленнее, чем предельная налогооблагаемая величина, набрать нужное количество баллов будет с каждым годом сложнее. В 2015 г., для установления пенсии требовалось 6,6 баллов, а в 2021 г. – 21. Следует учесть, что требуемый страховой стаж к 2025 году будет составлять величину – 15 лет (в 2021 – 12 лет). В отличие от предыдущего, современное законодательство не предусматривает возможности установления пенсии при неполном трудовом стаже. Т.е., если гражданин будет иметь страховой стаж 14 лет и 10 месяцев, то по достижении установленного возраста, права на пенсию у него так и не возникнет, а оспорить это в суде будет невозможно, как невозможно оспорить отказ из-за отсутствия требуемого количества пенсионных баллов.

В заключении хотелось бы отразить следующие выводы.

Наличие в пенсионном законодательстве неопределенных и сложных правовых норм, формул приводит к их неоднозначному применению и толкованию. Необходимо доработать действующее пенсионное законодательство, взяв за основу

нормы успешно действовавшие ранее. Так, например, наличие страхового стажа меньшей продолжительности, чем 15 лет, лишает граждан права уйти на пенсию по достижении установленного страховым законом возраста. Уплаченные страховые взносы по солидарной системе идут на выплату текущих пенсий и никак не учитываются в пенсионном законодательстве тех, кто не смог официально отработать 15 лет. В целях обеспечения принципа справедливости, мы предлагаем дополнить ст. 8 федерального закона от 28

декабря 2013 г. № 400-ФЗ «О страховых пенсиях» п. 4, изложив его в следующей редакции:

«Статья 8. Условия назначения страховой пенсии по старости.

Страховая пенсия по старости при неполном страховом стаже может быть установлена лицам, имеющим страховой стаж от 5 до 15 лет и при наличии величины индивидуального пенсионного коэффициента не ниже 6,6».

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения 04.07.2021).

2. Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Данные судебной статистики. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения 14.06.2021).

3. Ежегодный Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2020 год. URL : <https://rg.ru/2021/04/01/rg-publikuet-doklad-o-deiatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-za-2020-god.html> (дата обращения 14.06.2021).

4. *Ershova E.A.* Прямое применение судами принципов и норм трудового права, содержащихся в Конституции РФ и международных договорах / Е.А. Ершова // Российское правосудие. 2016. № 1. С. 56–62.

5. Н.Г. Вопросы подсудности по делам социального страхования. Право и жизнь. 1925. Кн. 6.

6. *Тучкова Э.Г.* Рассмотрение споров рабочих и служащих по пенсионным вопросам / Э.Г. Тучкова; Под ред. В.С. Андреева // XXV съезд КПСС и актуальные вопросы совершенствования законодательства о труде. Труды ВЮЗИ. М., 1978. Т. 62.

7. Закон РФ от 20 ноября 1990 г. № 340-1 «О государственных пенсиях в Российской Федерации». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28/ (дата обращения 12.06.2021).

8. Еженедельник «Аргументы и Факты» № 25 19.06.2019 г. От ворот поворот. Почему выросло число отказов в пенсии? URL : http://www.aif.ru/money/mymoney/ot_vorot_povorot_pochemu_vyroslo_chislo_otkazov_v_pensii (дата обращения 14.06.2021).

9. *Галаева Л.А.* Индивидуальный пенсионный коэффициент в структуре сложных фактических составов, определяющих право на страховые пенсии по старости на общих основаниях / Л.А. Галаева // Трудовое право, право социального обеспечения и рыночная экономика: проблемы взаимодействия (Вторые Гусовские чтения) : материалы междунар. науч.-практ. конф. М. : Проспект, 2017. 512 с.

Literature:

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020). URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (date of application 04.07.2021).

2. Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation. Judicial statistics data. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (date of application 14.06.2021).

3. Annual Report on the activities of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation for 2020. URL : <https://rg.ru/2021/04/01/rg-publikuet-doklad-o-deiatelnosti-upolnomochennogo-po-pravam-cheloveka-za-2020-god.html> (date of application 14.06.2021).

4. *Ershova E.A.* Direct application by courts of the principles and norms of labor law contained in the Constitution of the Russian Federation and international treaties / E.A. Ershova // Russian justice. 2016. № 1. P. 56–62.

5. N.G. Issues of jurisdiction for social insurance. Law and Life. 1925. Book. 6.

6. *Tuchkova E.G.* Consideration of disputes between workers and employees on pension issues / E.G. Tuchkova; Ed. V.S. Andreeva // XXV Congress of the CPSU and topical issues of improving labor legislation. VYUZI Proceedings. M., 1978. Vol. 62.

7. Law of the Russian Federation of November 20, 1990 № 340-1 «On state pensions in the Russian Federation». URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28/ (date of application 12.06.2021).

8. Weekly «Arguments and Facts» № 25 06/19/2019 Turn from the gate. Why has the number of pension refusals increased? URL : http://www.aif.ru/money/mymoney/ot_vorot_povorot_pochemu_vyroslo_chislo_otkazov_v_pensii (date of application 14.06.2021).

9. *Galaeva L.A.* Individual pension coefficient in the structure of complex factual compositions that determine the right to insurance pensions for old age on a general basis / L.A. Galaeva // Labor law, social security law and market economy: problems of interaction (Second Gusovskie readings): materials of the international. scientific-practical conf. M. : Prospect, 2017. 512 p.

Лещенко Владимир Павлович
адъюнкт кафедры
уголовного права и криминологии,
Краснодарский университет МВД России
Vladimirlescenko@mail.ru

МОШЕННИЧЕСТВО, СОВЕРШЕННОЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СРЕДСТВ ЭЛЕКТРОННОГО ПЛАТЕЖА В СИСТЕМЕ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. Стремительное развитие цифровой экономики в современной России обусловило замещение традиционных платежных средств, используемых для наличного расчета, электронными средствами платежа. Неоспоримое преимущество данных платежных средств заключается в скорости их перевода, а, соответственно, в осуществлении расчетных операций, возможность дистанционного платежа, исключающая необходимость физического присутствия в магазине или кредитном учреждении, отсутствие административно-территориальных границ и многое другое. Однако, несмотря на безусловные преимущества электронных средств платежа, необходимо учитывать их уязвимость в смысле допустимости удаленной доступности их неправомерного использования в корыстных целях.

Ключевые слова: хищение чужого имущества, уголовная ответственность, состав преступления, объективные признаки, банковская карта, мошенничество, платежная система, имущественный ущерб, преступление, средство электронного платежа.

Предусмотрев уголовную ответственность за мошенничество, совершенное с использованием электронных средств платежа, закрепив её основание в ст. 159.3 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), законодатель обеспечил охрану имущественных интересов широкого круга субъектов.

Анализируя внесенные изменения, Голованова Н.А. отмечает их актуальность, поскольку с развитием информационных технологий происходит не только расширение спектра электронных услуг в финансовой сфере, но и повышаются риски криминогенного характера, а общественная опасность хищений с банковского счета или электронных денежных средств усиливается способом совершения данных преступлений, позволяющим виновному лицу оставаться анонимным и совершать преступление из любой точки мира, имея лишь доступ к Интернету [1, с. 82].

Vladimir P. Lescenko
Adjunct of Department
Criminal Law and Criminology,
Krasnodar University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
Vladimirlescenko@mail.ru

FRAUD COMMITTED USING ELECTRONIC PAYMENT MEANS IN THE SYSTEM OF PROPERTY CRIMES AGAINST PROPERTY

Annotation. The rapid development of the digital economy in modern Russia has led to the replacement of traditional means of payment used for cash payments with electronic means of payment. The undeniable advantage of these means of payment is the speed of their transfer, and, accordingly, the implementation of settlement operations, the possibility of remote payment, eliminating the need for physical presence in a store or credit institution, the absence of administrative and territorial borders, and much more. However, despite the undeniable advantages of electronic means of payment, it is necessary to take into account their vulnerability, in the sense of the permissibility of remote availability of their misuse for selfish purposes.

Keywords: theft of other people's property, criminal liability, corpus delicti, objective features, bank card, fraud, payment system, property damage, crime, electronic payment method.

Действительно, хищение с банковского счета, а равно – хищение электронных денежных средств, заслуживает быть выделенным в качестве квалифицированного состава преступления, предусматривающего более суровое наказание, поскольку данное деяние несет в себе большую общественную опасность, нежели иные составы кражи, хотя бы из-за того, что совершение данного преступления может быть осуществлено бесконтактно, дистанционно, что делает преступные возможности злоумышленников, не ограниченными ни временными, ни пространственными рамками.

Как справедливо отмечает З.И. Хисамова: «К сожалению, темпы развития IT-технологий значительно опережают законодательные реагирования на многие возникающие проблемы» [2]. Вероятно, у многих авторов имеются основания для критики законодателя за несвоевременность тех или иных законодательных инициатив. Тем не

менее, факт внесения изменений в уголовное законодательство, сообразно меняющимся реалиям современной жизни, уже сам по себе заслуживает положительных откликов.

Вместе с тем, как и любые нововведения, новые составы преступлений, включенные в текст Уголовного кодекса РФ, с принятием Федерального закона [3] от 23.04.2018 № 111-ФЗ требуют более детального изучения. Практика применения ст. 1593 УК РФ на данный момент активно формируется, и изучение указанного состава преступления поможет избежать многих правоприменительных ошибок.

Известно, что процессу криминализации, как правило, предшествует признание того или иного деяния, как представляющего общественную опасность сложившимся общественным отношениям.

Решение законодателя расширить перечень специальных видов хищения чужого имущества во многом обусловлено сложившимися, и уже не кажущимися обратимыми, процессами цифровизации, как национальной (отечественной), так и мировой экономики.

Историческая изменчивость преступности и её социализация, обусловили переход «традиционных» форм хищения к новым «прогрессивным», обусловленным современными реалиями условиями.

Известно, что процессу криминализации предшествует признание того или иного деяния, как соответствующего степени общественной опасности, в объеме, достаточном для возникновения угрозы охраняемым уголовным законом отношениям.

Развитие сектора цифровой экономики, повлияло на характер имущественных преступлений, что обусловило возникновение новых, ранее не известных, способов хищения чужого имущества. В этом плане мошенничество не стало исключением. Перемещение корыстной преступности, в том числе, мошенничеств с «улиц» в виртуальное пространство приобрело особую актуальность и стало «криминальным трендом» периода пандемии 2020 года, отметившимся ростом количества преступлений, совершенных с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (+68,5 %) [4, с. 15].

Данные статистики демонстрируют изменение устоявшегося представления о структуре корыстной преступности и бесспорном доминировании в ней хищения чужого имущества. Намечившаяся в последние годы тенденция корыстной преступности, позволяет предположить, что в дальнейшем количество мошенничеств, совершаемых с использованием средств электронного платежа, продолжит устойчивый рост.

Отмеченные обстоятельства, обуславливают необходимость дифференцированного подхода к установлению ответственности за обман или злоупотребление доверием, совершаемое в сфере электронных платёжных систем [5, с. 504–513].

Закрепив основание уголовной ответственности в составе ст. 1593 УК РФ, законодатель выделил основные качественные признаки, отражающие специфические особенности данного преступления и позволяющие выделить его в системе имущественных преступлений против собственности.

Приняв во внимание устоявшиеся в уголовно-правовой науке представления о классификации объектов преступления, предпринимая анализ признаков, характеризующих объект преступления, предусмотренного ст. 1593 УК РФ.

Отношения собственности, составляющие содержание основного признака объекта, рассматриваемого вида мошенничества, образуют исключительно имущественный характер. В свою очередь мошенничество, предусмотренное ст. 1593 УК РФ, по качественным характеристикам объективных признаков, обуславливает направленность посягательства на законные интересы в сфере установленного, банковской системой, порядка использования средств электронного платежа.

Предмет преступления, предусмотренного ст. 1593 УК РФ, образуют средства электронного платежа, сами по себе, не обладающие меновой стоимостью, однако, обеспечиваемые банковской гарантией и представляющие часть национальной платёжной системы.

Наряду с объектом, состав преступления, предусмотренного ст. 1593 УК РФ, образует объективная сторона, представляющая собой совокупность юридически значимых признаков, содержание которых позволяет охарактеризовать внешнее проявление преступления. В свою очередь, признаки объективной стороны (их объем) во многом зависят от юридической конструкции состава преступления (материальный, формальный, усеченный). Большинство преступлений против собственности, по законодательной конструкции объективной стороны, образуя материальный состав, характеризуются такими обязательными признаками, как деяние и, состоящее с ним в причинно-следственной связи, общественно опасное последствие. В этом плане, мошенничество, совершенное с использованием средств электронного платежа (ст. 1593 УК РФ), не является исключением.

Объективная сторона ст. 1593 УК РФ характеризуется совершением действия, направленного хищение чужого имущества или приобретение право на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. В первую очередь, следует отметить, что деяние совершается в форме активного действия. Данная форма деяния представляет собой «классическое» устоявшееся понимание объективной стороны мошенничества.

В случаях хищения или иного незаконного приобретения средства электронного платежа (например, банковской дебетовой карты) лицо, не может подлежать самостоятельной ответственности за хищение. Если платёжное средство похищалось в целях последующего обмана и завладения имуществом потерпевшего, действия виновного могут рассматриваться, как приготовление к преступлению или покушение на него.

Мошенничество, совершаемое с использованием средств электронного платежа, являясь специальным видом мошенничества (ст. 159 УК РФ), воспроизводит общие признаки хищения чужого имущества, понятие и признаки которого определены в 1-м примечании к ст. 158 УК РФ.

Одним из признаков, характеризующих хищение чужого имущества, является противоправный характер завладения, состоящий в нарушении правовых предписаний, обеспечивающих право собственности, закрепленных в уголовном законе. Применительно к составу анализируемого преступления, признак противоправности воспроизводится как неправомерность, что, по сути, является синонимом. И в том, и в другом случае у субъекта отсутствуют какие-либо основания, вытекающие из норм иных отраслей права, на обращение изымаемых средств электронного платежа в собственность виновного.

Другим обязательным признаком, характеризующим хищение имущества, является безвозмездность его изъятия. Как ранее отмечалось, противоправное завладение средствами электронного платежа предполагает их безвозмездное изъятие из фондов потерпевшего.

Корыстная цель – являясь обязательным субъективным признаком хищения, предполагает получение материальной выгоды или избавление от имущественных затрат, в том числе, способствование обогащению лиц, в определенных отношениях с которыми виновный заинтересован [7, с. 4–8].

Применительно к составу мошенничества, совершенного с использованием средств электронного платежа, данная цель корреспондирует с имущественным ущербом, причиняемом в результате утраты потерпевшим средств электронного платежа.

Совершая обман или злоупотребляя доверием в целях завладения средствами электронного платежа, виновный причиняет имущественный ущерб собственнику в виду изъятия соответствующих средств с лицевого счета, на который они были ранее зачислены. Кроме этого, собственник может лишиться части своих доходов, получаемых от использования похищенных средств, на остаток которых, в соответствии с договором, могут зачисляться банком дополнительные средства [8, с. 22–23].

Таким образом, допуская возможным причинение опосредованного ущерба или понесение упущенной выгоды собственником средств электронного платежа, мы считаем не допустимым признание таковых в качестве общественно-опасного последствия рассматриваемого преступления, в первую очередь, по причине невозможности установления прямой непосредственной причинно-следственной связи между хищением и наступившими последствиями.

Мошенничество, совершенное в отношении средств электронного платежа, как и любой другой вид хищения, является оконченным в момент

причинения имущественного ущерба собственнику [9, с. 29–31]. Как говорилось выше, ущерб собственнику причиняется в момент выведения средств электронного платежа со счета потерпевшего, производимого в результате оплаты товаров или услуг, приобретаемых в результате обманных действий.

Субъективные признаки состава преступления систематизированы относительно двух групп, характеризующих юридически значимые особенности субъекта, как лица совершившего преступления и его вины в содеянном.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного в ч. 1 ст. 1593 УК РФ, выражена признаками хищения имущества. Прямого указания на форму вины в диспозиции данной уголовно-правовой нормы не содержится. Однако её определение, не вызывает каких-либо разногласий в уголовно-правовой доктрине и практике применения данной нормы.

Мошенничество с использованием средств электронного платежа, как и любое хищение, признается умышленным преступлением, при этом допускается лишь прямой умысел. Такой вывод следует из прямого указания на цель совершаемого преступления, а именно – завладение чужим имуществом и его последующее использование для получения материальных выгод [10, с. 147]. Цель же характерна лишь для преступлений, совершаемых умышленно. Нельзя совершить обман или злоупотребить доверием, преследуя вполне конкретную цель по неосторожности в виде легкомыслия или небрежности.

Сознанием виновного охватывается общественно-опасный характер совершаемых им действий, осознание их достаточности для достижения преступного результата и прямого желания его достижения. В момент совершения преступления осознанием виновного охватывается восприятие противоправного характера завладения средствами электронного платежа. В целом же, это означает осознание виновным общественной опасности совершаемых им действий.

Субъект преступления является важным элементом любого состава преступления, исключением не является состав преступления, предусмотренного ст. 1593 УК РФ.

Определяя обязательные признаки субъекта преступления, законодатель исходит из его индивидуально определенных личностных качеств, сочетающих вменяемость и возраст, достижение которого обусловит его деликтоспособность.

Характеризуя признаки субъекта, преступления, предусмотренного ст. 1593 УК РФ, следует отметить отсутствие каких-либо его специальных признаков, получивших юридическое закрепление в уголовно-правовой норме.

Общий возраст уголовной ответственности (ч. 1 ст. 20 УК РФ) выделяет мошенничество в структуре иных видов хищений чужого имущества, большинство из которых, предполагают пониженный возраст уголовной ответственности, а именно 14 лет.

Определяя возраст ответственности за мошенничество, законодатель установил общую возрастную границу признания субъектом лица, совершающего преступление. Указав в статье 20 УК РФ (Возраст, с которого наступает уголовная ответственность), что возраст уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 159.3 УК РФ, установлен с 16 лет.

Обобщив изложенное, следует отметить, что установление самостоятельного основания уголовной ответственности за мошенничество, совершенное с использованием средств электронного платежа, полностью соответствует современным реалиям социальной и экономической

действительности. Средства электронного платежа давно перестали образовывать лишь признаки предмета мошенничества, их неправомерное использование способно причинить реальный вред системе экономических отношений складывающихся в условиях научно-технического прогресса.

Сказанное еще раз указывает на необходимость поиска действенных мер для защиты сегмента цифровой экономики. В свою очередь, признание общественной опасности мошенничества, совершенного с использованием средств электронного платежа, полностью соответствует характеру сложившейся угрозы.

Литература:

1. Голованова Н.А. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации : монография / Н.А. Голованова [и др.]. М. : ИЗИСП, КОНТРАКТ, 2019. С. 82.
2. Хисамова З.И. Уголовно-правовые меры противодействия преступлениям, совершаемым в финансовой сфере с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : дис. ... канд. юр. наук: 12:00:08 / Хисамова Зарина Илдусовна. URL : krdu.mvd.rf
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23 апреля 2018 г. № 111-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 30 апреля 2018 г. № 18. Ст. 2581.
4. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2020 года. Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_12_2020.pdf (дата обращения 12.04.2021)
5. Русскевич Е.А. Новые нормы УК об «электронном» мошенничестве и коррупционных преступлениях / Е.А. Русскевич // Уголовный процесс. 2018. № 7.
6. Архипов А.В. Корыстная цель как признак хищения / А.В. Архипов // Уголовное право. 2016. № 1.
7. Теплова Д.О. Корыстная цель и мотив как признаки хищения / Д.О. Теплова // Российский следователь. 2013. № 13.
8. Федоров Д.А. Учет размера хищения в «специальных» составах мошенничества (ст. 159.1–159.6 УК РФ) / Д.А. Федоров // Российский следователь. 2014. № 4.
9. Лопашенко Н.А. Преступления против собственности. Теоретико-прикладное исследование М. : ЛексЭст, 2005.

Literature:

1. Golovanova N.A. Criminal jurisdictional activity in the conditions of digitalization : monograph / N. Golovanova A. [et al.]. M. : SISP, CONTRACT, 2019. P. 82.
2. Khisamova Z.I. Criminal-legal measures of counteraction to crimes committed in the financial sector with the use of information and telecommunication technologies : dis. ... cand. law sciences: 12:00:08 / Khisamova Zarina Ildusovna. URL : krdu.mvd.rf
3. On amendments to the Criminal Code of the Russian Federation: Federal Law № 111-FZ of April 23, 2018 // Assembly of Legislation of the Russian Federation of April 30, 2018 № 18, Art. 2581.
4. The state of crime in Russia for January – December 2020. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. URL : https://genproc.gov.ru/upload/iblock/4fb/sbornik_12_2020.pdf (date of application 12.04.2021).
5. Russkevich E.A. New norms of the Criminal Code on «electronic» fraud and corruption crimes / E.A. Russkevich // Criminal process. 2018. № 7.
6. Arkhipov A.V. Selfish goal as a sign of theft / A.V. Arkhipov // Criminal Law. 2016. № 1.
7. Teplova D.O. Selfish purpose and motive as signs of theft / D.O. Teplova // A Russian investigator. 2013. № 13.
8. Fedorov D.A. Accounting for the amount of theft in «special» fraud compositions (Article 159. 1-159. 6 of the Criminal Code of the Russian Federation) / D.A. Fedorov // Russian investigator. 2014. № 4.
9. Lopashenko N.A. Crimes against property. Theoretical and Applied Research. M. : LexEst, 2005.

Лисицын Валерий Владимирович
Заслуженный юрист
Российской Федерации,
профессор,
Российский государственный
университет правосудия
v_lisitsyn@bk.ru

ПРИМИРИТЕЛЬНОЕ ПОСРЕДНИЧЕСТВО В ЭНЕРГЕТИЧЕСКОМ ПРАВЕ РОССИИ И РЯДЕ РАЗВИТЫХ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН: МИФ ИЛИ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ?

Аннотация. На протяжении многих десятилетий экономика России в значительной мере зависит от использования природных ресурсов, в том числе, от добычи и продажи нефти и газа. За столь долгий период времени отношения в рассматриваемой сфере не могли не получить соответствующего правового опосредования. В работе предпринята попытка анализа эффективности медиации в сфере энергетики, указаны особенности, позволяющие рассматривать ее в качестве разновидности примирительного посредничества, которое обеспечивает функционирование системы защиты прав и законных интересов субъектов энергетических правоотношений в России и за рубежом.

Ключевые слова: энергетическое право, защита прав и законных интересов субъектов энергетических правоотношений, примирительное посредничество, медиация.

На протяжении многих десятилетий экономика России в значительной мере зависит от использования природных ресурсов, в том числе, от добычи и продажи нефти и газа. За столь долгий период времени отношения в рассматриваемой сфере не могли не получить соответствующего правового опосредования. Тем не менее, по утверждению П.Г. Лахно: «Идея об энергетическом праве в системе права России доктринально появилась в последнее десятилетие XX в. Эта идея во многом явилась следствием активного участия ученых юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова в работах по совершенствованию правового регулирования отношений в сфере энергетики... Энергетическое право определяется в качестве комплексной отрасли права, отрасли законодательства, научной и учебной дисциплины» [1].

Сегодня курс «Энергетического права» читается во всех ведущих юридических вузах нашей

Valery V. Lisitsyn
Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Professor,
Russian State University of Justice
v_lisitsyn@bk.ru

CONCILIATORY MEDIATION IN THE ENERGY LAW OF RUSSIA AND A NUMBER OF DEVELOPED FOREIGN COUNTRIES: MYTH OR ECONOMIC NECESSITY?

Annotation. For decades, Russia's economy has been heavily dependent on the use of natural resources, including the extraction and sale of oil and gas. For such a long period of time, relations in the sphere under consideration could not but receive the appropriate legal mediation. The paper attempts to analyze the effectiveness of mediation in the energy sector, the features that allow us to consider it as a kind of conciliatory mediation that ensures the functioning of the system of protection of the rights and legitimate interests of subjects of energy legal relations in Russia and abroad are indicated.

Keywords: energy law, protection of the rights and legitimate interests of subjects of energy legal relations, conciliatory mediation, mediation.

страны. Его содержание является традиционным предметом межвузовских научных конференций. Курс «Энергетического права» имеет достаточно стройную – логически выдержанную структуру:

- понятие, содержание и особенности энергетического права;
- источники энергетического права;
- методы и принципы правового регулирования отношений в сфере энергетики;
- субъекты энергетического права; право первичных источников энергии (правовой режим энергетических природных ресурсов, в том числе, возобновляемых источников энергии);
- правовой режим энергетических объектов; государственное регулирование предпринимательской деятельности в сфере энергетики в

более широком плане, экономической деятельности в данной сфере;

- саморегулирование в энергетической сфере;
- особенности договорного регулирования отношений в сфере энергетики [2].

Важное место в нем занимает раздел, связанный с защитой прав и законных интересов субъектов энергетического права [3]. Как известно, уровень правоохраны является действенным стимулом эффективности экономического развития и ярким индикатором инвестиционной привлекательности, причем, не только в сфере энергетики. К сожалению, при подготовке настоящей статьи автору не удалось обнаружить комплексных научных исследований, посвященных названной проблеме. Указанное обстоятельство обусловило необходимость обращения к данным судебной статистики. Поверхностное ознакомление с последней не позволяет безупречно точно выделить все энергетические споры. Они могут быть обнаружены в различных разделах годового отчета о деятельности, прежде всего, арбитражных судов, как то, - поставка, подряд, перевозка, страхование и прочие виды гражданско-правовых обязательств. Тем не менее, раздел: «О неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств в сфере энергоснабжения» безошибочно позволяет ограничить предмет исследования. Условно назовем их «абсолютно энергетическими», понимая при этом, что имеем дело лишь с частью вершины айсберга, который, в том числе, образуют и споры в сфере ЖКХ.

Анализ статистики за последние три года показывает, что количество «абсолютно энергетических» споров ежегодно меняется. Так в 2018 г. их поступило в первую инстанцию на рассмотрение: 281796, удовлетворено – 237668 (83,3 %). Сумма заявленных требований – 522466136, взыскано судом – 281482694 (54 %). Соответственно – в 2019: 296 748 (рост на 5 %) и 246487 (рост на 3,5 %). Сумма заявленных требований – 1720381337 (рост в 3,1 раза), взыскано судом – 243589697 (удовлетворено одно из семи заявленных требований или 14%). В 2020 году соответственно: 292925 (снижение на 1,3 %), 251073 (рост на 1,8 %). Сумма заявленных требований – 354218470 (снижение в 4,8 раза), взыскано судом – 203049091 (57 %) [4].

Таким образом, в рассматриваемой сфере все внешне выглядит вполне благополучно: суды не только своевременно и очень бюджетно (с учетом размера госпошлины и устанавливаемой судами стоимости юридических услуг) рассматривают данную категорию дел, но и удовлетворяют подавляющее большинство требований. Однако здесь уместно вспомнить старую русскую поговорку: «Гладко было на бумаге, но забыли про овраги!» Что имеется в виду? Когда мы начинаем знакомиться с отчетами ФССП РФ, то узнаем о существовании любопытного факта для мировой цивилизованной правоприменительной практики: подавляющее большинство вступивших в законную силу решений судов РФ по-прежнему не исполняется! Так, ознакомление со статистичес-

кими данными ФССП РФ за 2020 год позволяет нам увидеть там соответствующее число – скромные 47 %! Что это означает? А ровным счетом то, что меньше половины истцов – субъектов энергетических (и не только) правоотношений смогут, хотя бы частично, удовлетворить свои законные и обоснованные требования. Резонен, в этой связи, вопрос: А какова эффективность государственной защиты прав и законных интересов участников энергетического рынка в РФ?

Сознательно игнорируя ответ на первый (традиционный для России вопрос: «Кто виноват?»), оставляя его уполномоченным лицам). Мы же попытаемся вернуться ко второй его части: «Что следует делать в сложившейся ситуации»? [5]. Убеждены, что в данной области, как впрочем, и в других, нужны инновационные решения: новые технологии, которые не только помогут повысить эффективность защиты прав и законных интересов субъектов энергетических правоотношений, но и снизить колоссальную судебную нагрузку.

Справедливости ради, следует отметить, что для снижения судебной нагрузки и повышения эффективности защиты прав и законных интересов граждан и предпринимателей определенные меры, все же, предпринимаются. Это – и модернизация системы приказного производства [6], и введение упрощенного производства, эффективность которого, по мнению известных специалистов, ниже в гражданском процессе по сравнению с арбитражным [7].

Вместе с тем, сравнительный анализ судебной статистики за 2019 и 2020 годы (как и в предыдущие годы) [8] показывает, что отмеченные выше меры не влекут уменьшения общего объема судебной нагрузки, а также – снижения правовой напряженности. Причина проста и очень прозаична: решение суда, как правило, не ведет к прекращению социального конфликта, возникшего между тяжущимися. Нередко, после оглашения судебного решения, этот конфликт разгорается с новой силой, уходя из гражданско-правовой, – в уголовно-правовую сферу. Примеры такого рода «неправовых разбирательств» с возвратом в лихие 1990-е, после завершения судебного процесса, автору периодически приводят на лекциях слушатели – федеральные судьи. В последнее время их все чаще нам демонстрируют федеральные средства массовой информации [9].

Причины складывающегося положения во многом обусловлены высоким уровнем конфликтности нашего общества, который искусственно подогревается. К большому сожалению, средства массовой информации, телевидение, театр и кино во многом этому способствуют, пропагандируя культ бездуховности, вседозволенности, жестокости и насилия.

Любопытно, что наше обращение к истории права Российской Империи позволяет обнаружить интересные и более эффективные решения в рассматриваемой области. В частности: в отечественном законодательстве задача снижения судебной нагрузки и повышения эффективности правосудия за счет использования примиритель-

ного посредничества [10] впервые была поставлена и успешно решалась практически два с половиной века назад! При этом следует подчеркнуть, что примирительные способы и формы урегулирования коммерческих споров в нашей стране в XVIII–XIX вв. успешно реализовывались в деятельности торговых судов Российской Империи [11].

Справедливости ради следует отметить, что в рассматриваемой области современный законодатель все же принимал определенные меры. Так, в 2010 году принят и введен в действие 1.01.11 ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» [12].

К большому сожалению, отечественные парламентарии не услышали научную общественность своей страны [13]. В силу действия этой причины эффективная во всем мире технология, в том числе, в сфере защиты прав и законных интересов предпринимателей и потребителей, в России провалилась в своей реализации. По данным проведенного автором исследования, а им в 2020–21 годах были опрошены более 300 федеральных судей из 80 регионов РФ, медиацию в своей практике пытались использовать не более 6 % судей. Именно по этой причине судебная медиация в арбитражных судах РФ применялась в 2020 году только по 6 делам! Смехотворный воистину результат!

Провальный результат судебной медиации в России сегодня пытаются исправить немногочисленные объединения отечественных медиаторов. Так, по информации Коллегии Посредников при ТПП РФ: «В ходе рассмотрения дела № А57-9491/2019 на стадии кассационного обжалования в Суде по интеллектуальным правам спорящие стороны обратились в Коллегию посредников по проведению примирительных процедур при Торгово-промышленной палате Российской Федерации с целью мирного разрешения спора при содействии независимого профессионального медиатора.

В предмет медиации стороны включили все текущие разногласия, связанные с использованием словесного обозначения «Газпром» в фирменном наименовании, в частности, заявленные в рамках дел № СИП-204/2020, СИП-205/2020, СИП-527/2020, СИП-528/2020, заключили соглашение о проведении процедуры медиации. По итогам процедуры медиации стороны подписали **медиативное соглашение, которое утверждено судом в качестве мирового** (выделено автором). Производство по всем делам Судом по интеллектуальным правам прекращено. В Коллегию стороны представили информацию об исполнении условий медиативного соглашения в полном объеме» [14].

Следует поддержать активность Коллегии Посредников при ТПП (председатель Ю.В. Ширяева) по урегулированию споров в сфере энергетики. Однако анализ содержания размещенного здесь же Постановления Суда по интеллекту-

альным правам по делу № А57-9491/2019 [15] вызвал у автора ряд законных и обоснованных вопросов: 1) каким образом Коллегия урегулировала указанный ей спор, если ни один из зарегистрированных на сайте посредников не принял участие в судебном заседании? 2) почему, вопреки утверждению Коллегии, суд по делу № А57-9491/2019 вместо медиативного утвердил обычное мировое соглашение? Возможно, на сайте не совсем точно и неполно изложена необходимая информация, но в представленном виде она выглядит крайне противоречиво.

Обращает на себя внимание тот факт, что сама процедура медиации и ее провайдеры – частнопрактикующие медиаторы России вызывают негативную реакцию в судебном сообществе. Так по данным проведенного автором и упомянутого выше исследования в эффективности медиации верят 4,15 % опрошенных судей. На вопрос: «Если вы считаете медиацию не эффективной, то почему?» ответы федеральных судей расположились следующим образом. Так, 8,5 % опрошенных заявили, что «Предложенная законодателем модель медиации противоречит нашим традициям примирения», 51 % – считают, что в РФ «мало подготовленных медиаторов» (мною в ходе опроса установлено, что эта проблема особенно актуальна для малых городов и сельской местности). По мнению 18,2 % респондентов, это обусловлено низкой исполняемостью заключенных входе медиации соглашений, а 20 % – просто не доверяет названной процедуре. Разительный контраст в исследуемой области мы обнаруживаем в зарубежных правовых порядках. Анализируя практику медиации в США, Е.И. Носырева справедливо подчеркивает: «Посредничество применимо практически ко всем спорам, возникающим из гражданских, семейных, трудовых правоотношений. Особенно отмечается его эффективность в урегулировании коммерческих споров... Практика урегулирования коммерческих споров показывает, что из каждых пяти дел, переданных к посредничеству, четыре разрешаются положительно» [16].

Непосредственное ознакомление автора с практикой медиации в Штате Массачусетс (США, 2006 год) с прослушиванием лекций профессоров Гарвардского и Бостонского Университетов полностью подтвердило обоснованность сделанных проф.Носыревой выводов. Следует подчеркнуть, что активное развитие медиации в США стало своевременной и эффективной реакцией национальной судебной системы на возросшую судебную нагрузку. При активной поддержке государства и бизнес-сообщества с конца XX века бесплатные службы медиации стали создаваться и по настоящий момент активно функционируют в каждом муниципалитете, университете, колледже, школе и так далее. Коммерческая медиация успешно практикуется во всех без исключения сферах предпринимательской деятельности, в том числе в энергетике. Без предварительного прохождения примирительных процедур обращение с иском в американские суды крайне затруднительно [17].

Показателен опыт в рассматриваемой области одной из ведущих стран Европейского Союза – Франции. Там 7 декабря 2006 года была создана независимая общественная национальная структура в области медиации (закон № 2006–1537 от 07.12.2006 г.), занимающаяся вопросами энергетики (Le médiateur national de l'énergie, LMNE). Статус организации был закреплен в законе №2017-55 от 20.01.2017 г. [18].

Целями LMNE являются: защита законных прав потребителей, а также поиск взаимоприемлемых решений в спорах между потребителями и поставщиками энергии (газ, электричество). Организация входит в так называемый «Клуб медиаторов общественных служб» (Le Club des Médiateurs du Service Public), который был создан в 2002 году с целью объединения медиаторов, работающих в социальной сфере (администрации, предприятия, местные общественные организации) [19].

Цели и задачи LMNE закреплены в статьях с L. 122-1 по L. 122-5 и с R. 122-1 по R. 122-12 Энергетического кодекса Франции (Code de l'énergie).

В статье L122-5 Кодекса указано, что национальная структура в области медиации, занимающаяся вопросами энергетики, является независимым государственным органом, наделенным соответствующими правами и финансовой автономией. Ее финансирование обеспечивает государство.

В соответствии со статистикой организации: в 2020 году наблюдалось 19 % увеличение количества споров в области энергетики (в 2019 году было зарегистрировано 22807 споров). В течение 2020 года поступило 27203 заявления о проведении медиации. Большая часть обращений поступила в call-центр LMNE по бесплатному номеру на который могли позвонить все желающие и получить бесплатную консультацию. Call-центр зарегистрировал 10666 обращений.

Вторым способом регистрации заявлений о проведении медиации стала созданная на базе LMNE интернет платформа SOLLEN, занимающаяся вопросами онлайн медиации в области

энергетики. Перевод аббревиатуры дословно звучит как Онлайн разрешение споров в области энергетики (Solution en Ligne pour les Litiges de l'Energie). На сайте SOLLEN в 2020 году было зарегистрировано 9039 обращения. Целью интернет-платформы является проведение онлайн медиации в области энергетики, а также упрощение взаимодействия предприятий и организаций с потребителями в рамках урегулирования конфликтов в указанной сфере.

Помимо этого, 3945 обращений были направлены в организацию заказными письмами, 3454 обращения поступили на сайт energie-info.fr в форме заявки для обратной связи [20]. По результатам рассмотрения споров медиаторами было предложено 7681 решение, что стало на 13 % больше, чем в 2019 году. В целях экономии времени на рассмотрение споров медиаторы стали проводить классификацию конфликтов по повторяемости. Таким образом, сторонам, обратившимся к услугам LMNE, предлагают уже готовые решения, которые, как правило, устраивают потребителей энергии.

В 2020 году количество подписанных медиативных соглашений в области энергетики составило 4900, что стало на 23 % больше, чем в 2019 году (заключено 4000 соглашений). Пандемия коронавирусной инфекции внесла свои коррективы в продолжительность рассмотрения споров. Средний срок составил 83 дня, что стало на 13 дней больше, чем в 2019 году и на 20 дней в 2018 году соответственно. Вместе с тем, даже указанные сроки вписываются в границы, очерченные законодателем (90 дней).

Проведенный в феврале 2021 года опрос потребителей, обратившихся к услугам LMNE, показал, что 82 % опрошенных остались довольны результатами медиации в области энергетики [21].

Приведенные выше данные убедительно доказывают, что примирительное посредничество в энергетическом праве целого ряда развитых зарубежных стран стало экономической необходимостью. Убежден, что указанный опыт давно пора использовать в современной России.

Литература:

1. *Лакно П.Г.* Энергетическое право Российской Федерации: становление и развитие : монография. М. : Изд-во МГУ, 2014.
2. *Лакно П.Г.* Об энергетическом праве и не только... / П.Г. Лакно // *Хозяйство и право*. 2019. № 4.
3. *Лисицын В.* Полтора века медиации в России / В. Лисицын // *Медиация и право*. 2008. № 2(8).
4. *Лисицын В.В.* Коммерческие суды Российской империи – центры медиации и права при разрешении торговых споров / В.В. Лисицын // *Вестник Арбитражного суда города М.*, 2008. № 5.

Literature:

1. *Lakhno P.G.* Energy law of the Russian Federation: formation and development : monograph. M. : Publishing house of Moscow State University, 2014.
2. *Lakhno P.G.* About energy law and not only... / P.G. Lakhno // *Economy and law*. 2019. № 4.
3. *Lisitsyn V.A* century and a half of mediation in Russia / V.A. Lisitsyn // *Mediation and law*. 2008. № 2(8).
4. *Lisitsyn V.V.* Commercial courts of the Russian Empire – centers of mediation and law in resolving trade disputes / V.V. Lisitsyn // *Bulletin of the Arbitration Court of the City of M.*, 2008. № 5.

5. *Лисицын В.В.* Некоторые организационные аспекты разрешения коммерческих споров в России и США (история и современность) / В.В. Лисицын, Н.В. Лисицын // Российское правосудие. 2008. № 8.

6. *Лисицын В.В.* Не доросли до медиации. Детские болезни новой процедуры / В.В. Лисицын // Российская бизнес-газета № 801(19). 07.06.2011.

7. Правовое обеспечение энергетической безопасности и защиты прав участников энергетических рынков. К 80-летию со дня рождения член-корр. РАН, проф. В.А. Мусина / Под ред. В.В. Романовой. М., 2019;

8. *Приходько И.* Изменения в приказном и упрощенном производствах и их применение (комментарий к Постановлениям Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2016 № 62 и от 18.04.2017 № 10) / И. Приходько // Хозяйство и прав. 2017. № 8 (Приложение). С. 1–59.

9. Постановление Пленума ВС РФ от 27.12.2016 № 62 «О некоторых вопросах применения судами положений ГПК РФ и АПК РФ о приказном производстве». URL : <https://www.eg-online.ru/article/336478/>

10. *Носырева Е.И.* Альтернативное разрешение споров в США. М., 2005.

11. Rapport d'activité 2020. Le mediateur national de l'énergie. P. 59.

5. *Lisitsyn V.V.* Some organizational aspects of commercial dispute resolution in Russia and the USA (history and modernity) / V.V. Lisitsyn, N.V. Lisitsyn // Russian justice. 2008. № 8.

6. *Lisitsyn V.V.* Did not grow up to mediation. Children's diseases of the new procedure / V.V. Lisitsyn // Russian Business newspaper № 801(19). 07.06. 2011.

7. Legal support of energy security and protection of the rights of participants in energy markets. To the 80th anniversary of the birth of a corresponding member of the Russian Academy of Sciences, prof. V.A. Musina / Ed. by V.V. Romanova. M., 2019;

8. *Prikhodko I.* Changes in the form and simplified production and their application (a comment on the Decisions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27.12.2016 № 62 from 18.04.2017 № 10) / I. Prikhodko // Economy and rights. 2017. № 8 (Appendix). P. 1–59.

9. The resolution of the Plenum of the RF armed forces 27.12.2016 № 62 «About some questions of application by courts of the provisions of the code of civil procedure of the Russian Federation and of the APC on writ proceedings». URL : <https://www.eg-online.ru/article/336478/>

10. *Nosyreva E.I.* Alternative dispute resolution in the USA. M., 2005.

11. Rapport d'activité 2020. Le mediateur national de l'énergie. P. 59.

Марченко Геннадий Викторович

доктор исторических наук,
профессор кафедры
управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
gen.marchenko@yandex.ru

Паншина Светлана Васильевна

кандидат педагогических наук,
доцент кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
panshina.svetlana.2020@yandex.ru

Шеянов Константин Валентинович

старший преподаватель
кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
5fu-k1965@mail.ru

**АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ИНФОРМАЦИОННОГО
ПРОТИВОБОРСТВА В КОНТЕКСТЕ
РЕАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖНОЙ
ПОЛИТИКИ НА ТЕРРИТОРИИ
СУВЕРЕННОГО ГОСУДАРСТВА:
ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

■ ■ ■

Аннотация. В статье представлен анализ наиболее значимых аспектов нормативно-правового регулирования молодежной политики в Российской Федерации, а также - основные контуры ее правового закрепления и реализации в странах-членах Европейского союза. Выявляя некоторые направления информационных атак ряда зарубежных организаций на российскую молодежь и акцентируя внимание на отдельных аспектах формирования легитимной информационной среды, способствующей нейтрализации деструктивного воздействия на молодое поколение, авторы приходят к выводу о необходимости дальнейшего совершенствования правового механизма блокирования информационного давления на молодежь и принятия на государственном уровне более действенных мер по решению комплекса молодежных проблем.

Gennady V. Marchenko

Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
gen.marchenko@yandex.ru

Svetlana V. Panshina

Candidate of Pedagogical Sciences,
Associate Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
panshina.svetlana.2020@yandex.ru

Konstantin V. Sheyanov

Senior Lecturer of the Department
Of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
5fu-k1965@mail.ru

**ACTUAL PROBLEMS OF INFORMATION
CONFRONTATION IN THE CONTEXT
OF THE IMPLEMENTATION OF YOUTH
POLICY IN THE TERRITORY
SOVEREIGN STATE: THEORETICAL
AND LEGAL RESEARCH**

■ ■ ■

Annotation. The article presents an analysis of the most significant aspects of the legal regulation of youth policy in the Russian Federation, as well as the main outlines of its legal consolidation and implementation in the member states of the European Union. Identifying some areas of information attacks by a number of foreign organizations on Russian youth and focusing on certain aspects of the formation of a legitimate information environment that helps to neutralize the destructive impact on the younger generation, the authors come to the conclusion that it is necessary to further improve the legal mechanism for blocking information pressure on youth and adoption at the state level. more effective measures to solve a complex of youth problems.

Ключевые слова: международное право, государственный суверенитет, информационное противоборство, легитимная информационная среда, информационная инфраструктура, молодежная политика.

Keywords: international law, state sovereignty, information confrontation, legitimate information environment, information infrastructure, youth policy.

В современных условиях динамичного развития общественных отношений одним из центральных направлений обеспечения социального благополучия и предметом государственной заботы является реализация молодежной политики. В соответствии с п. «е» ч. 1 ст. 72 Конституции Российской Федерации, общие вопросы молодежной политики как предмет совместного ведения требуют единого правового регулирования в масштабах Российской Федерации, предполагая при этом установление разграничения полномочий совместного ведения между Федерацией и ее субъектами, соотношение их объемов и пределов. В Российской Федерации к молодежи относится социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно, имеющих гражданство Российской Федерации. Исходя из положения п. 4 ст. 2 Федерального закона от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», под молодежной политикой следует понимать комплекс мер нормативно-правового, финансово-экономического, организационно-управленческого, информационно-аналитического, кадрового, научного и иного характера, направленных на создание условий для развития молодежи, ее самореализации в различных сферах жизнедеятельности, на гражданско-патриотическое и духовно-нравственное воспитание молодых граждан в целях достижения устойчивого социально-экономического развития, глобальной конкурентоспособности, национальной безопасности Российской Федерации. В кругу приоритетных задач по достижению целей государственной молодежной политики «Основами государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» особое место занимает задача по формированию информационного поля, благоприятного для развития молодежи, а также повышению эффективности использования информационной инфраструктуры в интересах патриотического и гражданского воспитания молодежи [7]. По нашему представлению, эффективность решения данной задачи способствует обеспечению ожидаемого результата в условиях современной вариации информационного противоборства, объектом вовлечения в которое выступает молодежь. При этом следует отметить, что согласно указанным «Основам государственной молодежной политики», под «инфраструктурой молодежной политики» понимается система государственных, муниципальных организаций и общественных объединений, а также, иных организаций всех форм собственности, обеспечивающих возможность для оказания услуг и проведения мероприятий, направленных на развитие молодежи. Базовым условием реализации молодежной политики выступают межведомственное взаимодействие органов системы публичной власти, при участии институтов гражданского общества, различных

юридических лиц и граждан Российской Федерации. Для сравнения в Европейском союзе (далее – ЕС) молодежная политика относится к разряду вспомогательных компетенций стран – членов ЕС, обладающих возможностью осуществлять собственные меры поддержки и координации отдельных направлений молодежной политики. В ноябре 2001 г. Европейская комиссия приняла Белую книгу «Новые стимулы для молодежи Европы», объединяющую идеи учреждения новой структуры, способствующей:

- во-первых, консолидации всех заинтересованных лиц, действующих в сфере молодежной политики;
- во-вторых, вовлечению молодежи в более активное участие в процесс принятия решений по многим ключевым вопросам общественной жизни [9].

Накопленный потенциал сетевых технологий и существующий арсенал технологических приемов воздействия на сознание европейской молодежи подтверждается обширностью принятых программ и сформированных к настоящему времени различных молодежных объединений, практикующих многообразие способов реализации своих целей, осуществляющих европейское измерение молодежной информации и корреспондирующих букве и духу «Европейской Хартии молодежной информации» от 19 ноября 2004 г. [4]. К указанным программам и объединениям следует отнести Молодежные программы ЕС «Эразмус» («Erasmus») и «Молодежь в действии», Молодежные информационные центры и сервисы, Информационный центр по Европейской и Международной мобильности, Международную гражданскую службу («Service Civil International» – SCI), партнерскую сеть «Евродеск» («EURODESK»), виртуальный Европейский центр Знаний о молодежной политике, Фонд Солидарности для мобильности молодежи («The Solidarity Fund for Youth Mobility»), Европейское молодежное агентство информирования и консультирования («ERYICA»), Европейский Молодежный Форум («YFJ»), Европейскую ассоциацию молодежных карточек («EYCA») и др. Общим для отмеченных программ и объединений является их непосредственное интегрирование в сетевое Интернет-пространство. При этом к индикаторам молодежного информирования относятся:

- роль правительства;
- законодательство в области молодежной информации; стабильность финансирования;
- равный доступ для всех;
- региональное и местное измерение;

- научные исследования и экспертиза;
- инновации;
- участие молодежи;
- межсекторное взаимодействие;
- качество услуг;
- обучение;
- разнообразие предоставляемой информации [5, p. 21–22].

Несомненный интерес для выявления европейской системы международного информирования молодежи в контексте придания ей импульса протестного движения представляют следующие документы ЕС:

«Доступ молодых людей к правам через молодежное информирование и консультирование» [11];

«Руководство о доступе молодых людей из неблагополучных районов к социальным правам» [12];

«Компас-пособие по образованию в области прав человека с участием молодежи» [10] и ряд других документов.

Ситуация тотального перевода в формат цифрового общения современных каналов коммуникации с участием молодежи, ориентированных на процесс ее активизации в общественных делах и решение многих задач личного характера, предопределяет особую роль сетевых технологий первого двадцатилетия XXI в., используемых не только для разрешения различного рода жизненных проблем молодежи, но и для превращения молодых людей в объект информационного противоборства. При определении термина «информационное противоборство» мы разделяем точку зрения С.Ю. Чимарова, отметившего следующее: «Под информационным противоборством следует понимать информационный компонент отношений и соответствующие формы противостояния между различными противоборствующими сторонами, целеполагание деятельности которых заключается в достижении победы над вероятным противником в результате информационных атак на его информационные ресурсы, инфраструктуру и сознание населения, а также, на минимизацию эффективности ответных действий противника на свою информационную сферу и сознание своего населения» [8, с. 66–67].

Согласно выводу данного автора, эффективность проявления информационного противоборства проявляется на трех уровнях:

- 1) информационное поражение/информационная победа (высший уровень);
- 2) подрыв морального духа и психологической готовности населения противоборствующей стороны (средний уровень);

3) порождение у населения противоборствующей стороны сомнения в правильности происходящего в стране:

- политический курс;
- состояние экономики;
- борьба с коррупцией;
- реализация канонов справедливости;
- уровень общественной безопасности, правопорядка и другие показатели (низший уровень) [8, с. 66–67].

К примеру, в отмеченном «Компасе-пособии» в решении задачи защиты своих прав молодежи предлагается, при необходимости, оказывать давление на представителей власти посредством сотрудничества с ними или доведения до них своих аргументов иногда через протест или давление, поскольку, «как правило, политика изменяется в результате воздействия по разным направлениям – через сотрудничество и конфронтацию» [10, p. 366].

С правовой точки зрения современные проблемы информационного противоборства имеют прочное сопряжение с решением вопроса обеспечения легитимной информационной среды, под которой в нормативно-правовом плане понимается:

- во-первых, состояние психики должностных лиц, общественных деятелей и населения государства;
- во-вторых, действующие в обществе модели принятия решений и воздействия на общественное сознание;
- в-третьих, легитимная информационная инфраструктура [6].

В этой связи следует заметить, что указанное «Компас-пособие» акцентирует внимание на целесообразности следующих действий молодежи, связанных со специфическим подходом к формированию новой системы координат легитимной информационной среды:

1. В формате участия в сетевом «Международном молодежном правозащитном движении» («МПД») активизация молодых людей, преимущественно, из стран Центральной и Восточной Европы в их совместной работе по поддержке акций в защиту прав молодежи и формированию нового поколения защитников прав человека.
2. Формирование картины потребностей, проблем и ее сетевое продвижение посредством распространения шокирующей или малоизвестной информации в качестве рычага давления на власти или средства давления на общественность.
3. Участие в оказании давления на отдельные государства посредством задействования механизма лоббирования, проведения кампаний и акций с опорой на потенциал различных

ассоциаций, неправительственных организаций, благотворительных обществ и других инициативных групп граждан.

4. Организация молодежных инициатив по образцу, апробированной в России инициативы «Legal Team», специализирующейся на оказании юридической помощи молодым людям, пострадавшим от действия полиции [10, р. 367–374].

Отмеченные правозащитные рекомендации в направлении легитимизации нового понимания молодежной политики наиболее обстоятельно разработаны зарубежными организациями «Международная амнистия» («Amnesty International»); «Хьюмэн Райтс Вотч» («Human Rights Watch»); «Хьюмэн Райтс Ферст» («Human Rights First»); «Интеррайтс» («InterRights») и др.

Целеполагание информационного давления на государственные структуры указанных и им подобных международных организаций в плане корректирования молодежной политики корреспондирует концепции третьего поколения прав как формы юридизации отношений между социальными общностями, включая молодежь. В данном случае речь идет о правовой концепции, квинтэссенция которой заключается в экстраполяции индивидуальных прав человека на взаимоотношения социальных общностей и выражение притязаний человека на свободу социальной самоорганизации [2, с. 45].

Исходя из логики формирования новой парадигмы легитимной информационной среды, отмеченные зарубежные молодежные организации придерживаются следующего свода рекомендаций:

- во-первых, организация кампаний по подготовке писем, «бомбардирующих» органы публичной власти обширным массивом писем от своих членов в различных странах;
- во-вторых, проведение уличных акций или демонстраций с тиражированием их миссии и хода проведения в СМИ, социальных сетях и на различных других платформах Интернета;
- в-третьих, подготовка своих («альтернативных») докладов в адрес контрольного органа ООН с целью формирования общей картины реального положения дел с правами человека в конкретной стране;
- в-четвертых, в дополнение к демонстрациям поддержки или общественного возмущения – проведение неофициальных встреч или брифингов для должностных лиц.

Обобщая общий тренд технологических приемов выражения молодежного протеста, инструктивные указания зарубежных манипуляторов формулируют следующий вывод: «Иногда простой угрозы сделать что-либо достоянием гласности бывает достаточно, чтобы добиться изменений в политике или практике. Если когда-то для этого

использовались кассеты, плакаты или факс, теперь для этого служат кампании электронных рассылок и подачи петиций, Интернет-сайты, блоги и социальные сети» [10, с. 421]. Указанные документы ЕС, включая специальные программы, руководства и пособия по реализации молодежной политики и интегрированию молодых людей под эгидой правозащитной деятельности в число акторов протестного движения актуализируют необходимость апеллирования к теме правового регулирования в сфере информационного противоборства. Данный тезис подтверждается выводом А.Р. Алиева о сопряженности национального правового воздействия в отмеченной сфере с применением комплекса усилий по «включению» совокупности юридических средств на правовое регулирование отношений между различными сторонами информационных отношений в мировом масштабе [1].

По нашему мнению, целеполагание правового регулирования в сфере информационного противоборства заключается:

- во-первых, в совершенствовании законодательной основы обеспечения информационной безопасности и защиты национальных интересов государства;
- во-вторых, в оптимизации информационных отношений участников информационного противостояния и приведения их в соответствие с нормами международного права.

Подводя итог изложенному, мы полагаем обоснованным утверждение о целесообразности развития информационных отношений между государствами в духе международной концепции «ограничения информационного агрессии» и ее подкрепления действием национальной концепции «минимизации последствий информационной агрессии», способствующей упрочнению суверенитета государства. Отмеченный тезис корреспондирует отдельным экспертным оценкам отечественных специалистов в области международного права, выводы которых заключаются в констатации того, что государственный суверенитет имеет такое же прямое отношение к информационному пространству, как и к геофизическим видам пространства [3]. Таким образом, с точки зрения международного права, действие первой указанной концепции является желательным, а с позиции национального права, – действие второй концепции необходимым. Применительно к особенностям реализации молодежной политики в контексте современного информационного противоборства, следует признать необходимость адресного воздействия различных государственных институций по направлениям оперативного и качественного решения комплекса жизненных проблем молодых людей, подкрепленной активизацией контрпропагандистской работы с молодежью на основах российского патриотизма и осознанию молодыми людьми ответственности за судьбу своей страны.

Литература:

1. *Алиев А.Р.* К проблеме международно-правового регулирования в сфере информационного противоборства / А.Р. Алиев // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. С. 277–279.
2. *Варламова Н.В.* Третье поколение прав человека как форма юридизации отношений между социальными общностями / Н.В. Варламова // История государства и права. М. : Юрист, 2009. № 15. С. 44–47.
3. *Дылевский И.Н.* адаптации международно-правового понятия «агрессия» к специфике информационного пространства / И.Н. Дылевский [и др.] // Официальный сайт «Digital Report». URL : <https://digital.report/agressiya-v-cyber-prostranstve/> (дата обращения 20.06.2021).
4. Европейская Хартия молодежной информации. Принята 19 ноября 2004 г. URL : <https://studylib.ru/doc/2585087/evropejskaya-hartiya-molodezhnoj-informacii> (дата обращения 09.06.2021).
5. *Кангелоси А.* Развитие молодежной информации в Европе. Страсбург : Типография Совета Европы, 2010. 26 p. URL : <https://rm.coe.int/16807023ea> (дата обращения 27.06.2021).
6. Модельный закон ОДКБ № 11 – 3.3 от 30 октября 2018 г. «Об информационном противоборстве терроризму и экстремизму». URL : http://old.paodkb.ru/upload/iblock/914/p_3-3c_mz-inform_protivob_terror-docx.docx (дата обращения 20.06.2021).
7. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС «КонсультантПлюс».
8. *Чимаров С.Ю.* Актуальные вопросы информационного противоборства в Республике Беларусь: направления онлайн-воздействия на подрыв экономического уклада и общественного порядка в государстве / С.Ю. Чимаров // Тенденции развития науки и образования. 2021. № 70. Ч. 1. С. 66–69.
9. Act European Commission white paper of 21 November 2001 «White Paper on Youth». URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ac11055> (дата обращения 26.05.2021).
10. *Brander P.* Compass. Manual for Human Rights Education with Young People. Strasbourg : SPDP, Conseil de l'Europe, 2020. 486 p.
11. Information jeunesse et conseil pour l'accès des 14. Manuel de l'animateur en éducation non formelle pour la préparation et la prestation des sessions d'étude organisées dans les Centres européens de la jeunesse. Strasbourg : SPDP, Conseil de l'Europe, 2014. 104 p.

Literature:

1. *Aliev A.R.* On the problem of international legal regulation in the sphere of information confrontation / A.R. Aliev // Humanities, socio-economic and social sciences. 2015. №. 6-1. P. 277–279.
2. *Varlamova N.V.* The third generation of human rights as a form of legalizing relations between social communities / N.V. Varlamova // History of the State and law. M. : Lawyer, 2009. № 15. P. 44–47.
3. *Dylevsky I.N.* On the adaptation of the international legal concept of «aggression» to the specifics of the information space / I.N. Dylevsky // Official website of «Digital Report». URL : <https://digital.report/agressiya-v-cyber-prostranstve/> (date of application 20.06.2021).
4. European Charter of Youth Information. Adopted on November 19, 2004. URL : <https://studylib.ru/doc/2585087/evropejskaya-hartiya-molodezhnoj-informacii> (date of application 09.06.2021).
5. *Kangelosi A.* Development of youth information in Europe. Strasbourg : Printing House of the Council of Europe, 2010. 26 p. URL : <https://rm.coe.int/16807023ea> (date of application 27.06.2021).
6. CSTO Model Law № 11-3.3 of October 30, 2018 «On information warfare against terrorism and extremism». URL : http://old.paodkb.ru/upload/iblock/914/p_3-3c_mz-inform_protivob_terror-docx.docx (date of application 20.06.2021).
7. Decree of the Government of the Russian Federation № 2403-r of November 29, 2014 «On approval of the Fundamentals of the State Youth Policy of the Russian Federation for the period up to 2025» // SPS «ConsultantPlus».
8. *Chimarov S.Yu.* Actual issues of information confrontation in the Republic of Belarus: directions of online influence on undermining the economic structure and public order in the state / S.Yu. Chimarov // Trends in the development of science and education. 2021. № 70. Part 1. P. 66–69.
9. Act European Commission white paper of 21 November 2001 «White Paper on Youth». URL : <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=LEGISSUM%3Ac11055> (date of application 26.05.2021).
10. *Brander P.* Compass. Manual for Human Rights Education with Young People. Strasbourg : SPDP, Conseil de l'Europe, 2020. 486 p.
11. Information jeunesse et conseil pour l'accès des 14. Manuel de l'animateur en éducation non formelle pour la préparation et la prestation des sessions d'étude organisées dans les Centres européens de la jeunesse. Strasbourg : SPDP, Conseil de l'Europe, 2014. 104 p.

12. *O'Kelly K.* OLeitfaden zur Empfehlung CM // Rec (2015) 3 des Ministerkomitees an die Mitgliedstaaten über den Zugang von Jugendlichen aus benachteiligten Stadtteilen zu sozialen Rechten (ENTER). Strasbourg : Euparat, 2020. 72 p.

12. *O'Kelly K.* OLeitfaden zur Empfehlung CM // Rec (2015) 3 des Ministerkomitees an die Mitgliedstaaten über den Zugang von Jugendlichen aus benachteiligten Stadtteilen zu sozialen Rechten (ENTER). Strasbourg : Euparat, 2020. 72 p.

Оленева Анна Николаевна
бакалавр юриспруденции,
кафедра гражданского права,
Российский государственный
университет правосудия
annoleneva@yandex.ru

Сабашнюк Леонид Алексеевич
бакалавр юриспруденции,
кафедра гражданского права,
Российский государственный
университет правосудия
lsabashniuk@gmail.com

ЖИВОТНЫЕ КАК ОБЪЕКТЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В представленной статье анализируется специфика животных как объекта гражданских прав, а также отношений, складывающихся по поводу них. Приведены понятие, значение и классификация животных как объекта гражданских прав, а также, определено их место среди других объектов. Отдельно рассматривается вопрос о том, в каких случаях и какие именно животные могут быть объектом гражданских прав? Обозначены недавние существенные изменения российского законодательства в части регулирования отношений по поводу, как домашних, так и диких животных. Особое внимание обращается на некоторые дискуссионные вопросы несовершенства существующего законодательства.

Ключевые слова: гражданское право, правовой режим, объект гражданских прав, животные.

Большая часть вещей, которые участвуют в гражданском обороте, являются неодушевленными предметами материального мира. Однако гражданские правовые отношения могут возникать и по поводу одушевленных вещей, представленные живыми существами, к которым относятся дикие и домашние животные в случае распоряжения ими как имуществом. Ни Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), ни федеральные законы, ни иные нормативные правовые акты не дают четко сформулированного понятия «животные», в целом, потому мы вынуждены обратиться к источникам, предлагающим филологическое толкование этого понятия. С.И. Ожегов определяет животное как «живой организм, существо, обладающее способностью двигаться и питаться, в отличие от растений, готовыми органическими соединениями» [5, с. 17]. Д.Н. Ушаков толкует исследуемое понятие как «живое существо, способное чувствовать и

Anna N. Oleneva
Bachelor of Law,
Department of Civil Law,
Russian State University of Justice
annoleneva@yandex.ru

Leonid A. Sabashniuk
Bachelor of Law,
Department of Civil Law,
Russian State University of Justice
annoleneva@yandex.ru
lsabashniuk@gmail.com

ANIMALS AS OBJECTS OF CIVIL RIGHTS UNDER THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. The article analyzes the specifics of animals as an object of civil rights, as well as the relations that develop about them. The concept, meaning and classification of animals as an object of civil rights are given, and their place among other objects is determined. Separately, the question of in which cases and which animals can be the object of civil rights is considered. Recent significant changes in Russian legislation regarding the regulation of relations regarding both domestic and wild animals are outlined. Special attention is paid to some controversial issues of imperfection of the existing legislation.

Keywords: civil law, legal regime, object of civil rights, animals.

передвигаться» [9, с. 14]. Обобщая представленные выше определения, можно вывести следующее: животные – живые существа, способные чувствовать, передвигаться и питающиеся готовыми органическими соединениями.

Хотя в законодательстве и отсутствует единое понятие «животные», дикие, попадающие под действие гражданского законодательства, и домашние животные определены достаточно ясно [12, ст. 3]. При классификации животных как объекта гражданских прав следует учитывать их индивидуальные характеристики, потому как уже на этом этапе проявляется их специфика.

В первую очередь, животные относятся к вещам одушевленным, движимым, неделимым. На вопрос об оборотоспособности ответить однозначно невозможно, так как, хотя большинство животных и являются оборотоспособными,

некоторые из них могут быть ограничены в обороте. Ограниченными в оборотоспособности являются дикие животные, находящиеся в состоянии естественной свободы, так как они – часть животного мира, который находится в собственности государства, однако, компетентные государственные органы имеют право выдавать лицензии, при наличии которых оборотоспособность диких животных, всё же, допускается. Таким образом, отношения по владению, пользованию и распоряжению объектами животного мира гражданское законодательство регулирует в той степени, в какой их не регулирует Федеральный закон «О животном мире» [11, ст. 4].

По признаку функционального устройства животные могут быть как простыми, так и сложными вещами. Само по себе, отдельно взятое животное – это простая вещь, однако, рассматривать совокупность животных, которые обладают единым назначением, следует как сложную вещь. В качестве примера можно привести табун лошадей или улей с пчёлами.

Следующий критерий классификации – характер происхождения. Многие животные имеют естественный характер происхождения, но в современном мире стремительно развивается генная инженерия. В таких условиях уже можно сказать, что речь идёт об искусственном происхождении животных, в том числе. Это обусловлено тем, что человеческая деятельность имеет непосредственное влияние на появление новых видов, совершенствование уже имеющихся. Такой труд требует огромных как интеллектуальных, так и материальных затрат, а потому его результат составляет особую разновидность объектов патентно-правовой охраны.

Отдельно необходимо отметить, что животные приносят, можно сказать, определённые плоды, которые, в свою очередь, также следует подразделять на одушевлённые (потомство) и неодушевлённые (коровье молоко). Таким образом, мы можем наблюдать, что отсутствие единого чётко сформулированного понятия «животные», и их специфические черты создают сложности уже на этапе их классификации в системе объектов гражданских прав. Действующим законодательством Российской Федерации установлен различный правовой режим для объектов животного мира (диких животных) и всех остальных животных (домашних, сельскохозяйственных и иных) [2, с. 41]. Гражданским законодательством, в частности, закрепляется ряд норм, посвящённых животным. Помимо основополагающих положений ст. 137 ГК РФ, диктующих применение к животным общих правил об имуществе и недопущение жестокого обращения с ними, в ряд упомянутых норм также входят: ст. 221, устанавливающая право собственности на объекты животного мира, в том числе, и животных, по закону, разрешению собственника или в силу местного обычая:

– ст. 230–232, регламентирующие право собственности на безнадзорных животных;

– ст. 241, выделяющая такой отдельный способ прекращения права собственности, как выкуп

вследствие ненадлежащего содержания или жестокого обращения [1].

Более того, в последнее время были предприняты серьёзные попытки урегулирования отношений по поводу животных на уровне федерального законодательства. В частности, положения Федерального закона «Об ответственном обращении с животными», можно сказать, вывели законодательство в данной области на новый этап развития. Тем не менее, данный нормативный правовой акт вызвал немало споров как среди авторитетных юристов и политиков, так и среди других граждан. В число критиков вошли также владельцы животных, которые имеют возможность оценить новый закон в аспектах его применения. На данный момент идёт разработка новых подзаконных правовых актов, которые обеспечили бы эффективную реализацию Федерального закона. Постановление Правительства РФ «Об утверждении Перечня потенциально опасных собак» является одним из проектов таких подзаконных актов, который вызвал сильный диссонанс среди заинтересованных граждан. В изначальном списке содержалось 69 потенциально опасных пород собак, их гибриды и метисы, в отношении которых действует ч. 6 ст. 13 Федерального закона № 498-ФЗ в части порядка выгула и содержания на огороженной территории потенциально опасных собак [8]. 21 марта 2019 года на заседании круглого стола на тему «О ходе подготовки подзаконных актов, необходимых для эффективной реализации Федерального закона «Об ответственном обращении с животными» выступил президент Российской Кинологической Федерации Владимир Семёнович Голубев, в результате сумевший отстоять пересмотр и внесение изменений в перечень, который был сокращён с 71 до 13 пунктов [4].

Федеральный закон «О животном мире» от 24.04.1995 № 52-ФЗ не относится к гражданскому законодательству, однако, стоит нашего внимания, так как содержит пункты, передающие ему подконтрольность некоторых положений при определённых обстоятельствах. Так, ст. 4 Федерального закона «О животном мире» вопросы владения, пользования, распоряжения животным миром на территории России относит к совместному ведению Федерации и её субъектов, в то же время, в ст. 221 ГК РФ сказано: «В случаях, когда в соответствии с законом, общим разрешением, данным собственником, или в соответствии с местным обычаем на определенной территории допускается ... добыча ... животных, право собственности на соответствующие вещи приобретает лицо, осуществившее их сбор или добычу.»

Занесённые в Красную книгу животные практически изъяты из оборота. Порядок выдачи лицензий на связанную с ними деятельность регламентирует Постановление Правительства № 156 от 19.02.1996 [7], а правила их добычи (кроме водных) – Постановление Правительства № 13 от 06.01.1997 [6].

Помимо рассмотренной нормативной базы регулирования режима животных как объекта гражданских прав, следует упомянуть также

Федеральные законы «О племенном животноводстве» [10], содержащий нормы гражданского права в области племенного животноводства, и

Литература:

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) // «Собрание законодательства РФ». 05.12.1994.
2. *Гасников К.Д.* Животные как объект гражданских прав / К.Д. Гасников // «Законодательство и экономика». 2002. № 12. С. 41–43.
3. Закон РФ от 14.05.1993 № 4979-1 (ред. от 02.07.2021) «О ветеринарии» // «Ведомости СНД и ВС РФ». 17.06.1993.
4. Итоги круглого стола в Государственной Думе РФ: Общественная организация «СОКО РКФ», 2001—2021. URL : <http://rkf.org.ru/allnews/news/news2558.html>
5. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка. М. : Оникс, 2010. С. 141.
6. Постановление Правительства РФ от 06.01.1997 № 13 (ред. от 22.04.2019) «Об утверждении Правил добывания объектов животного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации, за исключением водных биологических ресурсов» // «Собрание законодательства РФ», 20.01.1997.
7. Постановление Правительства РФ от 19.02.1996 № 156 (ред. от 18.04.2014) «О Порядке выдачи разрешений (распорядительных лицензий) на оборот диких животных, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 26.02.1996.
8. Постановление Правительства РФ от 29.07.2019 № 974 «Об утверждении перечня потенциально опасных собак»: утверждено постановлением Правительства Российской Федерации от 29 июля 2019 г. № 974.
9. *Ушаков Д.Н.* Большой толковый словарь современного русского языка. М. : Альта-Принт, 2007. С. 130.
10. Федеральный закон от 03.08.1995 № 123-ФЗ «О племенном животноводстве» // «Собрание законодательства РФ». 07.08.1995.
11. Федеральный закон от 24.04.1995 № 52-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О животном мире» // «Собрание законодательства РФ», 24.04.1995.
12. Федеральный закон от 27.12.2018 № 498-ФЗ «Об ответственном обращении с животными и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL : <http://www.pravo.gov.ru>, 27.12.2018.

«О ветеринарии» [3], которые, в том числе, затрагивают регулирование гражданских отношений, возникающих по поводу животных.

Literature:

1. «The Civil Code of the Russian Federation (part one)» of 30.11.1994 № 51-FZ (ed. of 28.06.2021, with amendments. from 08.07.2021) // «Collection of legislation of the Russian Federation». 05.12.1994.
2. *Gasnikov K.D.* Animals as an object of civil rights / K.D. Gasnikov // «Law and Economics». 2002. № 12. P. 41–43.
3. The law of the Russian Federation from 14.05.1993 № 4979-1 (ed. by 02.07.2021) «On veterinary medicine» // «Vedomosti SND I VS RF». 17.06.1993.
4. The results of the round table in the State Duma of the Russian Federation: Public organization «SOKO RKF», 2001–2021. URL : <http://rkf.org.ru/allnews/news/news2558.html>
5. *Ozhegov S.I.* Dictionary of the Russian language. M. : Oniks, 2010. P. 141.
6. Decree of the government of the Russian Federation from 06.01.1997 № 13 (as amended on 22.04.2019) «On approval of the Rules for the obtaining of wildlife belonging to the species listed in the Red book of the Russian Federation, with the exception of aquatic biological resources» // «Collection of legislation of the Russian Federation». 20.01.1997.
7. Decree of the government of the Russian Federation from 19.02.1996 № 156 (edition of 18.04.2014) «On the Procedure for issuance of permits (administrative licenses) on turnover of wild animals belonging to the species listed in the Red data book of the Russian Federation» // «Collection of legislation of the Russian Federation». 26.02.1996.
8. The resolution of the RF Government dated 29.07.2019 № 974 «On approval of the list of potentially dangerous dogs»: approved by the decree of the Government of the Russian Federation of July 29, 2019 № 974.
9. *Ushakov D.N.* Great explanatory dictionary of the modern Russian language. M. : Al'ta-Print, 2007. P. 130.
10. Federal law of 03.08.1995 № 123-FZ «On livestock breeding and the» // «Collection of legislation of the Russian Federation». 07.08.1995.
11. Federal law of 24.04.1995 № 52-FZ (ed. from 11.06.2021) «On MS-votom world» // «Collection of legislation of the Russian Federation» 24.04.1995.
12. Federal law dated 27.12.2018 № 498-FZ «On responsible treatment of animals and on amendments to certain legislative acts of the Russian Federation» // the Official Internet portal of legal information. URL : <http://www.pravo.gov.ru>, 27.12.2018.

Соболев Вячеслав Васильевич
Заслуженный юрист
Российской Федерации,
кандидат юридических наук,
доцент,
профессор кафедры уголовного права,
Северо-Кавказский филиал Российского
государственно университета правосудия
Milena.555@mail.ru

ФОРМЫ И ВИДЫ СОУЧАСТИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА ИЛИ ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ

Аннотация. История многих уголовно-правовых институтов подтверждает вывод об исключительной роли в их развитии правоприменительной и, в частности, судебной практики с соответствующим научно-теоретическим обоснованием ее результатов. Как полагает автор, проблема форм и видов соучастия в этом плане не является исключением. Статья посвящена проблеме научно-теоретического определения формы и вида соучастия, их законодательной регламентации, дальнейшего совершенствования дифференциации ответственности и индивидуализации наказания соучастников преступления.

Ключевые слова: уголовное законодательство, организованная преступная деятельность, соучастие в преступлении, формы и виды соучастия, дифференциация ответственности, индивидуализация наказания.

В современной уголовно-правовой науке среди фундаментальных понятий едва ли не самым сложным, получившим наиболее разноречивое толкование, признается институт соучастия в преступлении. При этом, если собственно соучастие получило законодательное определение (ст. 32 УК РФ), то многие его составляющие не нашли окончательных формулировок ни в теории уголовного права, ни в уголовном законодательстве. К таковым, в первую очередь, помимо прочих, следует отнести формы и виды соучастия - категории, без реального включения которых в действующий уголовно-правовой механизм институт соучастия не будет в состоянии полноценно выполнять свои функции, прежде всего, в сфере практической юриспруденции.

В этой связи, следует заметить, что история многих уголовно-правовых институтов подтверждает вывод об исключительной роли в их развитии правоприменительной и, в частности, судебной практики с соответствующим научно-теоретическим обоснованием ее результатов. Как нам представляется, проблема форм и видов

Vyacheslav V. Sobolev
Honored Lawyer
of the Russian Federation,
Candidate of Law,
Associate Professor,
Professor of the Department of Criminal Law,
North Caucasus branch of the Russian
State University of Justice
Milena.555@mail.ru

FORMS AND TYPES OF COMPLICITY: THEORETICAL PROBLEM OR PRACTICAL NECESSITY

Annotation. The history of many criminal law institutions confirms the conclusion about the exclusive role in their development of law enforcement and, in particular, judicial practice with the appropriate scientific and theoretical justification of its results. According to the author, the problem of forms and types of complicity in this regard is no exception. The article is devoted to the problem of scientific and theoretical definition of the form and type of complicity, their legislative regulation, further improvement of differentiation of responsibility and individualization of punishment of accomplices of the crime.

Keywords: criminal law, organized criminal activity, complicity in crime, forms and types of complicity, differentiation of responsibility, individualization of punishment.

соучастия в этом плане не является исключением.

В одном из своих постановлений Президиум Верховного Суда РФ сформулировал признаки преступления, совершенного группой лиц по предварительному сговору, как соучастие в *форме соисполнительства*. Так, рассматривая дело в порядке надзора и отклоняя доводы о необходимости переквалификации действий осужденного за разбой на соучастие в разбое в виде пособничества, Президиум указал, что «... действия Г., связанные с его участием в разбойных нападениях, обоснованно квалифицированы по ч. 2 ст. 162 УК РФ как соучастие в преступлении в форме соисполнительства» [1].

Можно спорить по поводу того, что квалификация преступления осуществляется на основе признаков (или квалифицирующих признаков как в приведенном случае) соответствующего состава, но, отнюдь, не на основе соучастия в преступлении в форме соисполнительства, как указано в названном постановлении. Однако данной формулиров-

кой, противоречащей правилам юридической квалификации, можно пренебречь, имея в виду главное: суд, рассматривая вопрос о наличии признаков одного из видов соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору), пришел к выводу об их принадлежности к такой *форме соучастия*, как *соисполнительство в составе группы лиц* [2].

Примечательно, что в постановлениях и других документах высшего судебного органа, обладающего правом законодательной инициативы, все чаще встречаются формулировки, содержащие упоминание форм и видов соучастия [3], хотя, к сожалению, до сих пор, эти понятия и их определение отсутствуют в отечественном уголовном законодательстве.

Попытки выйти за тесные рамки законодательного определения института соучастия в преступлении Верховным Судом РФ предпринимались и ранее. Причем, если в более ранних его документах встречались такие, например, формулировки, как «соучастие в форме пособничества», «соучастие в форме подстрекательства», то позднее эти же разновидности соучастия уже в официальных разъяснениях получают иной статус. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 2 от 11 января 2007 г. «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» такие понятия, как «организация преступления», «подстрекательство» и «пособничество», совершенно справедливо названы *видами соучастия* [4]. Заметим, что такая трактовка видов соучастия, а именно, его *сложной формы с распределением ролей* соучастников (исполнитель, организатор, подстрекатель, пособник), соответствует наиболее распространенным взглядам в науке уголовного права.

Сложнее и весьма разноречиво рассматриваются как в теории, так и в правоприменительной практике остальные формы соучастия, связанные с групповой преступностью и организованной преступной деятельностью. Ни одно из великого множества предлагаемых уголовно-правовой наукой определений форм соучастия не было воспринято отечественным законодателем. Между тем, все очевидней становится практическая значимость положительного решения данной проблемы.

Устойчивее всех из предлагаемых наукой к разрешению проблемы находится теоретическая модель, согласно которой, формами соучастия признается исчерпывающая разновидность групп, содержащаяся в ст. 35 УК РФ. Именно данный перечень в качестве форм соучастия (группа лиц, группа лиц по предварительному сговору, организованная группа, преступное сообщество) содержится в Модельном кодексе и воспринят ныне действующими уголовными законами некоторых стран СНГ. Однако данная модель не воспринята законодателем, и вопрос о формах соучастия остаётся открытым, хотя, по нашему мнению, феномен уголовного права «группа лиц» явно обладает системообразующим свойством и заслуживает более пристального внимания при

исследовании такой составляющей института соучастия, как его формы.

Современное понятие «группа» весьма разнообразно. Можно говорить о группе в том смысле, что это несколько человек, не придавая значения ее качественной характеристике: группа школьников, группа всадников, народ толпится группами и т.д. До тех пор, пока мы оперируем данным понятием безотносительно к сфере, регулируемой уголовным законом, термин «группа» представляется совершенно нейтральной категорией. И только, благодаря осознанию законодателем того, что в результате соединения усилий преступно действующих лиц более серьезно ущемляются охраняемые обществом интересы, зародилось и развивается такое явление уголовного права, как соучастие в преступлении. Небезынтересным поэтому для исследования данного уголовно-правового института является само происхождение (этимология) слова «группа», ставшего в современной науке уголовного права системообразующим понятием.

Начиная от Русской Правды и до начала XX века в российском уголовном законодательстве последовательно формировался институт соучастия в преступлении, всё внятней формировались его признаки. Видные представители отечественной уголовно-правовой науки А. Ширяев, Н.С. Таганцев, Г. Колоколов, А.В. Лохвицкий, В.В. Есипов, Н.Д. Сергиевский, П.Ф. Тельнов, С.В. Познышев и другие, развивая учение о соучастии, предлагали его различные классификации по видам и формам. Теория уголовного права обогащалась их разработками, в том числе, таких видов соучастия, как «скоп», «заговор», «шайка», «сообщество», «банда». К тому времени в законодательстве упоминались уголовно-правовые понятия «толпа», «скопище», «орда», «орава», «ватага» и др. Позднее, например, в первом советском Уголовном кодексе современное понятие «группа» значилось как «шайка».

Следует отметить, что даже в Словаре В.И. Даля, изданном в 1881 году, не имелось описания «группа», а слово (по В.И. Далю): «группа ж. нем.» означает чета, купа, кучка, связь, сноп, цепь, кружок, толпа и др. [5].

Таким образом, этимология слова «группа» отражает многозначность данного понятия, в том числе, в науке уголовного права. Развиваясь и «окультуриваясь» романо-германской лингвистикой, русский язык по правилам, так называемой, ассоциативной этимологии позаимствовал немецкое «**Gruppe**», придав ему, одному этому слову, множественность значений, заменив исконно русские слова, имеющие свой смысл и свое определенное значение (толпа, скоп, шайка, сообщество, скопище, банда). То, что каждому из этих терминов законодатель придавал определенное значение, свидетельствует их перевод на другой язык, например, немецкий, где каждому из них соответствуют различные по смыслу термины [6].

Характерно, что в самом последнем уголовном законе царской России – Уголовном уложении

Российской империи 1903 года – соучастия были посвящены две статьи, в которых выделялись такие формы соучастия, как «сообщество» и «шайка». Соучастниками признавались исполнители, подстрекатели и пособники (ст. 51, 52 Уложения). Термин «группа» по-прежнему в законе не упоминался. И только в советский период в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 года впервые в законодательном определении соучастия появилось упоминание группы лиц: согласно ст. 21, «за деяния, совершенные сообща группою лиц (шайкой, бандой, толпой), наказываются как исполнители, так и подстрекатели и пособники» [7].

Получив дальнейшее развитие в науке уголовного права, институт соучастия в его современном виде сформировался концептуально на таких принципах, как: умышленное участие; участие двух или более лиц; в числе соучастников - исполнитель, организатор преступления и организатор (руководитель) организованной группы или преступной организации), подстрекатель и пособник. Важно уяснить, что за пределами этого триединого концептуального положения возможно иное стечение деяний двух или более лиц с признаками объективной совместности. Однако криминализация таких лишь объективно совместных деяний, хотя и состоящих в причинной связи с преступным результатом, не имеет отношения к институту соучастия. Иной подход с неизбежностью приводит к объективному вменению.

Не менее важным нам представляется уяснение понятия «группа» как системообразующего явления и его места в механизме современного понятия «соучастие в преступлении». Формально законодатель не связывает группу, то есть, совместность, ни с одним из видов соучастников преступления, традиционно определяя уголовно-правовой статус каждого в единственном числе (ст. 33 УК РФ). И лишь в одном случае в названной норме, посвященной видам соучастников преступления, закон, определяя статус исполнителя, в отличие от других видов (организатора, подстрекателя, пособника), дает его обозначение во множественном числе – «соисполнители» (ч. 2 ст. 33 УК РФ).

Тех же принципов законодатель придерживается и при установлении ответственности соучастников преступления (ст. 34 УК РФ). При этом, объединив понятия «исполнитель» с «другими лицами» в едином термине «соисполнители» и установив для них общее основание уголовной ответственности (без ссылки на ст. 33 Уголовного кодекса), законодатель, тем самым, предопределил возможность дифференцировать ответственность, как единичного исполнителя, так и соисполнителя, то есть, лиц, непосредственно участвовавших в совместном совершении умышленного преступления, другими словами, в совершении группового преступления.

Поскольку, термин «группа», применительно к уголовному праву имеет множественное значение (следуя его этимологии), то, по логике вещей, данный термин должен отражать основные

составляющие его происхождения (скоп, заговор, шайка, сообщество, банда и т.п.).

Представляется логичным и то, что каждый из названных терминов, охватываемых современным понятием «группа», характеризовался, соответствующим образом, по степени значимости с позиций современных ему уголовного права и действовавшего законодательства.

Учитывая правовую природу понятия «группа», действующий уголовный закон в развитие принципа дифференциации уголовной ответственности ввел специальную норму - статью 35 УК РФ, характеризующую виды групп, а именно: совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору, организованной группой.

Классифицировать разновидности соучастия на его формы и виды возможно, с определенной долей условности, на примере законодательной классификации применительно к уголовно-правовому институту вины. Так, формами вины признаны умысел и неосторожность (ст. 24 УК). В свою очередь, формы вины конкретизированы их видами. Так, умысел конкретизирован его видами: прямой и косвенный, а неосторожность – такими, как легкомыслие и небрежность.

При этом важно отметить, что собственно формы соучастия не могут служить основанием дифференциации уголовной ответственности. Исходя из широко распространенного мнения, основанием дифференциации уголовной ответственности признается «типичная степень общественной опасности преступления и личности виновного» [8]. Поэтому классификация форм соучастия, подобно категоризации преступлений, может служить лишь необходимой предпосылкой дифференциации уголовной ответственности соучастников, устанавливаемой уголовным законом, поскольку собственно форма соучастия не отражает типовой степени общественной опасности ни преступления, ни личности виновного. Невозможно, например, дифференцировать, то есть, разграничить ответственность пособника, подстрекателя или организатора преступления, оперируя лишь понятием «форма соучастия» – «**сложное соучастие с распределением ролей**». Решить это возможно лишь с помощью **видов соучастия**, таких как **организация преступления, подстрекательство и пособничество**, разумеется, при наличии **функции исполнителя преступления**. Названным видам соучастия корреспондируют виды соучастников: «исполнитель», «организатор», «подстрекатель» и «пособник» (ст. 33 УК РФ).

Далее. Такой форме соучастия, как «**соисполнительство в составе группы**», соответственно, корреспондируют виды соучастия: «**группа лиц без предварительного сговора**» и «**группа лиц по предварительному сговору**» (ч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ). Лица, непосредственно участвующие в составе названных групп в виде соучастников преступления, будут являться **соисполнителями**.

Наконец, с последней в трехзвенной классификации форм соучастия, наиболее опасной формой совместной преступной деятельности, а именно, «**организованной преступной деятельностью**», корреспондируют такие виды соучастия, как «**организованная группа**» и «**преступное сообщество (преступная организация)**» (ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ). Видами соучастников, корреспондирующими названным видам соучастия, будут являться, соответственно, **организаторы, руководители, участники** названных преступных формирований.

Таким образом, с помощью не форм, а видов соучастия законодатель дифференцирует уголовную ответственность путем существенного изменения объема уголовно-правовых последствий

Литература:

1. Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2007. № 10. С. 10.
2. Согласно авторской трактовке соучастие имеет три формы: «сложное с распределением ролей», «соисполнительство в составе группы лиц», «организованная преступная деятельность (организованное соучастие)», о чём подробнее будет сказано далее.
3. См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 3 кв. 2003 г. / Постановление Президиума № 495 п 03 по делу Бачкало и др.; Обзор качества рассмотрения окружными (флотскими) военными судами уголовных дел по первой инстанции. Утв. пост. Президиума Верховного Суда РФ 26.02.2005 г.
4. См.: Бюллетень Верховного Суда РФ (официальное издание). 2007. № 4. С. 9.
5. См.: *Даль В.И.* Толковый словарь живого великого русского языка : в 4 т. М. : Рус. яз. Медиа, 2005. Т. 1. С. 401.
6. См.: Русско-немецкий словарь (сост. О.Н. Никонова). Изд. 5-е стереотип. М. : «Сов. Энциклопедия», 1971. С. 33, 152, 799, 892 [и др.].
7. См.: Собрание указаний РСФСР. 1919. № 66.
8. *Лесниевски-Костарева Т.А.* Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. М. : Норма, 1998. С. 52.

(относительно типовой санкции основного состава) для лиц, чьи действия подпадают под признаки того или иного вида соучастия. При непосредственной дифференциации ответственности вид соучастия используется в качестве квалифицирующего признака, являясь одновременно основанием дифференциации уголовной ответственности соучастников преступления.

Важным является уяснение смысла законодательного определения форм и видов соучастия в преступлении. Такое значение для уголовного права, уголовного правоприменения, а также уголовной и уголовно-правовой политики будет иметь введение названных составляющих института соучастия, в целом.

Literature:

1. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2007. № 10. P. 10.
2. According to the author's interpretation, complicity has three forms: «difficult with the distribution of roles», «co-execution as part of a group of persons», «organized criminal activity (organized complicity)», which will be discussed in more detail later.
3. See: Review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation for the 3rd quarter of 2003 / Decree of the Presidium № 495 p 03 in the case of Bachkalo et al.; Review of the quality of consideration by district (naval) military courts of criminal cases in the first instance. Approved by the post. Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation 26.02.2005.
4. See: Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation (official publication). 2007. № 4. P. 9.
5. See: *Dal V.I.* Explanatory dictionary of the living great Russian language : in 4 vol. M. : Rus. yaz. Media, 2005. Vol. 1. P. 401.
6. See: Russian-German dictionary (comp. O.N. Nikonov). Ed. 5th stereotype. M. : «Sov. Encyclopedia», 1971. P. 33, 152, 799, 892, [et al.].
7. See: Collection of instructions of the RSFSR. 1919. № 66.
8. *Lesnievsky-Kostareva T.A.* Differentiation of criminal responsibility. Theory and legislative practice. M. : Norma, 1998. P. 52.

Трямкин Дмитрий Владимирович
аспирант,
Московский государственный
гуманитарно-экономический университет
trdimon@mail.ru

ПОНЯТИЕ И КЛАССИФИКАЦИЯ ПОСЯГАТЕЛЬСТВ НА ВЕЩНЫЕ ПРАВА ГРАЖДАН

Аннотация. Активное развитие гражданского оборота в условиях рыночных отношений определяет важность изучения субъективных гражданских прав и способов их защиты. Недостаточная осведомленность о способах посягательства на вещные права граждан, а равно, как способах защиты от этих посягательств, может привести к потере или утрате своего имущества [5]. В связи с этим, необходимо уметь выявлять посягательства на вещные права, и, в частности, на право собственности, на первоначальной стадии. В статье автором приведено понятие «посягательства на вещные права граждан», их классификация, небольшой акцент сделан на рассмотрении этих вопросов со стороны уголовного права, но, в большей, мере тема раскрыта автором с позиции гражданского права.

Ключевые слова: посягательство, вещные права, право собственности, имущественный ущерб, субъективные права.

Понятие «посягательство на вещные права граждан» в литературе, в основном, приведено в рамках уголовного права, из которого следует, что это – общественно-опасные деяния, рассматриваемые в гл. 21 УК РФ [2]. Результатом посягательства на рассматриваемые права является нарушение этих прав относительно пользования, распоряжения и владения своим имуществом. С учетом специфики гражданского права, посягательство на субъективные права граждан (на вещные права) может быть определено как действие, создающее угрозу адекватного осуществления правомочий субъекта относительно его вещных прав или потери права распоряжаться, владеть и пользоваться объектом вещного права, или бездействие, которое может поставить под угрозу осуществление и дальнейшее владение (распоряжение) своими субъективными (вещными) правами. Объектом вещных прав являются денежные средства, ценные бумаги, вещи, индивидуализированные объекты с родовыми признаками. Вещные права подразделяются на ограниченные вещные права (право застройки, право пользования, право владения, ипотека и др.) и право собственности.

Посягательства на вещные права граждан можно классифицировать с учетом юридических свойств

Dmitrii V. Triamkin
Postgraduate Student,
Moscow State University
of Humanities and Economics
trdimon@mail.ru

THE CONCEPT AND CLASSIFICATION OF ENCROACHMENTS ON THE PROPERTY RIGHTS OF CITIZENS

Annotation. The active development of civil turnover in the conditions of market relations determines the importance of studying subjective civil rights and ways to protect them. Insufficient awareness of the methods of encroachments on the property rights of citizens, as well as ways to protect against these encroachments, can lead to the loss or loss of their property [5]. In this regard, it is necessary to be able to identify encroachments on real rights, and, in particular, on the right of ownership, at the initial stage. In the article, the author presents the concept of encroachment on the property rights of citizens, their classification, a small emphasis is placed on the consideration of these issues from the criminal law, but to a greater extent the topic is disclosed by the author from the position of civil law.

Keywords: encroachment, property rights, property right, property damage, subjective rights.

этих правонарушений, их признаков и особенностей состава правонарушений. Классификация с позиции уголовного права может быть следующей:

- 1) повреждение или уничтожение имущества; действия нарушителя при этом могут быть умышленными или неосторожными; в зависимости от характера действия правонарушителя правонарушение попадает под ст. 167 или 168 УК РФ);
- 2) вид правонарушения, не связанный с хищением, но приводящий к определенному ущербу: вымогательство; завладение транспортным средством без цели хищения; причинение имущественного вреда посредством обмана.
- 3) хищение, которое может быть совершено за счет: мошеннических действий; разбойного нападения; растраты или присвоения денежных средств; хищения ценных предметов; кражи. Согласно примечанию к ст. 158 УК РФ [2] хищением называется противоправные действия, совершенные с корыстной целью, направленные на обращение или изъятие похищенного имущества в пользу правонарушителя или иных лиц.

Как видим, в уголовном праве посягательство представлено как совершившееся действие, приводящее к конкретному осязаемому вреду. С позиции гражданского права, посягательство по большей части видится как угроза, в связи с этим, важное значение для предотвращения правонарушения имеют превентивные меры.

При классификации посягательств на вещные права граждан, по нашему мнению, необходимо отталкиваться от понятия субъекта этих посягательств, а именно возможности реализации субъективных гражданских прав. Посягательство на вещные права граждан направлено, на защищаемых гражданским кодексом, материальные и нематериальные блага. Исходя из этого, классификация посягательств на вещные права граждан может быть следующей [5]:

- посягательства, создающие угрозу адекватному владению имуществом;
- посягательства, создающие угрозу адекватному пользованию имуществом.

Если рассматривать посягательства с позиции правомерности, то тут следуют выделить [5]:

- посягательства вследствие неправомерного поведения;
- посягательства вследствие правомерного поведения.

Здесь следует отметить, что последняя классификация основана на мнение, что (в гражданском праве) посягательство – это не завершенное правонарушение. Меры защиты от посягательств в большинстве своем носят превентивный характер. Еще одну классификацию посягательств можно привести на основе выделения наиболее социально значимых объектов недвижимости:

1. Посягательство на право собственности на жилые помещения.

Несмотря на то, что в законе (ст. 216 ГК РФ [2]) нет прямого указания на то, что данный вид прав относится к вещным правам, тем не менее, ссылаясь на выше обозначенную статью и главу 18 Гражданского кодекса РФ, можно отнести право пользования жилым помещением в разряд «других вещных прав». Характерными особенностями данного вида посягательств являются:

- условия проживания в жилом помещении являются объектом данного вида правонарушения;
- невозможность выразить в денежном эквиваленте вред от посягательства;
- результатом посягательства является заметное ухудшение условий проживания в рассматриваемом жилом помещении.

По данному виду посягательства чаще всего в качестве защиты своих вещных прав применяется негативный иск и самозащита.

2. Посягательство на право собственности и иные вещные права на земельные участки.

Объектом посягательства здесь является земельный участок (а также право собственности, связанное с этим участком), а также, возможность пользоваться земельным участком в рамках своих правомочий для владельцев близлежащих территорий. Чаще всего, именно владельцы этих территорий и становятся субъектами посягательств, в результате чего, создается некая угроза адекватной привычной возможности правомочно пользоваться объектом своих прав. Понятие «посягательство на право собственности на земельный участок» не представлено в чистом виде в Гражданском кодексе РФ, но автором выделен такой подход, исходя из содержания статьи 254 Уголовного кодекса РФ.

3. Посягательство на право собственности на объекты культурного наследия.

Правоотношения относительно объектов культурного наследия отличаются большим количеством норм, что говорит о высоком уровне стремления общества к сохранению рассматриваемых объектов. Особые правоотношения касаются также земельных участков в границах этих объектов, в частности для таких участков введен специальный режим на хозяйственную деятельность. Весь перечень ограничительным мер касемо объектов культурного наследия и земельных участков, относимых к ним, прописан в федеральных законах.

4. Посягательство на право собственности и иные вещные права на обособленные природные объекты.

Согласно Конституции РФ, природные объекты (ресурсы, земля) могут находиться в собственности у физического, юридического лица, государства, муниципального образования и т.д. Рассматриваемый вид посягательств может быть охарактеризован такими признаками как:

- создание фактической угрозы для осуществления правомочного пользования объектом своих вещных прав, в частности, необходимость использования своих прав в рамках природоохранного законодательства;
- угроза, возникающая как следствие посягательства на вещные права относительно объектов природы, может также быть косвенным побочным эффектом другой правомерной деятельности; в связи с этим, важно определить все причинно-следственные связи для понимания общей ситуации;
- посягательства на право собственности и иные вещные права на обособленные природные объекты могут не привести к непосредственному материальному вреду, но, в любом случае, они всегда становятся источником потенциальной опасности наступления негативных последствий для природного объекта.

Особенностью посягательств на вещные права граждан в рамках гражданского права является

то, что они могут быть представлены как в виде фактического действия (завладение имуществом и пр.) так и в качестве юридического действия (сделка). Посягательство на собственность как один из видов вещных прав может быть совершено физическими, юридическими лицами, а также, публичными участниками гражданского процесса, такими как местное самоуправление, органы государственной власти.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. Уголовный кодекс Российской Федерации. Гл. 21. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0bd90e2ca25cc8cd04b1472449940de7e74a6f98/
3. *Гурвич М.А.* Гражданские процессуальные правоотношения и процессуальные действия. Вопросы гражданского процессуального, гражданского и трудового права. Труды ВЮЗИ. М., 1965. С. 86.
4. *Елисеев С.А.* Преступления против собственности. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018.
5. *Хузмиева М.Б.* Защита права собственности и иных вещных прав от посягательств. Краснодар, 2009.
6. *Хузмиева М.Б.* Категория посягательство в гражданском праве России / М.Б. Хузмиева // Ученые записки Северо-Кавказского филиала Российской академии правосудия. Краснодар. 2007.

Защита вещных прав происходит согласно гл. 20 ГК РФ [2]. В частности, самыми распространенными способами вещно-правовой защиты являются виндикационный и негаторный иск.

В статье автором приведено свое определение понятия «посягательство на вещные права граждан» в рамках гражданского законодательства, рассмотрена классификация этих посягательств.

Literature:

1. The Civil Code of the Russian Federation. [Electronic resource]. - Access mode: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
2. The Criminal Code of the Russian Federation. Chapter 21. URL : http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/0bd90e2ca25cc8cd04b1472449940de7e74a6f98/
3. *Gurvich M.A.* Civil procedural legal relations and procedural actions. Issues of civil procedure, civil and labor law. Proceedings of VUZI. M., 1965. P. 86.
4. *Eliseev S.A.* Crimes against property. Tomsk : Tomsk State University Publishing House, 2018.
5. *Khuzmieva M.B.* Protection of property rights and other property rights from encroachments. Krasnodar, 2009.
6. *Khuzmieva M.B.* Category encroachment in the civil law of Russia / M.B. Khuzmieva // Scientific notes of the North Caucasus Branch of the Russian Academy of Justice. Krasnodar, 2007.

Урда Маргарита Николаевна
кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
urda.ru@rambler.ru

ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОЦЕНКИ ТОРГОВЛИ ЛЮДЬМИ С НАРУШЕНИЕМ МИГРАЦИОННОГО РЕЖИМА

Аннотация. В настоящей статье критическому анализу подвергнут квалифицирующий признак торговли людьми «с перемещением потерпевшего через государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей» (пункт «г» части 2 статьи 127.1 УК РФ). Обосновано отсутствие правовых оснований для квалификации торговли людьми с нарушением миграционного режима по правилам совокупности преступлений с незаконным пересечением государственной границы Российской Федерации и организацией незаконной миграции, выявлены противоречия в толковании и применении указанного квалифицирующего признака, предложено устранить их путем изменения его редакции.

Ключевые слова: незаконная миграция, торговля людьми, организация незаконной миграции, миграционный режим, квалификация преступлений, организация незаконной миграции, незаконной пересечение Государственной границы РФ, совокупность преступлений.

Торговля людьми нередко сопровождается трансграничным перемещением потерпевшего с формальным нарушением правил выезда, въезда, пребывания (проживания) со стороны потерпевшего. Нарушение миграционного режима в этом случае выполняет вспомогательную функцию: создает условия для реализации преступных намерений, обеспечивает сокрытие следов, сопровождает или облегчает совершение основного деяния¹.

Осознавая данное обстоятельство, законодатель состав торговли людьми наделил квалифицирующим признаком «с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей» (пункт «г» части 2 статьи 127.1 УК РФ), усиливая, таким образом, превентивное значение самого опасного преступления против свободы,

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания «Трансформация частного и

Margarita N. Urda
Candidate of Legal Sciences,
Assistant Professor,
Associate Professor
of the Department of Criminal Law,
Southwestern State University
urda.ru@rambler.ru

ISSUES OF LEGAL ASSESSMENT OF HUMAN TRAFFICKING IN VIOLATION OF THE MIGRATION REGIME

Annotation. In this article, the qualifying sign of human trafficking with the movement of the victim across the State border of the Russian Federation or with his illegal detention abroad is subjected to a critical analysis (paragraph «g» of part 2 of Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation). The absence of legal grounds for the qualification of human trafficking with violation of the migration regime according to the rules of the aggregate of crimes with illegal crossing of the State border of the Russian Federation and the organization of illegal migration is justified, the revealed contradictions in the interpretation and application of this qualifying feature are proposed to be eliminated by changing its wording.

Keywords: illegal migration, human trafficking, organization of illegal migration, migration regime, qualification of crimes, organization of illegal migration, illegal crossing of the State border of the Russian Federation, a set of crimes.

чести и достоинства личности. Между тем, потенциал этого квалифицированного состава правоприменителем не используется. Это обусловлено отсутствием четкого понимания относительно содержания этого признака во взаимосвязи с миграционными преступлениями – незаконным пересечением Государственной границы Российской Федерации (статья 322 УК РФ) и организацией незаконной миграции (статья 321 УК РФ).

Сложились две основные точки зрения относительно содержания наполнения квалифицирующего признака «с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации». Сторонники первой связывают его с нарушением режима пересечения государственной границы [1; 4]. Приверженцы второй допускают, что пересечение может осуществляться и на законных основаниях [2; 3; 5; 8; 9],

публичного права в условиях эволюционирующих личности, общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

обуславливая повышенную общественную опасность фактическим перемещением потерпевшего через границу, а не нарушением режима ее пересечения.

Незаконность удержания потерпевшего за границей – второй альтернативный квалифицирующий признак, обычно определяют не незаконностью пребывания потерпевшего за границей, а нахождением там вопреки его воле [3; 4]. Как нам представляется, одно вовсе не исключает другое. Напротив, характерное для таких преступлений изъятие у потерпевшего документов препятствует как его легализации на территории иностранного государства, так и возвращению на родину, облегчая, таким образом, его удержание. Что касается «удержания» как такового, то оно имманентно практически всем формам противоправного деяния, предусмотренного статьей 1271 УК РФ, вне зависимости от понимания жертвой характера совершаемых действий и наличия согласия на них с ее стороны. Исключение составляет вербовка. По мнению высшего судебного органа, оконченной эта форма преступного деяния является с момента получения согласия потерпевшего на осуществление деятельности, для которой она совершалась (пункт 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми»). Однако для этой формы преступного поведения, рассматриваемый квалифицирующий признак не характерен. Вербовка (если таковая имеется) обычно предшествует перемещению потерпевшего через границу и последующему его удержанию там.

Обращает на себя внимание также законодательная диспропорция, выраженная индифферентным отношением нормотворца к удержанию потерпевшего иностранного гражданина (лица без гражданства) на территории Российской Федерации. По существу, он в таком же положении находится, что и жертва за границей: отсутствие необходимых документов и знания языка (коммуникативные возможности) усугубляет зависимое положение, лишает возможности вернуться на родину. Подобного рода случаи достаточно распространены: Россия известна как страна не только экспорта, но и импорта сексуальных рабынь, а также их транзита [7].

Получили широкую огласку случаи въезда будущих жертв работорговли на легальных основаниях, например, по учебным визам [6]. В соответствии с действующим законодательством, основаниям к их выдаче являются приглашения на въезд иностранному гражданину в целях обучения в РФ по ходатайству образовательной организации (или федерального органа исполнительной власти, в чьем ведении она находится). На принимающую сторону (образовательную организацию) возложена обязанность сообщать в установленном порядке и сроки о прибытии (убытии) таких лиц к месту обучения (статья 17 Федерального закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (в ред. от 24.02.2021 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»). Таким

образом, легальность их пребывания детерминирована реализацией цели въезда.

Не имея необходимых коммуникативных возможностей, иностранные абитуриенты вынуждены обращаться в посреднические фирмы, которые нередко используются в преступных схемах по работорговле. Услуги по оформлению необходимых документов, обеспечивающие легальность въезда несостоявшихся студентов, фактически являются прикрытием истинных намерений злоумышленников по дальнейшему их использованию в целях сексуальной или иной эксплуатации. В свою очередь, неприбытие к месту обучения формально делает потерпевших нелегально пребывающими на территории РФ.

Технико-юридическое несовершенство рассматриваемого признака не только затруднило его толкование и применение, но и породило разброс во мнениях относительно квалификации деяния во взаимосвязи с миграционными преступлениями.

Некоторые исследователи считают, что торговля людьми с незаконным перемещением человека через государственную границу требует дополнительной квалификации по статье 322 УК РФ [1, 4], полагая, что признак «г» части 2 статьи 1271 УК РФ исчерпывается совершением законных действий по пересечению границы потерпевшим. Другие, – напротив, считают, что такие действия дополнительной квалификации по статье 322 УК РФ не требуют, поскольку нарушение установленных правил въезда и выезда выступает как способ совершения квалифицированного состава торговли людьми [5; 9; 10].

Отказ от использования рассматриваемого признака в качестве квалифицирующего не снимет выявленных противоречий. Далеко не во всех случаях перевозка живого товара через государственную границу образует признаки состава преступления, предусмотренного статьей 322 УК РФ. Злоумышленники могут пересекать границу на законных основаниях: в месте пропуска и при наличии действительных документов, пряча, например, жертв работорговли в специально оборудованных тайниках. Отсутствуют в их действиях и признаки организации незаконной миграции. Главным фактором, отличающим торговлю людьми от незаконного ввоза мигрантов, является элемент силы, принуждения и (или) обмана. Как утверждают Т.Д. Устинова, И.Д. Измайлова, квалификация преступления по статье 322 УК РФ возможна только в том случае, если оно каким образом не было связано с торговлей людьми [10].

В то же время, особенности организации незаконной миграции и торговли людьми таковы, что во времени и пространстве они, зачастую, совпадают. Их разграничить довольно сложно, иногда невозможно. В научной литературе справедливо отмечается, что «фактические случаи могут включать элементы обоих преступлений, более того, «превращаться» одно в другое. Многие жертвы торговли людьми начинают свое путешествие, дав согласие на то, чтобы их незаконно ввезли из

одного государства в другое. Незаконно ввезенных мигрантов могут позднее обманом или принуждением подвергать эксплуатации, в результате, они становятся жертвами торговли людьми. В Методических рекомендациях ООН по вопросам борьбы с торговлей людьми акцентируется внимание на том, что, фактически, сотрудникам правоприменительных органов и организациям, оказывающим помощь жертвам, зачастую, бывает трудно определить, относится ли тот или иной конкретный случай к незаконному ввозу мигрантов либо является торговлей людьми» [10].

Литература:

1. Авдеев В.А. Спорные вопросы квалификации торговли людьми и использования рабского труда / В.А. Авдеев, Е.В. Авдеева // Российская юстиция. 2013. № 7. С. 20–23.
2. Громов С.В. Некоторые вопросы квалификации преступлений – торговля людьми и использование рабского труда / С.В. Громов // Российский следователь. 2005. № 3. СПС «КонсультантПлюс».
3. Долголенко Т.В. Уголовная ответственность за преступление, предусмотренное статьей 1271 УК РФ, – торговлю людьми – и соотношение состава этого преступления с другими преступлениями / Т.В. Долголенко // Современное право. 2010. № 1. С. 95–99.
4. Завидов Б.Д. Правовые проблемы и новации ст. 127.1 УК РФ в редакции Федерального закона от 25 ноября 2008 г. № 218-ФЗ (научно-практическая и аналитическая статья в виде комментария) / Б.Д. Завидов / Б.Д. Завидов // СПС «КонсультантПлюс».
5. Зейналов М.М. Уголовно-правовой анализ квалифицирующих признаков торговли людьми / М.М. Зейналов, В.М. Гаммаев // Современное право. 2011. № 4. СПС «КонсультантПлюс».
6. Нигерийские девушки едут в Россию учиться, а попадают в секс-рабство. URL : <https://lenta1.ru/articles/2018/02/26/sexrabstvo/>
7. Рабство в России: от младенцев до нигерийских проституток. URL : <https://yandex.ru/turbo/snob.ru/s/entry/163911/>
8. Улицкий С. Ответственность за вовлечение в занятие проституцией / С. Улицкий // Законность. 2005. № 3. СПС «КонсультантПлюс».
9. Устинова Т.Д. Незаконное пересечение Государственной границы РФ / Т.Д. Устинова // Законность. 2006. № 4. СПС «КонсультантПлюс».
10. Устинова Т.Д. Статья 127.1 УК РФ: проблемы применения и законотворчества / Т.Д. Устинова, И.Д. Измайлова // Современное право. 2005. № 10. СПС «КонсультантПлюс».

Выявленные противоречия не могут быть сняты разработкой рекомендаций по правилам квалификации соответствующих деяний. Оптимальным в данном случае видится отказ от использования в пункте «г» части 2 статьи 127 УК РФ неопределенного признака «с перемещением потерпевшего через Государственную границу Российской Федерации или с незаконным удержанием его за границей» в пользу адекватного сложившейся ситуации обстоятельства «с нарушением миграционного режима в отношении потерпевшего».

Literature:

1. Avdeev V.A. Disputable issues of qualification of human trafficking and the use of slave labor / V.A. Avdeev, E.V. Avdeeva // Russian Justice. 2013. № 7. P. 20–23.
2. Gromov S.V. Some questions of the qualification of crimes-human trafficking and the use of slave labor / S.V. Gromov // Russian investigator. 2005. № 3. SPS «ConsultantPlus».
3. Dolgolenko T.V. Criminal responsibility for the crime provided for in Article 1271 of the Criminal Code of the Russian Federation-human trafficking - and the ratio of the composition of this crime with other crimes / T.V. Dolgolenko // Modern law. 2010. № 1. P. 95–99.
4. Zavydiv B.D. Legal issues and innovations article 127.1 of the criminal code as amended by Federal law of November 25, 2008, № 218-FZ (scientific and analytical article in review) / B.D. Zavydiv // SPS «KonsultantPlyus».
5. Zeynalov M.M. Criminal law analysis of qualifying signs of human trafficking / M.M. Zeynalov, V.M. Gammev // Modern law. 2011. № 4. SPS «ConsultantPlus».
6. Nigerian girls go to Russia to study, but they end up in sex slavery. URL : <https://lenta1.ru/articles/2018/02/26/sexrabstvo/>
7. Slavery in Russia: from babies to Nigerian prostitutes. URL : https://yandex.ru/turbo/snob.ru/s/entry/163911
8. Ulitsky S. Responsibility for involvement in prostitution / S. Ulitsky // Legality. 2005. № 3. SPS «ConsultantPlus».
9. Ustinova T.D. Illegal crossing of the State border of the Russian Federation / T.D. Ustinova // Legality. 2006. № 4. SPS «ConsultantPlus».
10. Ustinova T.D. Article 127.1 of the Criminal Code of the Russian Federation: problems of application and lawmaking / T.D. Ustinova, I.D. Izmailova // Modern law. 2005. № 10. SPS «ConsultantPlus».

Фоменко Дарья Дмитриевна
аспирантка кафедры уголовного права,
Кубанский государственный аграрный
университет им. И.Т. Трубилина
zelenskayadd@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТЕ И ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ОРГАНИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ

Аннотация. Незаконная миграция – это противоправное проникновение (въезд) на территорию РФ, перемещение или проживание на ней, а равно, транзит через Россию или выезд за ее пределы с нарушением действующего российского законодательства. Основные элементы незаконной миграции – проникновение, перемещение, проживание, транзит, выезд – составляют ее содержание. Каждый из названных элементов представляет собой действие или сочетание определенных действий. В статье рассмотрено содержание, структура организации незаконной миграции. Осуществлен уголовно-правовой анализ понятия объекта и объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 322.1 Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: незаконная миграция, нарушение законодательства РФ, организация преступления, объект, объективная сторона.

Незаконная миграция – это противоправное проникновение (въезд) на территорию РФ, перемещение или проживание на ней, а равно, транзит через Россию или выезд за ее пределы с нарушением действующего российского законодательства. Основные элементы незаконной миграции – проникновение, перемещение, проживание, транзит, выезд – составляют ее содержание. Каждый из названных элементов представляет собой действие или сочетание определенных действий.

Организация незаконной миграции включена в раздел X УК РФ «Преступления против государственной власти». Родовым объектом рассматриваемой группы преступлений является совокупность общественных отношений, осуществляемых в форме нормального, соответствующего положениям Конституции РФ, требованиям федеральных законов и других нормативных актов функционирования органов государственной власти [1].

Высказано мнение о том, что объектом преступлений против государственной власти является государственная безопасность как состояние

Darya D. Fomenko
Graduate Student
of the Department of Criminal Law
Kuban State Agrarian
University named after I.T. Trubilina
zelenskayadd@mail.ru

ON THE CONCEPT OF THE OBJECT AND THE OBJECTIVE SIDE OF THE ORGANIZATION OF ILLEGAL MIGRATION

Annotation. Illegal migration is an illegal entry (entry) into the territory of the Russian Federation, movement or residence on it, as well as transit through Russia or departure beyond its borders in violation of the current Russian legislation. The main elements of illegal migration – entry, movement, residence, transit, departure – make up its content. Each of these elements is an action or combination of certain actions. The article discusses the content, structure of the organization of illegal migration. Carried out a criminal-legal analysis of the concept of the object and the objective side of the crime provided for the art. 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: illegal migration, violation of the legislation of the Russian Federation, organization of a crime, an object, objective side.

стабильности, прочности и защищенности конституционного строя [2]. Это – менее развернутое определение рассматриваемого родового объекта.

Что касается видового и непосредственного объектов организации незаконной миграции, то при совершении преступлений, предусмотренных главой 32 УК РФ, нарушаются общественные отношения, обеспечивающие нормальную управляющую деятельность органов государственной власти и местного самоуправления. В числе этих отношений – неприкосновенность государственной границы, установленный законом порядок регулирования миграционных процессов.

В качестве непосредственного объекта преступлений против порядка управления можно считать функции органов государственной власти и местного самоуправления, их нормальное осуществление.

Основным непосредственным объектом организации незаконной миграции являются общественные отношения по обеспечению законодательно регламентированной деятельности органов

государственного управления в сфере регулирования миграционных процессов, а также, соблюдения установленного действующим законодательством порядка въезда и выезда иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию Российской Федерации [4].

В отличие от изложенного мнения А.П. Кузнецова, Л.В. Сердюк считает, что в качестве основного объекта организации незаконной миграции выступает порядок управления. Дополнительными объектами являются общественная безопасность, права и свободы граждан России и обитателей нашей страны [7].

На наш взгляд, непосредственным объектом организации незаконной миграции являются общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации миграционных процессов. Именно общественные отношения, а не действия. Система действий, совершенных участниками миграционных процессов, можно считать материальным выражением этих общественных отношений или предметом расследования [5]. В этом значении указанных действий можно согласиться с мнением, что объектом организации незаконной миграции являются отношения, складывающиеся в сфере реализации установленного порядка въезда на территорию РФ и выезда из нее, порядка пребывания на территории РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, а равно, транзита через территорию нашей страны [3]. В приведенном определении перечислены структурные элементы незаконной миграции. Поэтому указанное определение наиболее точно выражает содержание общественных отношений, их материальное выражение. Изложенная конкретизация объекта организации незаконной миграции имеет большое значение для построения методики расследования этого преступления, для правильной и обоснованной квалификации деяния.

Анализируя процесс организации незаконной миграции, необходимо иметь в виду, что организатор ее непосредственно не осуществляет. Мигрируют незаконно или законно иностранцы: въезд, перемещение, пребывание или транзит и выезд – все эти действия (деяния) совершают они. Организация состоит в создании условий, обеспечении незаконной миграции, в руководстве указанными действиями. Поэтому объектом преступления, в данном случае, являются общественные отношения, складывающиеся, прежде всего, в процессе обеспечения незаконной миграции, руководства составными элементами миграционного процесса и самими действиями по реализации незаконной миграции.

Объективная сторона незаконной миграции выражается в действиях, направленных на организацию въезда, пребывания в РФ или транзитного проезда через территорию России иностранцев и лиц без гражданства с нарушением установленных правил.

В содержании объективной стороны организации незаконной миграции необходимо выделять две системы действий. Одна из них составляет незаконную миграцию, то есть действия по

проникновению на территорию РФ, проникновению и перемещению или транзитного проезда по территории России и выезда за пределы страны. Все или часть этих действий осуществляется с нарушением действующих правовых норм, их регламентирующих. Действия эти взаимосвязаны между собой и образуют своеобразные цепочки.

Другая система действий – это действия по собственно организации. Прежде чем рассматривать юридическую, уголовно-правовую характеристику этих систем действий, надо отметить, что речь идет именно о единой системе организации незаконной миграции, что это две подсистемы единого преступления. Поэтому для вывода о содержании объективной стороны организации незаконной миграции необходимо исследовать структуру и содержание, как незаконной миграции, так и ее организации. Необходимо также изучить особенности диалектического сочетания структурных элементов указанных двух подсистем рассматриваемого преступления. Поэтому организационная деятельность субъекта – назовем его организатором – состоит в определении и конкретизации структурных элементов двух видов деятельности: незаконной миграции и собственно деятельности по созданию условий, по обеспечению этой незаконной миграции. Указанные виды деятельности: незаконная миграция и создание условий (обеспечение) для ее осуществления, как бы, самостоятельны. Но они осуществляются в тесной взаимосвязи между собой, составляя, по существу, двуединую деятельность по организации незаконной миграции.

Напомним, что сущность организации заключается в создании (конкретизации) структуры деятельности и условий для качественного функционирования этой структуры. Применительно к рассматриваемому случаю, предметом организации является как структура незаконной миграции, так и структура деятельности по созданию условий (обеспечению) для ее функционирования.

Следовательно, основной целью (целями) организации, в данном случае, является определение (конкретизация) основных структурных элементов незаконной миграции:

- способа (способов) въезда (проникновения) мигрантов на территорию России;
- создание условий для незаконного проживания на территории РФ, предоставление работы мигрантам;
- удержание мигрантов в незаконном состоянии;
- легализация части мигрантов за определенную плату и другие действия по созданию условий их пребывания и перемещения на территории нашей страны.

Одновременно с вышеизложенным, организатор должен определить свои действия по созданию указанных условий для незаконной миграции. Они могут состоять в маскировке действий по предоставлению жилья и работы, в установлении связей с различными контролирующими органами и др.

Вышеизложенное характерно для незаконной миграции с целью найма рабочей силы. Сходное, но несколько иное содержание будет в организации криминальной миграции.

Таким образом, организация незаконной миграции – это процесс, выражающийся в интеллектуальной деятельности и действиях определенного лица или группы лиц, направленных на определение (конкретизацию) действий по созданию условий для незаконной миграции, то есть, проникновение иностранцев на территорию России, пребывание на этой территории, включая проживание, работу, перемещение. В зависимости от целевого назначения незаконной миграции, организацией может охватываться вся цепочка взаимосвязанных действий или часть (одно) из них.

Организация как преступление, предусмотренное ст. 322.1 Уголовного кодекса РФ, – это умышленные действия лица, направленные на создание условий для осуществления незаконной миграции и ее реализацию. Данные действия составляют содержание организации. Преступными эти действия будут при условии их связи с действиями субъекта (субъектов) незаконной миграции: противоправным въездом, пребыванием, перемещением или выездом за пределы РФ.

В объективную сторону рассматриваемого преступления входят и действия по нарушению различных правил, соблюдение которых установлено законодательством РФ. Федеральный Закон от 15.08.1996 года № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (с изменениями от 08.12.2020 года) содержит ограничения на въезд иностранных граждан и лиц без гражданства на территорию РФ [6]. Въезд не может быть разрешен в следующих случаях, если гражданин:

- нарушил правила пересечения Государственной границы РФ, таможенные правила, санитарные нормы в пункте пропуска через Государственную границу. Вопрос о пропуске решается после устранения нарушения;
- использовал подложные документы либо сообщил заведомо ложные сведения о себе или о цели своего пребывания в РФ;
- имеет неснятую или непогашенную судимость за совершение умышленного преступления на территории РФ или за ее пределами, признаваемого таковым в соответствии с федеральным законом;
- два или более раза в течение трех лет привлекался к административной ответственности в соответствии с законодательством РФ за совершение административного правонарушения на территории РФ;
- в период своего предыдущего пребывания в РФ уклонялся от уплаты налога или административного штрафа, либо не возмещал расходы, связанные с административным выдворением за пределы РФ или с депортацией – до осуществления выплат в полном объеме.

Кроме названного, иностранному гражданину или лицу без гражданства, в соответствии со ст. 27 Федерального закона, не разрешается въезд в РФ, если:

- 1) это необходимо в целях обеспечения обороноспособности или безопасности государства либо общественного порядка, либо защиты здоровья населения;
- 2) в период своего предыдущего пребывания в РФ иностранный гражданин или лицо без гражданства подвергалось административного выдворению за пределы РФ либо депортировалось – в течение пяти лет со дня административного выдворения за пределы РФ или депортации;
- 3) иностранный гражданин или лицо без гражданства имеют непогашенную или неснятую судимость за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления на территории РФ либо за ее пределами, признанного таковым в соответствии с Федеральным законом;
- 4) иностранный гражданин или лицо без гражданства не представили документы для получения визы. В этом случае гражданин вправе предоставить такие документы, что даст основания для рассмотрения вопроса о въезде;
- 5) иностранный гражданин или лицо без гражданства не представили полис медицинского страхования – до его представления. Исключение может быть сделано для сотрудников дипломатических представительств и консульских учреждений, членов семей указанных лиц и других категорий иностранных граждан;
- 6) в отношении иностранного гражданина или лица без гражданства принято решение о нежелательности пребывания (проживания) в РФ, и в иных предусмотренных законом случаях.

Все перечисленные причины отказа во въезде иностранцев в Россию могут нарушаться в целях незаконного проникновения в нашу страну. С точки зрения уголовно-правовой, они входят в число элементов объективной стороны организации незаконной миграции.

Нарушения перечисленных и иных правил проживания иностранных граждан и лиц без гражданства на территории Российской Федерации делает миграцию этих лиц незаконной. Действия по нарушению становятся одним из элементов объективной стороны организации незаконной миграции при условии, что были организованы другими лицами.

Ранее мы попытались исследовать содержание термина «организация» в ст. 322.1 УК РФ и пришли к выводу о том, что это умышленные действия лица, направляемые на создание условий для осуществления незаконной миграции и ее реализацию. Более детальное исследование понятия «организация» показывает, что под созданием условий надо понимать обеспечение незаконной миграции. В обеспечение входит интеллектуальная деятельность по определению

преступного замысла: что можно организовать с целями получения преступной материальной или иной выгоды.

Обеспечение:

– распространение информации о возможности трудовой миграции и комплектование групп для законного или незаконного въезда (проникновения) в РФ;

– реализация проникновения путем определенных действий (подделка документов, использование тайников, вовлечение в группы служащих таможенного и пограничного контроля и другие действия по обеспечению перемещения мигрантов через Государственную границу РФ.

Обеспечение – это планирование, поиск клиентуры (кандидатов на миграцию), снабжение их документами, транспортировка к месту работы, предоставление жилья, обеспечение работой, сокрытие от органов миграционного контроля.

Организация выражается в интеллектуальной деятельности и действиях по обеспечению

Литература:

1. *Ветров Н.И.* Уголовное право. Особенная часть / Н.И. Ветров, Ю.И. Ляпунов. М., 1998. С. 587.

2. *Дьяков С.В.* Государственные преступления (против основ конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. М., 1999. С. 13.

3. *Коняхин В.П.* Российское уголовное право. Особенная часть : учебник / В.П. Коняхин, М.Л. Прохорова. М. 2015. С. 787.

4. *Кузнецов А.П.* Ответственность за организацию незаконной миграции (ст. 322.1) / А.П. Кузнецов // Миграция. Межэтнические отношения. Преступность. Н. Новгород, 2005. С. 108.

5. *Наумов А.В.* Современное уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. пособие. М., 2007. С. 73.

6. Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.

7. *Сердюк Л.В.* Организация незаконной миграции (ст. 322.1 УК РФ): состав и порядок квалификации (комментарий) / Л.В. Сердюк // Вестник Уфимского юридического института. 2006. № 2–3. С. 64.

действий граждан другого государства или лиц без гражданства по незаконному въезду (проникновению) на территорию РФ, пребыванию, перемещению по территории нашей страны или транзитного проезду через территорию РФ и выезд за ее пределы.

Обеспечение включает руководство незаконными мигрантами по перемещению, проживанию, работе и другим элементам пребывания. При определенных условиях возможно обеспечение легализации незаконных мигрантов.

Объективная сторона организации незаконной миграции состоит в деянии по обеспечению (подготовке и реализации) и руководству действиями незаконных мигрантов по перемещению и пребыванию иностранцев на территории РФ.

Знание объекта и объективной стороны рассматриваемого преступления позволит определить в конкретном случае предмет расследования, что способствует объективности и более полному расследованию организации незаконной миграции.

Literature:

1. *Vetrov N.I.* Criminal law. The special part / N.I. Vetrov, Yu.I. Lyapunov. M. 1998.S. 587.

2. *Dyakov S.V.* State crimes (against the foundations of the constitutional system and state security) and state crime. M., 1999. P. 13.

3. *Konyakhin V.P.* Russian criminal law. The special part : textbook / V.P. Konyakhin, M.L. Prokhorova. M., 2015. P. 787.

4. *Kuznetsov A.P.* Responsibility for organizing illegal migration (Art. 322.1) / A.P. Kuznetsov // Migration. Interethnic relations. Crime. N. Novgorod, 2005. P. 108.

5. *Naumov A.V.* Modern criminal law. General and Special parts : manual. M., 2007. P. 73.

6. Collection of legislation of the Russian Federation. 1996. № 34. Art. 4029.

7. *Serdyuk L.V.* Organization of illegal migration (article 322.1 of the Criminal Code of the Russian Federation): composition and procedure for qualification (commentary) / L.V. Serdyuk // Bulletin of the Ufa Law Institute. 2006. № 2–3. P. 64.

Чимаров Сергей Юрьевич

доктор исторических наук,
профессор,
профессор кафедры
управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
serg120756@gmail.com

Алексеев Алексей Анатольевич

кандидат социологических наук,
доцент,
доцент кафедры управления персоналом
и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
revers2010@rambler.ru

Тонышев Александр Владимирович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры управления
персоналом и воспитательной работы,
Санкт-Петербургский университет
МВД России
alben2011@mail.ru

**НОРМАТИВНОЕ ПРАВОВОЕ
РЕГУЛИРОВАНИЕ ЭТИЧЕСКИХ ОСНОВ
ПОВЕДЕНИЯ СЛУЖАЩИХ ПОЛИЦИИ
В РЕСПУБЛИКЕ СЛЬВАДОР**

Аннотация. В статье представлен анализ нормативных положений, определяющих пределы правового регулирования профессионально-этических канон поведения служащих Национальной гражданской полиции Республики Сальвадор. Выявляя регулируемую Законом область профессиональной этики сальвадорских полицейских, авторы акцентируют внимание на соответствии отмеченных нормативных положений национального законодательства универсальным правилам, предопределяющим общее направление правоохранительной миссии полиции и способствующим повышению к ней доверия со стороны общества.

Ключевые слова: право, закон, мораль, кодекс поведения, этика, этико-правовые основы, правоохранительная деятельность.

Проблема соотношения морали и права относится к разряду ключевых для всей области деятельности сотрудников органов внутренних дел, поскольку от осознанного и морально

Sergey Yu. Chimarov

Doctor of Historical Sciences,
Professor,
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
serg120756@gmail.com

Alexey A. Alekseyev

Candidate of Sociological Sciences,
Associate Professor, Associate
Professor of the Department
of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
revers2010@rambler.ru

Alexander V. Tonyshev

Candidate of Law,
Associate Professor of the Department
Of Personnel Management
and Educational Work,
St. Petersburg University of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
alben2011@mail.ru

**LEGAL REGULATION OF ETHICAL
PRINCIPLES OF CONDUCT OF POLICE
OFFICERS IN THE REPUBLIC
OF EL SALVADOR**

Annotation. The article presents an analysis of the regulations defining the limits of legal regulation of professional and ethical canons of behavior of employees of the National Civil Police of the Republic of El Salvador. Identifying the area of professional ethics of Salvadoran policemen regulated by the Law, the authors focus on the compliance of the mentioned normative provisions of national legislation with the universal rules that predetermine the general direction of the police law enforcement mission and contribute to increasing public confidence in it.

Keywords: right, law, morality, code of conduct, ethics, ethical and legal foundations, law enforcement.

выдержанного поведения каждого сотрудника к выполнению долга своей службы в определяющей степени зависит не только эффективность всей системы органов внутренних дел, но и их

восприятие обществом с точки зрения уважения и признания социальной необходимости. Отмеченный тезис корреспондирует выводам Р. Пиля, сформулировавшего 9 принципов, которыми должна руководствоваться полиция. В соответствии с формулой второго принципа указанного полицейиста, «способность полиции к выполнению своих обязанностей зависит от фактора доверия общества к необходимости существования полиции, ее действиям и поведению» [1, с. 33]. Указанное универсальное правило в полной мере нашло свое отражение и в отношении деятельности служащих Национальной гражданской полиции (исп. «Los Miembros de la Policía Nacional Civil», PNC) Республики Сальвадор, концептуальные основы нормативно-правового регулирования профессиональной этики поведения которой корреспондируют положениям ст. 1 Конституции страны, закрепляющей человеческую личность в качестве источника и цели деятельности государства, организованного для достижения справедливости, правовой определенности и общего блага [2]. Отмеченные конституционные установления определяют доминантный тренд общественной миссии PNC Республики Сальвадор, пределы деятельности которой зафиксированы в ст. 159 (абзац 2) Основного закона: «Национальная гражданская полиция выполняет функции городской и сельской полиции, призванных обеспечивать порядок, безопасность и спокойствие общественности, обеспечивать сотрудничество с другими учреждениями государства в процедуре расследования преступлений и осуществлять свои функции в соответствии с законом и строгим соблюдением прав человека». Закрепляя принцип невмешательства сальвадорской полиции в политическую жизнь страны, ст. 82 Конституции содержит прямой запрет для служащих полиции относительно их принадлежности к какой-либо политической партии, участия в политической рекламе и демонстрации полицейскими своей приверженности популярным избирательным позициям. Выполняя свои должностные обязанности в качестве государственных служащих, полицейские Республики Сальвадор обязаны придерживаться правил поведения, предусмотренных Законом «О государственной этике» [6], принятым в соответствии с отмеченной ст. 1 Конституции страны, а также с учетом положений Конвенции ООН против коррупции [4], Межамериканской конвенцией против коррупции [3] и Рамочным договором о демократической безопасности в Центральной Америке [7]. Исходя из нормативного положения ст. 1 указанного Закона, его целеполагание заключается в правовом регулировании и поощрении этического поведения государственных служащих в реализации ими публичных функций государства и муниципалитета, предотвращении и выявлении коррупционных действий, а также наказания за действия, противоречащие законодательно установленным обязанностям и этическим запретам для действующих и бывших государственных служащих.

В прямой постановке вопросы нормативно-правового регулирования этических основ поведения служащих PNC Республики Сальвадор нашли свое отражение в положениях Органического Закона «О гражданской Национальной полиции»

(далее-Закона о полиции), введенного в действие законодательным Декретом № 653 от 06 декабря 2001 г. [5]. Следует заметить, что в соответствии со ст. 1 Закона о полиции, правовой статус PNC определяется в качестве института публичного права с правосубъектностью, соответствующей внутренним правилам исполнительной власти Республики Сальвадор. В структурном плане Закон о полиции состоит из X глав, включающих в себя 38 статей. В контексте настоящего исследования особого внимания заслуживают положения статей 13–16 главы IV «Нормы поведения» (исп. «Código de Conducta»). Согласно ст. 13, служащие PNC при выполнении своих полицейских функций должны соблюдать следующий Кодекс поведения:

- 1) всегда выполнять обязанности, возложенные на них законом, служить обществу и защищать всех людей от противоправных действий в соответствии с высокой степенью ответственности, требуемой их функцией;
- 2) уважать и защищать человеческое достоинство, отстаивать и защищать права человека и всех людей;
- 3) хранить доступную им секретную информацию конфиденциального характера, о которой они знают, если только исполнение долга или потребности правосудия не предполагают иного;
- 4) не допускать применения, подстрекательства или терпимого отношения к любым актам пыток или других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, а также, ссылок на приказ вышестоящего начальника или особые обстоятельства (состояние войны или угроза войны, угроза национальным властям и безопасности, внутренняя нестабильность или любое другое чрезвычайное положение);
- 5) обеспечивать полную защиту неприкосновенности и здоровья людей, содержащихся под стражей, включая принятие незамедлительных мер для оказания им медицинской помощи в случае необходимости;
- 6) не допускать никаких коррупционных действий, решительно им противостоять и бороться с ними;
- 7) незамедлительно информировать любой контролирующей государственный о всех случаях возможного или очевидного нарушения установленных правил поведения;
- 8) выполнять свою работу с максимальными усилиями, максимальной самоотдачей и ответственностью в удовлетворении потребностей службы.

Положения ст. 14 обязывают служащих PNC при исполнении ими своих обязанностей носить официальную униформу, освобождая при этом от ношения униформы определенные категории служащих. В соответствии со ст. 15, служащие PNC должны носить штатное оружие в тех

обстоятельствах и в тех случаях, которые установлены Законом. Использование оружия регулируется следующими правилами:

1) при исполнении своих обязанностей служащие ПНС, прежде чем прибегать к применению силы и огнестрельного оружия, должны максимально использовать ненасильственные средства. Они могут применять силу и огнестрельное оружие только тогда, когда другие средства неэффективны или не гарантируют достижение ожидаемого законного результата;

2) служащие ПНС не должны применять огнестрельное оружие против людей, кроме как:

a) в целях самообороны или самообороны других лиц;

b) в случае неминуемой угрозы смерти или серьезного ранения;

c) с целью предотвращения совершения особо тяжкого преступления;

d) в случае серьезной угрозы жизни с целью задержания лица, представляющего опасность и оказания им сопротивления, и только в том случае, если менее крайние меры недостаточны и абсолютно неизбежны;

3) если применение огнестрельного оружия неизбежно, то служащие ПНС должны:

a) проявлять сдержанность и действовать соразмерно серьезности преступлений и законной преследуемой цели;

b) минимизировать ущерб и травмы, уважать и защищать человеческую жизнь;

c) оперативно оказывать помощь и медицинские услуги раненым или пострадавшим лицам;

d) как можно скорее сообщить о случившемся родственникам или близким друзьям пострадавших от применения огнестрельного оружия;

4) о всех случаях причинения телесных повреждений или смерти, применения силы или огнестрельного оружия, служащие ПНС должны немедленно сообщить об этом своему начальству;

Литература:

1. Чимаров С.Ю. К вопросу о «принципах правоприменения» Роберта Пилы в деятельности полиции / С.Ю. Чимаров // Вестник Санкт – Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(75). С. 33–34.

2. Constitución de la República de El Salvador. Decreto Constituyente № 32. De Fecha 21 De Julio. De 1983. URL : https://www.asamblea.gob.sv/sites/default/files/documents/decretos/171117_072857074_archivo_documento_legislativo.pdf (дата обращения 27.06.2021).

5) при выполнении своих обязанностей по защите прав человека, служащие ПНС должны гарантировать право граждан на собрания и демонстрации. В случае законных действий по вынужденному прекращению митинга или демонстрации служащие ПНС должны использовать наименее опасные средства и только в той мере, в какой это необходимо. При этом служащие ПНС в своих действиях по прекращению митинга или демонстрации должны воздерживаться от применения огнестрельного оружия, за исключением случаев проведения насильственных собраний и только тогда, когда исчерпано использование других средств, и только при соблюдении обстоятельств, предусмотренных в п. 2 ст. 15 Закона о полиции;

6) исключительные обстоятельства, такие как внутренняя политическая нестабильность или любая другая чрезвычайная общественная ситуация, не могут служить оправданием нарушения норм, регламентирующих применение служащими ПНС огнестрельного оружия. Исходя из положений ст. 16 Закона о полиции, служащие ПНС в соответствии со сложившейся обстановкой должны быть сосредоточены в режиме доступности, что определяется правилами Закона о полиции. В данном случае под режимом доступности понимается постоянство служащих ПНС в месте, времени, функциях и форме, установленных Генеральным управлением полиции [5].

Резюмируя изложенное, мы считаем необходимым сформулировать следующие выводы.

Во-первых, рассмотренные этико-правовые основы полицейской деятельности в Республике Сальвадор имеют четкий и всесторонний характер своего нормативного правового закрепления, предопределяющего должный уровень доверия общества к правоохранительной миссии сальвадорской Национальной гражданской полиции.

Во-вторых, фактор соответствия закрепленных в национальном законодательстве Республики Сальвадор моральных постулатов, определяющих гуманизм и правозащитный характер деятельности Национальной гражданской полиции, подтверждает ориентированность государства в направлении устойчивого продвижения страны по пути дальнейшего упрочнения демократических основ общества.

Literature:

1. Chimarov S.Yu. K voprosu o «principah pravoprimereniya» Roberta Pilya v deyatel'nosti policii / S.Yu. Chimarov // Vestnik Sankt – Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. № 3 (75). P. 33–34.

2. Constitución de la República de El Salvador. Decreto Constituyente № 32. De Fecha 21 De Julio. De 1983. URL : https://www.asamblea.gob.sv/sites/default/files/documents/decretos/171117_072857074_archivo_documento_legislativo.pdf (дата обращения 27.06.2021).

3. Convención Interamericana contra la Corrupción. Adoptado en: Caracas, Venezuela. Fecha: 03/29/96. URL : <https://www.alcaldiabogota.gov.co/sidie/contenido/imagesContenido/TICIContraCorrupcion.pdf> (дата обращения 30.06.2021).

4. Convención de las Naciones Unidas contra la Corrupción. Resolución 58/4 de la Asamblea General, de 31 de octubre de 2003. URL : https://www.unodc.org/documents/mexicoandcentralamerica/publications/Corrupcion/Convencion_de_las_NU_contra_la_Corrupcion.pdf (date of application 30.06.2021).

5. Decreto Legislativo № 653 de 2001 – Ley Orgánica de la Policía Nacional Civil de El Salvador, 06 December 2001 (accessed 29 June 2021). URL : <https://www.refworld.org/docid/4c6947072.html> (date of application 27.06.2021).

6. Ley de Ética Gubernamental. Numero del decreto: 873. Fecha de Emisión: 13/10/2011. URL : <https://www.asamblea.gob.sv/decretos/details/2223#:~:text=LEY%20DE%20ÉTICA%20GUBERNAMENTAL%2C%20LA,ÉTICAS%20ESTABLECIDAS%20EN%20LA%20MISMA> (date of application 12.06.2021).

7. Tratado Marco de Seguridad Democrática en Centro América. Viernes, 15 de diciembre de 1995. URL : https://www.iidh.ed.cr/multic/UserFiles/Biblioteca/IIDHSeguridad/12_2010/4b294167-d00a-4804-8336-0a6739d1e0a6.pdf (date of application 10.07.2021).

3. Convención Interamericana contra la Corrupción. Adoptado en: Caracas, Venezuela. Fecha: 03/29/96. URL : <https://www.alcaldiabogota.gov.co/sidie/contenido/imagesContenido/TICIContraCorrupcion.pdf> (дата обращения 30.06.2021).

4. Convención de las Naciones Unidas contra la Corrupción. Resolución 58/4 de la Asamblea General, de 31 de octubre de 2003. URL : https://www.unodc.org/documents/mexicoandcentralamerica/publications/Corrupcion/Convencion_de_las_NU_contra_la_Corrupcion.pdf (date of application 30.06.2021).

5. Decreto Legislativo № 653 de 2001 – Ley Orgánica de la Policía Nacional Civil de El Salvador, 06 December 2001 (accessed 29 June 2021). URL : <https://www.refworld.org/docid/4c6947072.html> (date of application 27.06.2021).

6. Ley de Ética Gubernamental. Numero del decreto: 873. Fecha de Emisión: 13/10/2011. URL : <https://www.asamblea.gob.sv/decretos/details/2223#:~:text=LEY%20DE%20ÉTICA%20GUBERNAMENTAL%2C%20LA,ÉTICAS%20ESTABLECIDAS%20EN%20LA%20MISMA> (date of application 12.06.2021).

7. Tratado Marco de Seguridad Democrática en Centro América. Viernes, 15 de diciembre de 1995. URL : https://www.iidh.ed.cr/multic/UserFiles/Biblioteca/IIDHSeguridad/12_2010/4b294167-d00a-4804-8336-0a6739d1e0a6.pdf (date of application 10.07.2021).

Шатанкова Елена Николаевна

кандидат юридических наук,
доцент,
доцент кафедры уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
shatankova.elena@mail.ru

Тарькин Владимир Константинович

доцент кафедры уголовного права,
Юго-Западный
государственный университет
tarykin.vladimir@yandex.ru

Сычкова Юлина Юрьевна

магистрант 1 курса,
Юго-Западный
государственный университет
sychkova.a@mail.ru

**ИДЕЙНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЭВОЛЮЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО
ТЕРРОРИЗМА В УСЛОВИЯХ
ПЕРЕХОДА К ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

Аннотация. Использование политической идейности на современном этапе развития терроризма обуславливает этот феномен как серьезный инструмент по борьбе за мировое подчинение и господство. Идеология выступает в качестве содержательной базы, определяющей деятельность и оправдывающей значимость терроризма. В данной статье авторы фокусируют внимание на определении понятия «террористическая сеть», а также выявляет механизмы зарождения и становления идей терроризма, прослеживает их изменение. Анализ особенностей феномена международного терроризма в условиях глобализации, позволяет констатировать тот факт, что он представляет собой особую опасность для мирового сообщества, в целом.

Ключевые слова: терроризм, идеология, политика, глобализация, террористическая организация, террористическая сеть, экстремизм.

Использование политической идейности на современном этапе развития терроризма обуславливает этот феномен как серьезный инструмент по борьбе за мировое подчинение и господство. Идеология выступает в качестве содержательной базы, определяющей деятельность и оправдывающей значимость терроризма. Она формирует устойчивые взгляды и оценки субъектов [6].

По сути, главная цель идеологии терроризма – изоляция личности от нормальной системы

Elena N. Shatankova

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor,
Associate Professor of Criminal Law,
Southwest
State University
shatankova.elena@mail.ru

Vladimir K. Tarykin

Associate Professor
of the Department of Criminal Law,
Southwest State University
tarykin.vladimir@yandex.ru

YulinaYu. Sychkova

Master 1 the course
Southwest
State University
sychkova.a@mail.ru

**IDEOLOGICAL AND POLITICAL
EVOLUTION OF INTERNATIONAL
TERRORISM IN THE CONTEXT
OF THE TRANSITION TO GLOBALIZATION**

Annotation. The use of political ideological system at the present stage of development of terrorism causes this phenomenon as a serious tool in the struggle for world subordination and domination. In this article, the authors focus on the definition of the concept of a terrorist network, and also identifies the mechanisms of the origin and formation of ideas of terrorism, traces their change. The analysis of the features of the phenomenon of international terrorism in the context of globalization allows us to state the fact that it is a special danger for the world community as a whole.

Keywords: terrorism, ideology, politics, globalization, terrorist organization, terrorist network, extremism.

ценностей, дегуманизация общепризнанные принципов и норм права. Все это способствует формированию закрытой социальной общности, которая активно противоречит действительности.

Научным сообществом неоднократно предпринималась попытка выработать универсальную систему развития терроризма в контексте идейно-политического противостояния. Так, в начале 21 века начали происходить активные изменения, связанные с процессом глобализации. В данной ситуации, феномен терроризма приобрел

транснациональный характер. Символом такого терроризма стала организация «Аль-Каида». При этом идеология террористических групп часто изменчива, что делает ее плохой основой для классификации групп или учета их динамики. Это особенно верно, когда речь идет об организационных целях [10].

Идеологические установки терроризма выступают фактором, способствующим процессу их дифференциации. Например, программа АНО (террористическая группа в Колумбии) была сосредоточена на требованиях по жилищной реформе, реформе образования, национальному плану здравоохранения и правам меньшинств – в целях, которые широко разделяют многие колумбийцы. На Ближнем Востоке идеология ХАМАСа сосредоточена вокруг идеи, что «Палестина-это Исламская земля...отказ от любой части Родины-это как отказ от части самой религиозной веры» [4, с. 138]. Однако эта идея не имеет особого смысла в определении группы, поскольку она является общей точкой зрения среди многих палестинцев, которые не являются сторонниками ХАМАСа [8]. И это отражает аналогичные убеждения об иудаизме и в Израиле, которых придерживаются многие религиозные израильтяне и американские евреи, которые не являются частью или даже не поддерживают террористические группы любого рода.

Сущность идеологии терроризма выступает в ключе самоидентификации социально-политического движения. Это выражается в распределении ролевого статуса «борцов с действующим режимом», «джихадистов» и т.д., что и способствует объединению в террористические сообщества [3].

Эволюционный процесс развития международного терроризма в условиях глобализации проявляется в активном использовании возможностей гражданского общества. Развитию международного терроризма также способствует активно распространяющаяся идеология либерализма, которая существует вне государственных границ. Так, например, в рассматриваемую нами ранее террористическую сеть «Аль-Каида» входили институты гражданского общества, например, строительные компании, ресторанные комплексы и т.д., доходы от которых поступали напрямую для финансирования террористической деятельности [9].

Дальнейшее развитие идейно-политического аспекта международного терроризма можно связать с активным процессом цифровизации. На смену самостоятельным обособленным террористическим ячейкам и организациям приходят транснациональные преступные террористические сети. Их главная особенность – отсутствие единого центра дислокации, она разрознены и координируют свою работу дистанционно. При этом их все также объединяет одно идейно-политическое направление. Рассмотрим одну из моделей террористических сетей нового поколения, какой является, например, SPIN (segment edpolycentric ideologically in tegrated network). По своей сути, она представляет систему, способную консоли-

дировать террористические элементы (группировки) в основе которых лежат разные идейно-мотивационных механизмы. Круг участников данной сети не ограничен, более того, переплетение различных сетей друг с другом (террористических, финансовых, криминальных (наркотрафик, нелегальная торговля оружием, людьми и др.)) делает сетевой конгломерат автономным, еще более аморфным, чем ранее, и при этом трудно уязвимым.

Общую эволюцию идейно-политического становления терроризма можно проследить в следующей схеме: первым этапом является так называемая «раскачка». Она длится от одного года до трех лет. Главная задача на этом этапе завербовать как можно большее количество участников для совершения одной или двух террористических акций, отличающихся большим количеством человеческих жертв. Вторым этапом является «промывка», с участниками проводится активная работа по формированию еще более устойчивого понимания идеологии организации. Внутри самой организации может идти показательная «зачистка» неверных. На данном этапе пока еще главенствует цель устрашения населения. Третий этап связывается с захватом власти и попытками установления мирового господства. Это может достигаться путем политического столкновения различных государств, которое должно приводить к военным конфликтам.

Идеология терроризма базируется на ряде ключевых идей. Одной из таких идей, независимо от типа терроризма, выступает идея об активном терроре со стороны государства. Это краеугольная идея, так как оправдывает в глазах террористов ответное насилие. По нашему мнению, данная идея является ложной, хотя и находит поддержку у некоторых зарубежных ученых. Террористы вне зависимости от их идейности (религиозной или политической) под лозунгами угнетения государством истинной религии или народных масс объявляют государственной власти тайную или открытую войну. В данной ситуации складывается обстановка, когда любое легитимное правительство может в любой момент быть объявлено террористическим и нелегитимным. Поводом для этого могут стать вполне законные решения с применением мер принуждения [7]. Например, арест какого-нибудь «олигарха», пресечение незаконного митинга, даже если насилие является вымышленным, сфабрикованным, «фейковым» и раздутым в средствах массовой информации, как, например, применение Б. Асадом химического оружия в Сирии в 2018 г. Объявление государств террористическими подрывает в принципе их законное право на применение насилия. По своей сути, эта идея ставит под вопрос необходимость государств в принципе [12].

Другой идеей, лежащей в основе всех террористических идеологий, является идея борьбы за свободу. Любая террористическая идеология призывает к освобождению наций, классов или религиозных конфессий. Например, чтобы добиться свободы, ваххабиты требуют собственного государства, в котором не будет «неверных», которые ущемляли бы свободу ваххабитов.

В перспективе же радикальная свобода означает стремление к мировому господству, доминированию, созданию «Всемирного Халифата», так как только мировой господин полностью свободен. Несостоятельность этой идеи не вызывает сомнений. Радикальная свобода требует бесконечной борьбы и бесконечных жертв, которые к тому же не имеют оправданий. Идея мирового господства не может быть осуществлена в принципе, потому что человечество невозможно подчинить только насилем, а ничего другого террористы предложить не могут. Насилие, совершаемое террористами, вызывает только ответное насилие. Объединение ряда ведущих европейских государств в Европейский Союз (далее – ЕС) способствовало распаду террористической организации «Ирландская республиканская армия», т.к. объединение европейских стран исключало потребность Северной Ирландии в независимости.

По нашему мнению, главной проблемой, которая осложняет борьбу с международным терроризмом, является геополитическое противостояние ведущих политических лидеров и государств. Несмотря на серьезную необходимость междуна-

родного сотрудничества в области противодействия распространения идей терроризма, препятствием всегда было гипертрофированное понимание суверенитета и легитимности государственной власти.

Резюмируя данное исследование, выделим следующее. Тенденции идейно-политической эволюции международного терроризма в условиях глобализации сводятся к трем основным этапам. При этом международная террористическая деятельность базируется на специфической идеологии, поэтому для эффективной борьбы с терроризмом необходимо бороться именно с данной идеологией. Борьба с терроризмом должна рассматриваться как приоритетное направление в обеспечении национальной и международной безопасности. Последствия деятельности террористических сетей и сообществ наносит вред не отдельным государствам, а всему человечеству, в целом, поскольку их деятельность посягает на неприкосновенность личности, государственную безопасность, суверенитет. Только объединившись, международное сообщество сможет противостоять этой серьезной проблеме.

Литература:

1. *Алиев Т.Т.* Принципы международного террора / Т.Т. Алиев, В.О. Белоносов, Н.А. Громов // Российский судья. 2013. № 7. С. 106.
2. *Амелин В.В.* Мигранты и ислам / В.В. Амелин; Д.Н. Денисов, К.А. Моргунов // Ислам в трансформационных процессах современности: новые вызовы и тенденции развития в XXI веке современности: новые вызовы и тенденции развития в XXI веке. Сборник научных статей. Диалог, 2017. С. 280.
3. *Антипенко В.Ф.* Особенности соотношения международного и национального права в сфере борьбы с терроризмом / В.Ф. Антипенко // Государство и право. 2005. № 1. С. 105.
4. *Бидова Б.Б.* Философско-идейный фундамент экстремизма / Б.Б. Бидова // Вестник чеченского государственного университета. 2017. № 3. С. 138.
5. *Болдырев Ю.Ф.* Мировое сообщество и борьба с терроризмом: история и современность / Ю.Ф. Болдырев, С.А. Кокорин. Волгоград : Панорама, 2007. № 1. С. 129.
6. *Вишневецкий К.В.* Терроризм. Виктимологический аспект / К.В. Вишневецкий // Теория и практика общественного развития. 2013. № 5. С. 333.
7. *Журавлев Д.А.* Международный терроризм и СМИ: эволюция коммуникационного взаимодействия / Д.А. Журавлев // Вестник РГГУ. 2009. № 14. Серия «Международные отношения. Регионоведение». С. 157.
8. *Качалов В.В.* Терроризм как глобальная проблема современности / В.В. Качалов, М.В. Баранчикова // Наука и практика. 2015. № 2(63). С. 59–61.

Literature:

1. *Aliev T.T.* Principles of international terror / T.T. Aliev, V.O. Belonosov, N.A. Gromov // Russian judge. 2013. № 7. P. 106.
2. *Amelin V.V.* Migrants and Islam / V.V. Amelin, D.N. Denisov, K.A. Morgunov // Islam in the transformational processes of modernity: new challenges and development trends in the XXI century of modernity: new challenges and development trends in the XXI century. Collection of scientific articles. Dialog, 2017. P. 280.
3. *Antipenko V.F.* Features of the correlation of international and national law in the field of combating terrorism / V.F. Antipenko // State and Law. 2005. № 1. P. 105.
4. *Bidova B.B.* Philosophical and ideological foundation of extremism / B.B. Bidova // Bulletin of the Chechen State University. 2017. № 3. P. 138.
5. *Boldyrev Yu.F.* The world community and the fight against terrorism: history and modernity / S.A. Kokorin, Yu.F. Boldyrev. Volgograd : Panorama. 2007. № 1. P. 129.
6. *Vishnevetsky K.V.* Terrorism. Victimological aspect / K.V. Vishnevetsky // Theory and practice of social development. 2013. № 5. P. 333.
7. *Zhuravlev D.A.* International terrorism and the media: the evolution of communication interaction / D.A. Zhuravlev // Vestnik RSUH. 2009. № 14. Series «International Relations. Regionovedenie». P. 157.
8. *Kachalov V.V.* Terrorism as a global problem of modernity / V.V. Kachalov, M.V. Baranchikova // Naukaipraktika. 2015. № 2(63). P. 59–61.

9. *Марков М.М.* Терроризм как глобальная угроза и как инструмент мировой политики / М.М. Марков // Терроризм. 01-07-97 / Дуэль № 13 (35). С. 55.

10. *Матвиенко Е.А.* Исламский радикализм как глобальная проблема современности / Е.А. Матвиенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4(35). С. 71.

11. *Морозов И.Л.* Противодействие агрессивному национализму: уроки истории и вызовы современности / И.Л. Морозов, Е.А. Матвиенко // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. – № 4(43). С. 75.

12. *Петрищев В.Е.* Антитеррористическое законодательство за рубежом / В.Е. Петрищев; Под ред. Е.И. Степанова // Современный терроризм: состояние и перспективы. М. : Эдиториал УРСС, 2000. С. 240.

9. *Markov M.M.* Terrorism as a global threat and as an instrument of world politics / M.M. Markov // Terrorism. 01-07-97 / Duel № 13(35). P. 55.

10. *Matvienko, E. A.* Islamic radicalism as a global problem of modernity [Text] / E. A. Matvienko // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2015. – № 4 (35). P. 71

11. *Morozov I.L.* Counteraction to aggressive nationalism: lessons of history and challenges of modernity / I.L. Morozov, E.A. Matvienko // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. № 4(43). P. 75.

12. *Petrishchev V.E.* Antiterrorist legislation abroad / V.E. Petrishchev; ed. by E.I. Stepanov // Modern terrorism: state and prospects. M. : Editorial URSS, 2000. P. 240.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Кочербаева Айнура Анатольевна

доктор экономических наук,
профессор,
профессор кафедры менеджмента,
Кыргызско-Российский
славянский университет
ainura_koch@mail.ru

Байтилеуов Сабит Султанович

аспирант,
Кыргызский государственный
университет им. И. Арабаева
sabit.84.kz@mail.ru

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
МЕХАНИЗМЫ ПОВЫШЕНИЯ
КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ
В ХЛОПКОВОДСТВЕ**

Аннотация. Повышение конкурентоспособности агропромышленного комплекса является одним из фундаментальных положений государственной аграрной политики. Социально-экономическая сущность конкурентоспособности до сих пор является неточно определенной. В статье проанализировано современное состояние конкуренции и конкурентоспособности в хлопководстве в Республике Казахстан. Определены организационные, экономические и технологические механизмы повышения конкурентоспособности структур производства, первичной и глубокой переработки. А также - основные направления государственного регулирования повышающие конкурентоспособность комплекса, в целом.

Ключевые слова: конкурентоспособность, агропромышленный комплекс, аграрной политика, хлопководство.

Повышение конкурентоспособности агропромышленного комплекса является одним из фундаментальных положений государственной аграрной политики. Социально-экономическая сущность определения понятия «конкурентоспособность» до сих пор является, по нашему мнению, неточной.

Толкование понятия «конкуренция» в экономической науке прошло несколько стадий. Понимание сущности конкурентоспособности исходит из понимания сущности конкуренция, а это обусловило отсутствие единого определения термина «конкурентоспособность».

Среди зарубежных и отечественных ученых экономистов нет единого мнения о понятия «конкурентоспособность». По этой проблеме имеются различные точки зрения и заключения, они имеют в основном сравнительные значения.

Ainura A. Kocherbayeva

Doctor of Economics,
Professor,
Professor of the Department
of Management,
Kyrgyz-Russian Slavic University
ainura_koch@mail.ru

Sabit S. Baytileuov

Postgraduate Student,
Kyrgyz State University
named after I. Arabayev
sabit.84.kz@mail.ru

**ECONOMIC MECHANISMS
FOR INCREASING
COMPETITIVENESS
IN COTTON GROWING**

Annotation. Increasing the competitiveness of the agro-industrial complex is one of the fundamental provisions of the state agrarian policy. The socio-economic essence of competitiveness is still inaccurately defined. There was analyses of modern state of competition and competitiveness of cotto field in the article. Organizational, economic and technological mechanisms of increasing competitiveness of structure in manufacture, primary and deep processing was certain. As well as main ways of government control of increase competitiveness of complex as a whole.

Keywords: competitiveness, agro-industrial complex, agricultural policy, cotton growing.

На наш взгляд, оптимальным является и имеет важное прикладное значение выводы авторов, которые рассматривают конкурентные отношения на трех уровнях [1]:

- по видам продукции, производства и предприятия;
- межотраслевого, корпоративного объединения предприятий и горизонтально интегрированных компаний;
- межотраслевых интегрированных комплексов народного хозяйства.

В нашей статье конкурентоспособность рассматривается в цепи хлопкового комплекса:

- производство – первичная и глубокая переработка – реализация и продажа;

– обеспечение жизнеспособности и ликвидности бизнес-структур в условиях жестких рыночных отношений.

В хлопковом комплексе оценку конкурентоспособности необходимо анализировать в связи с эффективностью производства. Здесь главным вопросом является оценка конкурентоспособности агрообразований, предприятий переработки и ими же произведенной продукции.

Как известно, конкуренция – механизм, регулирующий естественный рынок. По ней можно определить предприятия с устойчивыми экономическими и финансовыми положениями, получающие возрастающие доходы, с потенциалом инвестиций на развитие. Эти структуры добиваются успеха в конкуренции, стремятся овладеть новыми рынками реализации и получить наибольшую прибыль.

Конкуренция происходит среди товаропроизводителей, выпускающих товары одинакового назначения. В такой среде конкуренты путем производства товаров новых ассортиментов и высокого качества входят на новые рынки.

В странах с развитыми рыночными отношениями важными показателями конкурентоспособности являются производительность и уровень развития бизнес среды. Они прямо зависят от следующих категорий:

– устойчивой стратегии и конкуренции (инвестиция и модернизация экономики, формирования открытой и активной региональной конкуренции);

– факторальных показателей: человек, капитал и природные ресурсы, инфраструктура (менеджмент, научно-технологические и информационные);

– уровня спроса: наличия развитого и высоко требовательного местного потребителя и специализированного сектора;

– смежных и подсобных отраслей: местных поставщиков, наличия кластеров и фирм [2].

Социально-экономическое развитие региона, специализированного на хлопководстве прямо связано с уровнями эффективного производства, производительности, инновации и конкурентоспособности.

Производители хлопка зависимы от колебания мировых цен на рынках хлопка, что отражается на привлекательности агробизнеса и экономике региона. Поэтому для ее устойчивого развития, мы считаем необходимым диверсифицировать агро-сектор и развивать внутренний рынок страны. Развитию аграрного сектора должны способствовать индустриально-кластерные направления в легкой, пищевой и в других отраслях перерабатывающей промышленности. Для этого необходимо выбрать и сравнивать агрообразования и предприятия первичной переработки, которые стремятся повысить эффективность и конкурентоспособность, имеют высокий уровень произ-

водительности, рентабельности и возможности инвестировать финансы на дальнейшую модернизацию.

Практика показывает, что конкурентоспособную продукцию могут производить только конкурирующие предприятия. Актуальным является, в первую очередь, повышение конкурентоспособности товаропроизводителей, для этого необходимо в отрасли:

– укрупнить агрообразования;

комплексно диверсифицировать структуру посевов и внедрить научно-обоснованные севообороты, развивать высокодоходные отрасли (животноводство, овощеводства-бахчеводства, садоводство и виноградарство) и первичную и глубокую переработку с тем, чтобы реализовать на рынке готовый товар с добавленной стоимостью;

внедрить инновационную и интенсивную агротехнологию с наименьшими затратами ресурсов [3–6].

Предприятия переработки необходимо модернизировать и внедрить на них новую технологию с той целью, чтобы повысить производительность труда, качество выпускаемой продукции, обеспечить выход производных полуфабрикатов первичной и глубокой переработки, совершенствовать менеджмент на основе современных информационных технологий.

В настоящее время во внутреннем рынке страны преобладает импорт товаров из хлопка, они занимают значительную часть рынка. По заключениям отдельных экспертов объем продаж их доходит до одного млрд. долларов США, что подтверждает низкий уровень производства и конкуренции отечественной продукции. Сдерживается развитие отрасли, внедрения инновации, новой технологии, растут затраты ресурсов и себестоимость продукции [5].

В связи с этим, в регионе организована специальная экономическая зона (СЭЗ) «Онтустик» по глубокой переработке хлопка, где создается хлопково-текстильный кластер. Тем самым будет организована целостная система и конкурентная среда для хлопковой продукции [6].

Конкурентоспособность хлопкового комплекса на макроэкономическом уровне – объективная необходимость превратить его в устойчивую сырьевую базу легкой, пищевой промышленности и других отраслей хозяйственной деятельности, чтобы таким образом увеличить удельный вес этих отраслей в ВВП национальной экономики. Увеличение объемов товаров народного потребления во внутреннем рынке положительно скажется на ценах, позволит сократить экспорт дешевого сырья, благотворно отразится на социально-экономическом развитии региона.

В хлопковом комплексе на уровне микроэкономики организационная структура агрообразований и предприятий делится на три группы:

- мелкие крестьянские хозяйства;
- средне и крупнотоварные кооперативы, товарищества и общества;
- предприятия первичной и глубокой переработки и их ассоциированные подразделения.

Оценка конкурентоспособности товаропроизводителей и показатели целевой программы:

- формирование средне и крупнотоварных и конкурентоспособных агроструктур, что даст потенциал для повышения производственно-экономических показателей на 25–30 %;
- основной принцип деятельности агрообразований – деятельность на основе бизнес-плана стратегии развития и создание модели хозяйства с высокой конкурентоспособностью;
- составление графика безубыточности, определение нормы прибыли и рентабельности;

– уровень использования производственных факторов: земли (оросительной воды), капитала и труда;

– диверсификация структур посевов, чередование культур;

– системное использование результатов исследований по семеноводству и селекции, плановое размещение и районирование новых сортов;

– уровень отдачи органических, минеральных удобрений, гербицидов и биостимуляторов;

Таким образом, посредством формирования цепи производства и первичной переработки, эффективного внутреннего рынка создается основы кластерного развития для полного удовлетворения нужд потребителей региона, формируется благоприятная среда для агробизнеса, финансирования, маркетинга и повышения конкурентоспособности. Исследованием определены основные направления конкурентоспособности хлопкового комплекса (табл. 1).

Таблица № 1

Основные направления повышения конкурентоспособности в хлопковом комплексе

Пути и факторы повышения конкурентоспособности	Ожидаемые результаты
I. Повышение качества продукции	Внедряется менеджмент качества; Улучшается продвижение товаров; Повышается спрос; Повышается реализационная цена; Получает международную сертификацию
II. Внедрение новых селекционных сортов и районирование	Повышается урожайность и качество продукции, устойчивость к вредителям и болезням, недостатку влаги; Повышается выхода волокна до 40%, масла – 28–30 %, текстильно-штапельные качества и показатели
III. Инвестиции на мелиорацию орошаемых земель	Повышается плодородие почвы, сохраняет от вторичного засоления, прибавка урожайности 5–8 ц/га; Повышается КПД использования оросительной воды на 8–10 %; Внедряется экономная технология подачи, распределения и полива оросительной воды; Повышается эффективность использования ирригационных и мелиоративных фондов
IV. Укрупнение агрообразований	Повышается коэффициент использования земли (КИЗ) на 15–18 %; Повышается производительность техники; Диверсифицируется структура посевов и внедряется научно-обоснованная система севооборотов, повышается плодородия пашни и создается кормовая база животноводства; Получать развития побочные отрасли: животноводство и производство продовольствия; Создаются малые и средние предприятия переработки сельхозпродукции
V. Применение интенсивной и инновационной технологии	Применяется современная ресурсосберегающая технология и высокопроизводительная, универсальная техника; Повышается производительность труда и рентабельность, конкурентоспособность отрасли; Повышается эффективность использования ресурсов: минеральных удобрений, ГСМ и биоматериалов по борьбе с сельхоз-вредителями
VI. Внедрение новой технологии первичной переработки	Повышается качество, выхода волокна и другой производной продукции; Повышается производительность переработки использования производственных мощностей предприятий; Повышаются интересы партнеров к конечным результатам
VII. Технология глубокой переработки и организация внутреннего рынка сбыта	Повышается величина добавленной стоимости на 7,9 раза; Повышается объем производства товаров народного потребления и потенциал импортозамещения; Повышается потенциал экспорта полуфабрикатов и готовой продукции; Сокращаются затраты на дальние и встречные перевозки; Получить развития инфраструктура региона
VIII. Совершенствование управления и мотивации	Снизиться противоречия в вмешательстве государственных органов, в управлении частной собственностью усиливается мотивация конечному результату; Повышается эффективность государственной поддержки товаропроизводителей; Получать развития стратегия, консалтинг, информационная технология и другая инфраструктура

В целом, конкурентоспособность хлопкового комплекса – это совокупная конкурентоспособность агропроизводства, предприятий первичной и глубокой переработки их продукции, удовлетворения нужд потребителей. Организация и развитие внутреннего рынка повышает конкуренцию,

Литература:

1. Проект: Оценка конкурентоспособности действующих и потенциально перспективных секторов Казахской экономики и выработка рекомендации по развитию – АО «ЦМАИ» при МЭБП РК – Астана, 2005.
2. *Портер М.* Теория конкурентных преимуществ. СПб., 2002.
3. *Алибаев А.А.* Усиление роли кластеров в инновационной конкурентоспособности / А.А. Алибаев, А.А. Таубаев. 2003. Т. 1.
4. ҚР-ның жеңіл өнеркәсібі кәсіпорындар Ассоциациясының есебі. Алматы, 2004.
5. *Серіков Б.* Бәсекеlestікке қабілеттіліктің теориясы мен тәжірибесі. Алматы-alfamaster, 2012, 260 б.
6. Об утверждении планов по созданию и развитию пилотных кластеров в приоритетных секторах экономики, Постановление Правительства РК от 25 июня 2005 г – № 633.

снижает цены на товары, получить устойчивое развитие сырьевая база промышленности региона. Содействие развитию хлопководства может стать ключевой основой для развития других структурных комплексов национальной экономики Республики Казахстан.

Literature:

1. Project: Assessment of competitiveness of existing and potentially promising sectors of the Kazakhstan economy and development recommendations – JSC «CMAI» at the MEBP RK – Astana, 2005.
2. *Porter M.* Theory of Competitive Advantages. SPb., 2002.
3. A.A. Alibayev, A.A. Taubayev, Strengthening the role of clusters in innovative competitiveness. 2003. Vol. 1.
4. The Association of Sons of Almaty-2004 was a member of the Association of Sons. Almaty, 2004.
5. *Serikov B.* Bәsekelestikke kabilettiliktin theories men tәzhiribesі. Almaty-alfamaster-2012, 260 b.
6. On approval of plans for the creation and development of pilot clusters in priority sectors of the economy, Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated June 25, 2005 № 633.

Храмова Надежда Андреевна
преподаватель,
Волжский филиал Волгоградского
государственного университета
nadi3110@mail.ru

АМБИВАЛЕНТНОСТЬ КОРРУПЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Аннотация. Под коррупцией понимается получение взяток, незаконных денежных доходов чиновниками и политиками, а также - представителями бизнес структур. Коррупция – это сделка, вымогательство, патронат. Все существующие виды коррупции представляют собой, прежде всего, поведенческие акты, проявляющиеся в экономическом поведении, как правило, асоциальные по своей природе, характеризующиеся девиацией и имеющими или не имеющими социальный эффект, как положительный, так и отрицательный. Согласно последствиям коррупции, а именно, получению общественных выгод, выделяются конструктивные и деструктивные виды коррупции, которые определяют ее амбивалентный характер.

Ключевые слова: коррупция, амбивалентность, предпринимательство, экономическое поведение, бизнес.

Коррупция – явление, имеющее давнюю историю и отражающееся в современных реалиях, возрождающееся вновь на различных территориях и охватывающее все новые пространства, проявляющееся в новых формах, типах, видах, на различных уровнях, являющееся по своему характеру как тотально негативным, так и тотально позитивным, что предопределяет амбивалентность данного процесса. Т.е. коррупция является доминирующим явлением, поскольку проникает во все сферы жизнедеятельности современного социума и охватывает все уровни взаимоотношений субъектов, в то же время, присущее самому социуму как поведенческая особенность, проявляющаяся как массово, так и индивидуально.

Под коррупцией подразумевают получение взяток, незаконных денежных доходов чиновниками и политиками, а также представителями бизнес структур. Коррупция – сделку, вымогательство, патронат. Данные формы коррупции представляют собой, прежде всего поведенческие акты, присущие экономическому поведению, как правило, асоциальные по своей природе, характеризующиеся девиацией и имеющие или не

Nadezhda A. Khramova
Lecturer,
Volzhsky branch
of Volgograd State University
nadi3110@mail.ru

THE AMBIVALENCE OF CORRUPTION AND ITS IMPACT ON BUSINESS DEVELOPMENT

Annotation. Corruption refers to the receipt of bribes, illegal monetary income by officials and politicians, as well as representatives of business structures. Corruption is a transaction, extortion, patronage. All existing forms of corruption are, above all, behavioural acts manifested in economic behaviour, usually asocial in nature, characterized by deviation and having or not having a social effect, both positive and negative. According to the consequences of corruption, namely, to obtain public benefits, constructive and destructive forms of corruption are distinguished, which determine its ambivalent nature.

Keywords: corruption, ambivalence, entrepreneurship, economic behavior, business.

имеющие социальный эффект, как положительный, так и отрицательный [3].

Современный социум можно представить как три ключевые сферы взаимодействия: государство, бизнес, гражданское общество.

Такая важная сфера как бизнес действует первоначально с целью получения внутренней выгоды. И, в то же время, взаимодействуя с государством, приносит выгоду обществу. Иногда, сферы бизнеса и государства объединяют свои усилия отнюдь не в пользу общества, а для получения собственных выгод, действуя так посредством коррупционного поведения, обеспечивая коррупцию в масштабах всего общества, что, в свою очередь, влияет на другие процессы и явления, затормаживая или приостанавливая процесс их развития в целом.

Коррупция является приоритетным фактором, влияющим на развитие предпринимательской деятельности, при этом, обладая возможностью влияния на каждый отдельно взятый фактор, поскольку именно коррупция является интеграционной производной всех без исключения факторов, т.к. воздействуя на них, может усиливать или

уменьшать их влияние на развитие предпринимательской деятельности, а также может являться надсистемным доминирующим фактором, либо уменьшать или вовсе нейтрализовать их влияние.

Необходимо уточнить, что коррупция – явление, сопровождающее предпринимательскую деятельность, с одной стороны, влияющую на нее прямо или косвенно, являясь внешним фактором развития, а, с другой стороны, являясь внутренним фактором, присущим субъектам предпринимательской деятельности, выражающееся в экономическом поведении предпринимателей, приоритезирующих получение прибыли как ключевой цели своей деятельности, при этом, для достижения которой, способны действовать асоциально, но в то же время, действуя таким образом, могут создавать иногда социальный эффект.

Коррупция – явление, демонстрирующее амбивалентность, проявляющееся в двойственном характере данного процесса. Определяя коррупцию как явление, присущее современному социуму, можно определить двойственность его значения для общества, а также, рассматривая коррупцию как поведенческий акт, необходимо отметить, что амбивалентность также находит свое отражение в поведенческом акте, поскольку коррупционер, действуя девиационно, наносит вред обществу, принося пользу себе. В то же время, оценивая свое поведение субъект коррупции по-разному, в разный период времени может оценивать данный факт. Следовательно, коррупция имеет и внутреннюю и внешнюю амбивалентность и проявляется в коррупции, как общественном явлении, так и в коррупции как разновидности экономического поведения.

Поскольку в конкурентных условиях каждый участник того или иного процесса стремится получить преференции или прочие благоприятные условия для развития своей деятельности, то можно сделать следующий вывод – чем выше конкуренция, тем выше уровень коррупции [1].

Взятки активизируют и усиливают работу бюрократического механизма на всех уровнях управления.

Доводы в пользу коррупции можно признать заслуживающими внимания только в случае невозможности, по каким-либо причинам, вымогательства взяток чиновниками, то есть, когда коррупционные сделки происходят по инициативе взяткодателей, а чиновники не создают сознательно административных барьеров, единственное назначение которых – стимулировать клиентов к

предложению взятки. Или же в условиях форс-мажора, т. е. обстоятельств непреодолимой силы.

Следовательно, на основании вышеизложенного, выделим следующие виды коррупции, отражающие ее амбивалентный характер.

Конструктивная коррупция – та коррупция, которая приносит положительный эффект в рамках общественных выгод. В этом плане коррупция может представляться в позитивном ключе, поскольку скрывает несовершенства социально-экономического механизма взаимодействия представителей бизнеса, органов власти и общества, причем в данном случае коррупция может выступать как способ консенсуса между тремя ключевыми сферами социума, способствующий дальнейшему сотрудничеству. В данном случае, коррупция представляется детонатором для динамичного развития предпринимательства в экономическом и социальном плане, т.е., убирает на своем пути нежелательные преграды, что способствует выходу бизнеса на новый, более качественный уровень развития.

Коррупция способна нести с собой положительный результат, поскольку она способна сглаживать несовершенства экономического механизма, выстроенного на экономических отношениях по поводу производства, распределения, обмена, потребления при этом, создавая социальный эффект, т.е., принося пользу обществу.

Деструктивная коррупция – вид коррупции, имеющий отрицательные проявления и последствия и негативно отражающийся на экономическом развитии как отдельных сфер деятельности, отраслей, территории, так и страны в целом. Деструктивная коррупция определяется ее разрушительным характером, замедляет экономический рост, нарушает объективность взаимодействий и взаимоотношений между субъектами хозяйственной деятельности. А также, сказывается деструктивно на поведении людей, которое приводит к отрицательному жизненному опыту, и как следствие, негативно отражается на судьбе участников коррупционных действий.

Таким образом, коррупция, безусловно, влияет на экономические процессы, в целом, и на отдельные виды деятельности, в частности, предпринимательскую деятельность, причем, как отрицательно, так и положительно. Коррупция – это амбивалентный процесс, влияющий на развитие предпринимательской деятельности, и как всякая амбивалентность носит двоякий характер и может отражаться на развитии бизнеса как положительно, так и отрицательно.

Литература:

1. *Иванова А.А.* Коррупция в сфере российского предпринимательства / А.А. Иванова // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 3(27). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-sfere-rossiyskogo-predprinimatelstva> (дата обращения 08.06.2021).

Literature:

1. *Ivanova A.A.* Corruption in the field of Russian entrepreneurship / A.A. Ivanova // Current problems of the economy and law. 2013. № 3(27). URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/korrupsiya-v-sfere-rossiyskogo-predprinimatelstva> (date of application 08.06.2021).

2. *Сидоров Б.В.* Социально-правовая характеристика коррупции и меры, необходимые для ее преодоления: современность и перспективы / Б.В. Сидоров, И.А. Гумеров // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 3 С. 169–172.

3. *Храмова Н.А.* Фаворитизм как ключевая форма развития коррупционных отношений / Н.А. Храмова // Социология. 2020. № 6. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/favoritizm-kak-klyuchevaya-forma-razvitiya-korrupcionnyh-otnosheniy> (дата обращения 19.06.2021).

2. *Sidorov B.V.* Socio-legal characteristics of corruption and measures necessary to overcome it: modernity and prospects / B.V. Sidorov, I.A. Gumerov // Bulletin of Economics, Law and Sociology. 2014. № 3. P. 169–172.

3. *Khramova N.A.* Favoritism as a key form of the development of corruption relations / N.A. Khramova // Sociology. 2020. № 6. URL : <https://cyberleninka.ru/article/n/favoritizm-kak-klyuchevaya-forma-razvitiya-korrupcionnyh-otnosheniy> (date of application 19.06.2021).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ГУМАНИТАРНЫЕ, СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ

Корректор: Попов М.Ю.
Оригинал-макет: Шелкова Е.А.

Сдано в набор 26.07.2021
Подписано в печать 29.07.2021
Формат 60x84^{1/8}. Бумага типографская № 18
Печать riso. Уч.-изд. л. 8,4
Тираж 550 экз.

Отпечатано ИП Фоменко О.Я.
Тел. +7(918) 41-50-571

Заказ № 69

e-mail: id.yug2016@gmail.com